

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА

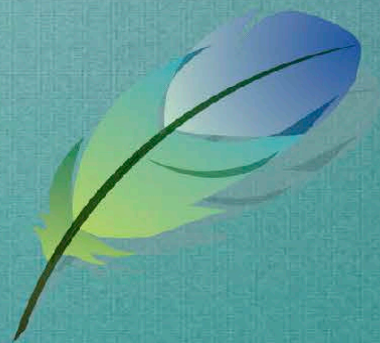
НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

**I МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

Сборник научных трудов

25.05.2015

Нижний Новгород

Филологический аспект: Сборник научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции 25 мая 2015 г. Н.Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2015, 122 с.

В сборник научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции «Филологический аспект» включены 34 статьи по всем направлениям филологической науки. В конференции приняли участие 38 научных сотрудников России и зарубежных стран. Сборник адресован ученым, аспирантам, соискателям, магистрантам, преподавателям-практикам, студентам.

Редакционная коллегия:

Плесканиук Т.Н. – главный редактор, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Нижегородского института менеджмента и бизнеса.

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва.

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ.

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории им Н.А. Римского-Корсакова.

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

Пацюкова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (Мининский университет).

Кожарина Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

Краснова Наталья Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры Финансов и банковского дела Нижегородского института менеджмента и бизнеса.

Сартакова Елена Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономики и инвестиций филиала Южно-Уральский государственного университета г. Снежинска.

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и европейских языков, директор ресурсного центра итальянского языка Нижегородского государственного лингвистического университета им Н.А. Добролюбова.

Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет, ответственность за достоверность информации несут авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. Русская литература

Белевцова Т.Б. МОТИВЫ ЭРОСА В ЛИРИКЕ ФЕДОРА СОЛОГУБА.....	6
Бочарова Т.В. АЛТАЙСКИЕ ПОЭТЫ-ФРОНТОВИКИ О РОДИНЕ (М.Ф.БОРИСОВ, В.ГЛОТОВ)	9
Коновалова И.Е. МИФ О ГАММЕЛЬНЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ИОСИФА БРОДСКОГО	13

СЕКЦИЯ 3. Литература народов стран зарубежья

Блинова М.П. ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В ПЬЕСЕ ТРЕЙСИ ЛЕТТСА «АВГУСТ: ГРАФСТВО ОСЕЙДЖ»	16
Ветошкина Г.А., Савинова Л.С. ОБРАЗЫ ЗЛА В ТВОРЧЕСТВЕ СТИВЕНА КИНГА.....	18
Гайнутдинова Г.Ф. АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА (на материале романа «Тавро Кассандры»).....	21
Парфенова Т.А. ИССЛЕДОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	24
Савельева Е.Б. ЭТИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА СБОРНИКА ЭССЕ АНДРЕ ЖИДА «ПОВОДЫ».....	28
Татарина Л.Н. МЕТАФОРА ЛОВЛИ / ОХОТЫ В РАССКАЗАХ УИЛЬЯМА ФОЛКНЕРА.....	31

СЕКЦИЯ 4. Теория литературы, текстология

Костян М.Х. ДРАМЫ А.В. ВАМПИЛОВА И ТЕКСТ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА	35
--	----

СЕКЦИЯ 7. Языкознание

Мукушева Г.Р., Орнальдина А.Е. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РАЗНЫХ КУЛЬТУР.....	39
Рамазанова Д.Б. ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОВ СВОЙСТВА В МИШАРСКИХ ГОВОРАХ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ	42

СЕКЦИЯ 8. Русский язык

Буторина Е.П. ОСОБЕННОСТИ ПРАГМАТИКИ ДЕЛОВОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ	46
Петрачкова И.М. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНТРОПОНИМОВ В РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ XX ВЕКА	50

Плесканиук Т.Н. ТЕКСТОКОГЕРЕНТНАЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МАТРИЦА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ СВЯЗНОСТИ В ТЕКСТАХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ	54
Сичинава В.В. ЯЗЫКОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СИНТЕЗА ИСКУССТВ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА	58
Хашимов Р.И. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ АНОМАЛИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА	60

СЕКЦИЯ 9. Языки народов Российской Федерации

Баязитова Ф.С. ТЕРМИНЫ ПОМИНАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ И ОБРЯДОВОЙ ПИЩИ В ГОВОРАХ КРЕЩЕННЫХ ТАТАР (ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	64
Валиева Л.Г. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УСТУПИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ	67
Хазиева-Демирбаш Г.С. ТАТАРСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ...	70

СЕКЦИЯ 10. Славянские языки

Карпов Е.А. НОВОСЛОВНИЦА КАК ПРОЕКТ ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА	74
---	-----------

СЕКЦИЯ 11. Германские языки

Дидиченко Р.Н. ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В НЕЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ВУЗЕ	78
Цветкова О.Г. АРГУМЕНТ КАК СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ ИНТЕНЦИИ ГОВОРЯЩЕГО В СПОРЕ.....	81

СЕКЦИЯ 13. Классическая филология, византийская и новогреческая филология

Брагова А.М. ОБЗОР МЕТОДОВ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА	84
Шматко Ю.Н. ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОМЕДИЙ МЕНАНДРА.....	87

СЕКЦИЯ 14. Теория языка

Гончарова А.А. ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА АНТУАНА АРНО	91
Кругляк Е.Е. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА КАНАДЫ	93
Парфенова Т.А. ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ	96

СЕКЦИЯ 15. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Гейко Н.Р. ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ.....	101
Свириденко Э.О. ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ АНГЛО-АМЕРИКАНИЗМОВ В СЛОВАРЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ	104

СЕКЦИЯ 16. Прикладная и математическая лингвистика

Долгова А.А., Киселева Н.А. К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕТОДОВ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	108
Киселева Н.А. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ РЕШЕНИЮ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДА ИНФОРМАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ	111
Федосова Е.А. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АКЦИЯ «ТОТАЛЬНЫЙ ДИКТАНТ» КАК ШАГ В ФОРМИРОВАНИИ ПОТРЕБНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ГРАМОТНОЙ РЕЧИ.....	115

СЕКЦИЯ 17. Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки

Лапина И.В., Жилкибаева А. THE ROLE OF MULTILINGUAL EDUCATION IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN	120
---	------------

СЕКЦИЯ 1.

Русская литература

УДК 82.13

Белецова Т.Б.

Северо-Кавказский федеральный университет

МОТИВЫ ЭРОСА В ЛИРИКЕ ФЕДОРА СОЛОГУБА

Аннотация

Статья содержит материалы исследования поэтического творчества Федора Сологуба. В ней рассмотрены особенности проявления мотивов Эроса и их специфика. Основными методами исследования послужили: метод описательной поэтики и метод интерпретации.

Abstract

Article contains materials of research of poetic creativity of Fedor Sologub. In it features of manifestation of motives of the Eros and their specifics are considered. Served as the main methods of research: method of descriptive poetics and method of interpretation.

Ключевые слова: мотив, образ, Эрос, поэзия.

Key words: motive, image, Eros, poetry.

В творчестве Федора Сологуба, как представителя литературы XIX – XX веков, ознаменованной резким разрывом с прошлым опытом художественного творчества и совершенно иным видением искусства, поиском новых форм в стиле и изобразительности, проявляется немало характерных для данного периода тенденций. Многие современники находили его лирику глубоко пессимистичной, поскольку во многих стихотворениях художник отвергает окружающую жизнь, не верит в возможность ее реального преобразования и улучшения. Это во многом связано с мировоззрением поэта, подкрепленным философией А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и Ф. М. Достоевского.

Оригинальность лирики Федора Сологуба выражается в особом проявлении в ней экзистенциальных констант человеческого бытия. Особенный интерес представляют мотивы Эроса, наиболее ярко отражающиеся в системе мотивной организации поэтических произведений. Говоря о мотиве, как об основном структурном элементе, который разворачивает художественную идею, следует обратиться к определению этого понятия в литературоведческой науке.

Термин «мотив» у представителей западноевропейского субъективно-идеалистического литературоведения определяется как «опыт поэта, взятый в его значимости» (Дильтей). Мотив в этом смысле – исходный момент художественного творчества, совокупность идей и чувств поэта, ищущих доступного воззрению оформления, определяющих выбор самого материала поэтического произведения, и – благодаря единству выразившегося в них индивидуального или национального духа – повторяющихся в произведениях одного поэта, одной эпохи, одной нации и тем самым доступных выделению и анализу [3].

Образ Эроса, как олицетворения всевластной мировой силы любви и сексуальности, был предметом размышлений философов античности. Парменид считал, что Эрос – это древнейший бог и первоисточник величайших благ. Павсаний и Эриксимах полагали, что Эрос разлит по всей природе и является двойственным, или что существует два Эроса (один у здорового начала, а другой у больного). Эмпедокл подчеркивал значение бессмертной борьбы всесоединяющей любви и всеразъединяющей вражды, которые по необходимости господствуют над вещами [2].

В современном понимании понятие «эрос» имеет несколько значений:

1) бог любви,

- 2) олицетворение любви и сексуальности,
- 3) персонифицированное обозначение сексуального инстинкта (сексуального влечения), инстинкта жизни и самосохранения [2].

В русской классической литературе тема любви – одна из главнейших тем. В нашей традиции существует некая целомудренность в изображении страстной и плотской любви. По поводу этого явления существует интересная точка зрения: «Никто не будет отрицать немислимую асексуальность русской литературы. Сравнительная бедность ее собственного «эротического» арсенала – оттого, что ее тема – любовь, а не секс. Эрос, а не эротика» [4].

В XX веке мотивы Эроса (наряду с мотивами Танатоса) становятся ведущими экзистенциальными мотивами в искусстве. Многие общественные и литературные деятели опираются на античные представления об Эросе, как о некоей космической силе. Символисты вообще провозглашают Эрос высшим началом человеческой жизни. Русские философы в своих работах поднимают проблему, связанную с постижением тайн и смысла любви. Их привлекают такие явления, как андрогиния, гомосексуализм, гермафродитизм.

В это время усиленно развивается психоанализ: публикуются работы европейских психоаналитиков, обращавшихся к сущности психики, сознания и бессознательного. В том числе исследуется природа любви и смерти как областей, детерминирующих жизнь человека. Фрейд выдвигает дуалистическую концепцию, согласно которой человеком движет влечение к жизни (Эрос) и влечение к смерти (Танатос).

В стихотворениях Ф. Сологуба Эрос воплощается в разных ликах. Чаще всего любовное чувство непременно смешивается с ощущением смерти. Можно сказать, что в его стихотворениях отражается взаимодействие или борьба этих начал, причем они входят в художественный образ в разных пропорциях. В одних случаях Эрос довлеет над Танатосом, в других – наоборот. «Любовь Сологуба похотлива и нежна. В ней чувствуется что-то гиенье, что-то почти карамазовское, какая-то всегдашняя близость преступления» [1]. Часто встречаются образы мистических существ, соблазняющих, манящих своей дьявольской красотой. И. Анненский называет подобную нечисть Прекрасной Дамой Сологуба, нежитью, вовлекающей героя в пучину греха и зла своими заклятьями:

«В пути безрадостном среди немой пустыни

Предстала предо мной

Мечта порочная, принявши вид богини

Прекрасной и нагой.»

<...>

И где она ногою голой

Касалася сухой земли,

Там грешные цветы толпой веселой

Бесстыдные, пахучие цвели.» [5].

«Порочная мечта», воплощенная в образе богини склоняет лирического героя к греху. Она изображается прекрасной и нагой, вызывая в сознании поэта, восхищенного этим созданием, запретные желания. Автор подчеркивает телесность этого существа, что выражается в ее наготы, в ней присутствует эротизм, некая бесстыдность. Это восхищает героя и, в конце концов, он покоряется ее таинственному зову, но, разочаровавшись в «житейской пустыне», впадает в апатию, теряет жажду «дел великих», уносится в тот мир, в который его манит эта «порочная мечта». В существе женского пола, будь то ведьма, русалка или недотыкомка, притягивающем и очаровывающем, может скрываться сама смерть. Несмотря на то, что она вызывает страх и ужас, в глубине ее сокрыта невидимая красота.

В стихотворении «Я любил в тебе слиянье...» появляется реалистический, «земной» образ возлюбленной, который предстает двойственным. В нем контрастируют стихии целомудренности и греха, нежности и жестокости:

«...Кротость девочки-подростка,

Целомудренные грезы –

И бичующие жестко

Обличенья и угрозы...» [5].

Героиня здесь – это и объект эротического желания, и в то же время святыня, перед которой лирический герой испытывает благоговение. Она привлекает сочетанием в своей сущности образов «девички» и «поруганной рабыни», к которой лирический герой испытывает сострадание, ввиду ее грешности.

Противопоставление женщины «земной» и «неземной» обнаруживается в стихотворении «Изменил я тебе, неземная...». Следует отметить, что подобное разграничение появляется еще в трудах древнегреческого философа Платона, который выделял Афродиту небесную (Уранию), чистый и недостижимый образ, и земную (Пандемос).

В стихотворении герой соблазнен обычной женщиной, «девой телесной». Он сетует на то, что был опьянен самой природой, нежными ароматами майской сирени. Будучи до этого верным своей мечте, «неземной деве», он отрекся от нее при виде живой, не возвышенной, а совершенно простой девушки. Таким образом, он изменил своей мечте и поддался естественным желаниям, присущим всем людям. Его обуяла страсть, чего он не смог бы испытать по отношению к незримому, возведенному до святыни образу холодной и недоступной невесты:

«...Я, невеста, тебе изменил,
Очарованный девой телесной.
Я твой холод блаженный забыл.
О, закрой меня ризой небесной
От земных распалюющих сил!...» [5].

В художественное пространство Сологуба входит натуральный, реалистический женский образ, сменяющий возвышенный и бестелесный, который прежде во многих стихах был единственным предметом обращения:

«Язычица! Как можно сочетать
Твою любовь с моею верой?
Ты хочешь красным полымем пылать,

А мне – золой томиться серой...» [5]. Автор подчеркивает огромную разницу между страстной грешницей и им самим, пребывающим в вечном томлении, безрадостном сером существовании и неприятии жизненных радостей. Он видит в ней огонь, который может его погубить, но его душа не такая и жаждет она совершенно иного. Инстинкт саморазрушения, который так присущ герою, подавляет инстинкты эротические.

В более поздних стихотворениях Сологуба предстает совершенно иная любовь, очищенная от смертельного налета. Он отходит от собственной философской системы, в которой возвеличивал смерть, как уход от мерзостной жизни. Теперь он восхваляет очарования жизни; в нем просыпается инстинкт преодоления разрушения. Обращаясь к любимой женщине, он говорит:

«...Устал, устал я жить в затворе,
То ненавидя, то скорбя.
Хочу забыть про зло и горе
И повторять: – Люблю тебя!...» [5].

Таким образом, Эрос в лирике Ф. Сологуба проявляется и как плотская страсть, эрос в узком смысле; и как возвышенное чувство к созданному в воображении полубожественному существу, манящему и толкающему на грешный путь; и как наслаждение от бытия, чувства возвышения над миром суеты. В выражении своих чувств поэт предельно откровенен. Он утверждает: «Хочу, чтобы интимное стало всемирным» [6]. Сологуб считал, что красота должна сделаться всеобщим достоянием, так же, как и личное, и интимное.

Библиографический список

1. Анненский И. О Сологубе. Аполлон. 1909. № 1 // О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки. Сост. Ан. Чеботаревской. – СПб., 2002 [Электронный ресурс].URL:

http://www.fsologub.ru/about/articles/articles_52.html (дата обращения: 10.05.15).

2. Краткий психологический словарь. Л.А.Карпенко, А.В.Петровский, М. Г. Ярошевский. – Ростов-на-Дону, 1998.
3. Литературная энциклопедия / Под редакцией В. М. Фриче, А. В. Луначарского. – М., 1929–1939 [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/1/ (дата обращения: 10.05.15).
4. Непомнящий В. С веселым призраком свободы. – М., 1993.
5. Сологуб Федор. Стихотворения / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. М. И. Дикман. – СПб., 2002.
6. Чеботаревская А. «Творимое» творчество / Федор Сологуб. Звезда Маир. – М., 1998.

УДК 82.13

Бочарова Т.В.

МКОУ «Тальменская средняя школа №2»

АЛТАЙСКИЕ ПОЭТЫ-ФРОНТОВИКИ О РОДИНЕ (М.Ф.БОРИСОВ, В.ГЛОТОВ)

Аннотация

В современном мире мало кто знаком с произведениями поэтов-фронтовиков Алтайского края, писавших в каждом своем произведении о любви к Родине. Данная работа представляет собой систематизацию образа Родины в поэзии М.Борисова и В.Глотова. Рассматриваются основные художественные средства стихотворений поэтов, предоставляется обзорная информация о жизни и литературном творчестве поэтов. Материал работы может использоваться при углубленном изучении Алтая, как литературного края.

Abstract

In today's world, few are familiar with the works of poets, veterans of the Altai Territory, wrote in his every work of love for the motherland. This work is the systematization of the Motherland image in poetry and M.Borisova V.Glotova. The main artistic means of his poems, provided an overview of the life and literary works of poets. Work material can be used in-depth study of the Altai, as a literary edge.

Ключевые слова: поэты, Родина, Алтай, Борисов, Глотов.

Keywords: poets, Motherland, Altay, Borisov, Glotov.

В 21в. на фоне компьютеризации, созидательного преобразования действительности, информационных коммуникаций очень важным является вопрос о любви к родному краю. Сегодня, как никогда, в российском обществе актуальна проблема сохранения национальной культуры, в том числе и культуры родного края.

Актуальность данной работы обусловлена недостатком информации о поэтах-воинах Алтайского края и отсутствием систематизации сведений об участниках Великой Отечественной войны, воспевавших на фронте ее красоту, богатство и силу.

Целью работы является создание обобщенного образа Родины в стихотворениях алтайских поэтов.

Задачами исследования являются:

- 1) изучить биографии поэтов Алтайского края;
- 2) проанализировать их произведения времен Великой Отечественной войны;
- 3) обобщить, каким образом поэты раскрывают свою любовь к родному краю.

Практической значимостью данного исследования следует считать систематизацию информации о поэтах-соотечественниках-современниках, а также определение особенностей их поэзии, способах раскрытия основной темы творчества.

Для решения поставленных задач использовались следующие методы:

- изучение и анализ литературы и различных информационных источников по данной теме;
- обобщение, моделирование.

Результатом данной работы является обобщенный и систематизированный материал о жизни и творчестве поэтов Алтайского края. Материал будет интересен тем, кто увлекается литературой и историей нашей страны, хочет знать имена достойных ее представителей, углубить знания о выдающихся людях своей малой родины.

«Поэт-фронтовик Алтай – кто же он такой?»

Сегодня все знакомы с героем поэмы А.Т.Твардовского «Василий Теркин», но мало кому известно, что прототипом главного героя является друг, товарищ по оружию, поэт, уроженец Алтайского края - Василий Глотов. Биографических сведений об этом авторе практически нет, сам он так изложил в письме, адресованном на Алтай, юным землякам информацию о себе:

"Первый класс я закончил в Прыганке. В первые годы Советской власти все Глотовые вступили в коммуну "Лев" и выехали в лога за двадцать, а может, за тридцать километров от Прыганки. После там образовывается поселок Лев, а еще позднее жители его разъехались по разным колхозам Алтайского края. Из этого поселка я ушел учиться в город Камень в ФЗУ, а потом - в Красную армию, где служил, продолжил учебу, прошел путь от рядового солдата до подполковника запаса.

В члены Союза советских писателей был принят в 1939 году. Живу во Львове, в Прыганке я не был уже много лет" [1, с.9].

Участником боевых сражений Василий Глотов не был, но в боевой обстановке бывал. Будучи старшим политруком, он работал в газете «За правое дело!». Известен факт участия Глотова в организации перетаскивания трактором через реку машин разных отделов совместно с полковником Самсоновым. Под пулеметным обстрелом самолетов противника было перетащено до тридцати автомашин, за что ему была объявлена благодарность начальником политотдела армии полковым комиссаром Вишневецким.

Как писатель газеты Глотов постоянно бывает в частях и подразделениях и материал берет непосредственно от участников там же в боевой обстановке. Товарищи по оружию характеризовали стихи поэта как «актуальные, политически целеустремленные». Многие из его стихов читались на красноармейской художественной самодеятельности.

Среди начальства Глотов заработал хорошую репутацию. О нем говорили, что Василий в любое время, не задумываясь, сменит перо на винтовку и вместе с бойцами нашей армии пойдет уничтожать гитлеровских разбойников [2, с.7].

Дослужился Василий Глотов до звания майора, был членом ВКП(б), награжден орденом Красной звезды и медалями.

Приобщиться к литературному творчеству Глотову в свое время помог Твардовский. Именно с его легкой руки появляются в печати газеты "Красноармейская правда" поэтические строчки героя «Книги про бойца» [1, с.12].

Но, только демобилизовавшись, Глотов без остатка посвятил себя литературной деятельности. Кроме 35 поэтических сборников, им написаны повести: "Его вина", "Песня степи", "Наедине с совестью," "Сильнее страха" и др.

Семья писателя до сих пор проживает в г.Львове и хранит переписку Василия с Александром Твардовским, увековечившим Глотова в своем произведении. А дальние родственники на Алтае, не имеющие возможности общаться с поэтом, к сожалению, ничего о нем не знают. А вот учительница начальных классов Клавдия Васильевна Цыплева бережно хранила вырезки из газет, в которых печатался ее ученик [2, с.19].

Стилистические особенности произведений автора отличают его поэзию от стихотворений других поэтов-фронтовиков. Стихотворный слог очень близок А.Т.Твардовскому - учителю Глотова на литературном поприще. Достаточно даже беглого взгляда, чтобы определить родство творческой манеры двух авторов:

А.Твардовский

Я забыть того не вправе,

Что твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне,
Повстречавшись на войне.
В.Глотов

Тоскую я, ушел ты, дорогой!
Немало дел еще в двадцатом веке.
О буднях, о боях, о человеке
Не скажет так уже никто другой!

Атмосфера стихотворений автора-земляка непринужденная, не смотря на тяжелые для страны времена («Пастушки, серые от пыли, // В пути заметив водопой // Стада уставшие поили // Смоленской светлою водой»). Автору удается достигнуть такого эффекта с помощью создания привычных для читателя образов («тощий мученик-старик», «колхозницы из тыла»). Перед нами картины трудового народа, мирного течения жизни («В лесу звенели пилы, // Стучали топоры»). Война, словно сопутствующая параллель, проскальзывает в стихотворениях («И шли бойцы на запад // По деревушке той», «На новоселье звали, // Поднять бокал вина // А мы им отвечали: // -Зашли бы, да... война»). Мы видим людей, занятых своими привычными делами, и солдат, несущих военную службу.

Лирический герой произведений Глотова, подобно герою Твардовского, добродушный, равнодушный к судьбам окружающих его людей, отзывчивый и простой человек. Он готов прийти на помощь в любую минуту, готов забросить все свои дела, чтобы встать на защиту родной земли, своей Родины («И, отряхнув шинели, // Спускались в лог с горы»).

Василий Глотов изображает Родину как нечто близкое человеческому сердцу, невероятно родное и понятное каждому. Используя различные художественные средства в своих стихотворениях («По дороге», «Старик», «Пастушки»), он раскрывает перед читателем милый сердцу автора деревенский простор («Без дорог и без тропинок, // По увалам - напрямик»), бескрайние поля («Как на картине, любо-милостно: // Через поля и города // Вели колхозницы из тыла // На запад пестрые стада»), лица старожилков-земляков («И ласково смотрели на солдат»). Родина для него – простые хаты («бревенчатые»), особый запах природы («Висел сосновый запах // Приятный и густой»), трудящиеся мужчины и женщины («А пилы все звенели, // Стучали топоры»), мудрые и гостеприимные старики («На новоселье звали, // Поднять бокал вина»), обладающие сочувствием, уважением и любовью к старшим солдаты («Мы отдали деду свитер, // И уже в пути за рвом // Мой товарищ слезы вытер // Опаленным рукавом»).

Таким образом, Василий Глотов представляет в своей поэзии тихую, милую человеческому сердцу, понятную каждому Родину:

И посмотрев куда-то в дали,
Они садились у куста,
И, чуть волнуясь, узнавали
Свои родимые места.

«Не просто 19-летний паренёк, а гвардии сержант артиллерии!» [7]

Выдающаяся храбрость, военные таланты, дар оригинального поэта сделали Михаила Борисова одним из известных и любимых героев войны 1941-1945 гг. В должности комсорта артиллерийского дивизиона 58-й мотострелковой бригады (Воронежский фронт) он участвовал в Курской битве. Принимал участие в сражениях за Харьков. Сражался на Крымском фронте, принимал участие в Керченской десантной операции, в которой после уничтожения миномёта успел пострелять из трофейного орудия, послужить в разведке и наводчиком 82-мм миномёта. 11 июля 1943 года в районе села Прохоровка (Белгородская область) одна из батарей дивизиона была атакована 19 танками противника. Когда орудийный расчёт вышел из строя, М. Ф. Борисов сам встал к орудию и прямой наводкой подбил 7 танков. Сам он оценивал количество лично подбитых танков в том бою как 8, а точнее — семь с половиной — восьмой танк был только повреждён (подбит наполовину), поэтому Борисов засчитал его себе, как половину танка. Эта «половинка» выстрелила по орудию Борисова, в результате чего он был ранен («...и эта половинка меня добила» — вспоминал Михаил Фёдорович). Земляки прозвали его «чудо-богатырь» за этот

благоприятный исход Курской битвы. А Гитлер после этого боя внёс его в список своих личных врагов [8, с.136].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1944 года за мужество и героизм, проявленные в боях, гвардии старшему сержанту Борисову Михаилу Фёдоровичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 2358). Награждён советскими орденами Ленина (10.01.1944), Отечественной войны 1-й степени (11.03.1985), 2 орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» 3-й степени, российским орденом «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени, медалями [6].

Михаил Фёдорович Борисов - заслуженный работник МВД СССР, почетный сотрудник МВД РФ.

В 1981 он окончательно вышел в отставку в звании полковника. Был членом правления Московского клуба Героев Советского союза, Героев России и полных кавалеров ордена Славы. Занимался литературной деятельностью.

Поэт печатался во многих журналах, газетах, его статьи с удовольствием опубликовывали. В конце своей жизни он дал интервью газете «Красная звезда» (8 мая 2009 года) и газете «Российский писатель». Было выпущено свыше 3-х десятков его книг, но сам поэт говорил: «Сейчас у меня 35 книг. Если появится хотя бы десяток новых стихов, приложу все усилия, чтобы появилась очередная ». Произведения Михаила Фёдоровича отмечены престижными литературными премиями имени А.Фадеева и К.Симонова, премией «Прохоровское поле», поощрительными премиями альманаха «Алтай» и Алтайского книжного издательства. За книгу «Эхо на рассвете» он был удостоен диплома Министерства обороны СССР. В 2008г. Михаил Фёдорович был удостоен звания лауреата премии «Золотой Венец Победы» в номинации «Документальная литература» [6].

В стихотворениях Борисова практически отсутствуют описания сражений, боёв или смелых партизанских набегов. Главное в них — не сама война, а внутренний мир, чувства и переживания военного человека, его тесная связь с малой Родиной и любовь к ней, питавшая его в трудные минуты.

Художественная сила и своеобразие лирики Борисова заключается в том, что она ярко рисует духовный облик русского офицера — участника великих событий, раскрывает его внутренний мир, цельный и ясный. Лирический герой Борисова, в образе которого тщательно отгнаны типические черты русского национального характера, — это военный человек эпохи Великой Отечественной войны, рассказывающий о себе, о своих пылких чувствах и героических поступках.

Он так и встал
Однажды в сорок первом,
Мой командир, почти ровесник мой,
И поднял роту собственным примером
В последний и решительный наш бой.

Автор раскрывает основную тему творчества – любви к своей малой Родине – с помощью метафор («...Вздыхая, полз колесный пароход», «Опять закат за редким перелеском//На поседевших прядях ковылей//Заполыхал...»), «И вся война//опять издалека», «Багровым шрамом дрогнула щека» и т.д.), олицетворений («... Опять встречала молодость меня», «...На поседевших прядях ковылей»), эпитетов («колесный пароход», «у старого отцовского плетня», «отчаянные сверстники», «мальчишеская шумная ватага...»), «багровым шрамом», «недавние и давние бои», «на поседевших прядях», «за редким перелеском»).

Погрузиться в атмосферу военного времени, услышать сквозь взрывы боевых снарядов шепот-молитву русского солдата о родной земле читателю предоставляется возможным сквозь аллитерации и ассонансы («Все позади –//земля//в огне и дыме,//Последний, самый трудный переход,//...Четвертый день//Просторами обскими,//Вздыхая, полз колесный пароход»). Мы словно видим этот огонь, ощущаем его жар, слышим грохот «колесного»

парохода, его «вздохи». На мгновение становимся глазами и слухом самого автора, сопереживаем ему, чувствуем его, как самого себя.

Таким образом, Родина для Михаила Борисова – место, где родился человек, его дом, родные, близкие, семья и друзья.

В заключение хотелось бы отметить, что оба поэта-фронтовика, уроженцы Алтайского края – Михаил Борисов и Василий Глотов – в первую очередь в своих произведениях раскрывали тему любви к Родине. Именно эта тема придавала силы товарищам по оружию и способствовала укреплению патриотического подъема солдат. Именно Родину каждый бывший на фронте защищал от фашистских захватчиков, именно родную землю освобождал от кровопролития и смерти.

Библиографический список

1. Алтайская правда №105-107. «Василий Теркин родился на Алтае». И.Микуров
2. Фронтовые газеты. 33 Армия Западного фронта. За правое дело!
3. Тревожное эхо: стихи. – Кемерово: Кн. изд-во, 1969. – 60 с. – Из содерж.: “Прости, Алтай!..”. – С. 46.
4. Дорога к звездам: стихотворения и поэма / худож. Н. А. Абакумов. – М.: Воениздат, 1974. – 92.: ил., портр.
5. Эхо на рассвете: стихи и поэма. – М.: Воениздат, 1982. – 134 с. – Содерж.: Земные высоты; Переключка: циклы; Дорога к звездам: поэмы
6. Край мой отчий: стихотворения и поэмы / предисл. Е. Е. Парфенова. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1985. – 144 с.: портр. – Из содерж.: Прощание с Алтаем; “Мой край – это дивное диво...”; Время, “С годами ты станешь трезвее и строже...”; “За редким сухим перелеском...”; “Может, это не ново...”; Березы; Камень-на-Оби; Осенний ветер; “Просто хлебный край...”: стихи; Дорога к звездам: поэма.
7. Серебряный, В. Мальчишка из каменной школы // Ради жизни на земле. – Барнаул, 1975. – С 182-190.
8. Павлова, Г. Наш герой // Белый Камень. – Камень-на-Оби, 2009. – 21 мая: фото О Герое Советского Союза, члене Союза писателей России, поэте, учившемся в г. Камне-на-Оби – М. Ф. Борисове.

УДК 82.13

Коновалова И.Е.

Северо-Кавказский федеральный университет

МИФ О ГАММЕЛЬНЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ИОСИФА БРОДСКОГО

Аннотация

Статья посвящена реминисценциям мифа о Гаммельне в петербургских строках Иосифа Бродского. Автором выявлены и описаны способы репрезентации данного мифа в поэмах автора. В результате исследования автор приходит к выводу, что Иосиф Бродский в своих произведениях не только воспроизводит миф о Гаммельне, но и достраивает его, дополняя сюжетом вечного возвращения.

Adstract

The article is devoted to the reflection of the myth of Hamelin in the Petersburg strings Brodsky. The author describes how the representation of the myth of Hameln in the poems of the author. The study author concludes that Joseph Brodsky in his works not only reproduces the myth of Hamelin, but also complements the plot of the eternal return.

Ключевые слова: Бродский, петербургский текст, миф о Гаммельне.

Key words: Brodsky, Petersburg text, myth about Hameln.

Мифология и литература всегда были между собой тесно связаны. Миф может лечь в основу сюжета произведения, может быть переработан автором.

Легенда о Гаммельнском Крысолове всегда привлекала внимание зарубежных и отечественных писателей. В разные времена к ней обращались Гёте (баллада «Крысолов»), Гейне (баллада «Бродячие крысы»), Браунинг (стихотворение «Флейтист из Гамельна»), М. Цветаева («Крысолов»), А. Грин («Крысолов»). И в наше время миф о Крысолове остается по-прежнему популярным и востребованным. Историю гаммельнского крысолова чаще используют в рамках жанра фэнтези зарубежные писатели, нежели отечественные (Джейн Йолен и Питер Стемпл «Заплатить Крысолову. Сказка в стиле рок-н-ролл», Лин Гарднер «В леса», Адам Маккюн и Кейт Маккюн «Гамелинские крысы»).

Одним из часто воспроизводимых в русской литературе является Петербургский миф, который в свою очередь неразрывно связан с понятием «петербургского текста». Понятие «петербургский текст» было введено В.Н. Топоровым в статье «Петербургский текст русской литературы (Введение в тему)» в 1984 году.

«Петербургский текст» – это некий синтетический сверхтекст, с которым связываются высшие смыслы и цели. «Петербургский текст» можно рассматривать как целостную систему, имеющую свой смысловой центр (религиозно-философский базис), свои внутренние законы и процессы, мотивы и образы, а также языковые знаки, сочетание которых идентифицирует произведение как часть «Петербургского текста» [3].

Произведения И.Бродского неразрывно связаны с «петербургским текстом». Более того, художественные тексты 1957 - 1996 годов можно отнести к ленинградскому блоку «петербургского текста» русской литературы.

Бродский включает в «петербургский текст» новые смысловые и стилистические надстройки, которые во многом формируют новый тип текста – «ленинградский». В поэтическом и прозаическом мире автора Петербург воплощается в более сложной по сравнению с «петербургским» текстом структуре. В текст города вплетаются два дополнительных уровня – современный (ленинградский) и индивидуальный.

Таким образом, Петербург Бродского представлен читателю на нескольких уровнях: мифологическом, современном и индивидуальном. Данные уровни представлены в нерасчленном единстве и взаимодействии. Одной из их связующих становится репрезентации мифа о Гаммельне [2].

Наиболее явно миф о Гаммельне представлен в поэмах «Гость» и «Шествие». С помощью историко-генетического, сравнительно-исторического методов, а также метода описательной поэтики нам удалось индивидуально-авторскую наполненность мифа о Гаммельне в обозначенных поэмах.

В отличие от мифа город представлен нам уже в качестве мертвого, оставленного детьми. Именно современный Ленинград есть воплощение мифа о Гаммельне, а не мифологический Петербург.

Репрезентация мифа о Гаммельне в поэмах представлена посредством следующих компонентов:

1. Образ Ленинграда как мертвого города. В поэмах Петербург явлен в образе мертвого города, в котором есть место только тоске и одиночеству. Ленинград – город страхов и самоубийц:

и за углом почувствовать испуг,
но за углом висит самоубийца. [1, с. 95].

В поэме «Гость» город шорохов и грехов превращается в мистический Гаммельн, мертвый после исчезновения детей:

Вот комната, не знавшая детей,
вот комната родительских кроватей. [1, с. 93].

Здесь отсутствие детей это указание на бесплодность всех попыток нормальной жизни – творчества, любви, работы, дружбы.

Детству нет места в этом городе, а если оно и находится, то дети здесь крайне несчастны:

Вот улица, вот улица не редкость –

одним концом в коричневую мглу,
и рядом детство плачет на углу,
а мимо все пронесется троллейбус. [1, с. 92].

Любовь не задерживается в Петербурге:

И вот по улице проходит
шагами быстрыми любовь. [1, с. 92].

В «Шествии» Любовь покидает город в самом начале поэмы:

– Прощай, прощай, – шепчу я на ходу,

Среди знакомых улиц вновь иду,

И в подворотнях гасятся огни.

– Прощай, любовь, когда-нибудь звони [1, с. 146].

2. Представление современного и бытийного времени: так же как и в мифе о Гаммельне

Гость не является жителем города, он приходит из будущего:

Постойте же. Ко мне приходит гость,

из будущего времени приходит. [1, с. 92].

В «Шествии» в город также приезжает гонец из будущего:

Вот пешеход по городу кружит,

Он ищет адрес. Он издалека.

Кого он ищет в городе моем?

Так кто же он, бездомный сей юнец?

Кто хочет, тот послушает конец:

Из Гаммельна до Питера гонец

В полвека не домчится, боже мой,

В дороге обзаводится семьей

И умирает в полпути, друзья!

В Россию приезжают сыновья. [1, с. 202-203].

3. Вечная борьба добра и зла. И будущего в город приходит Зло. Гость носит два имени: Ложь и Отказ. Ложь – это одно из имен Дьявола. Таким образом, в город приходит сам Сатана. Для того чтобы одержать вверх над Злом его необходимо полюбить. К чему и призывает герой: «Смотрите на него... Любите же его». И к Злу тоже приходит Гость:

...Прощай, мой гость. К тебе приходит Гость.

Приходит Гость. Гость Времени приходит [1, с. 96]

Как мы видим, в конце поэмы Зло побеждено абсолютным Временем, которое величественней, нежели современность.

В «Шествии» разворачивается битва между Добром и Злом. Это война, у которой нет конца. Но появляется надежда, когда-нибудь Добро навсегда победит Зло. И наши сыновья смогут добраться к идеальному Петербургу, к городу мечты.

Таким образом, мы приходим к выводу, что Иосиф Бродский в своих петербургских строках не только воспроизводит миф о Гаммельне, но и достраивает его, дополняя его сюжетом вечного возвращения.

Библиографический список

1. Бродский И.А. Малое собрание сочинений. – М.: Азбука, 2012.
2. Сипко Ю.Н. Миф о Гаммельне в петербургских строках Иосифа Бродского // Филология, журналистика, культурология в парадигме современного научного знания: Материалы 54-й научно-методической конференции «Университетская наука – региону» - Ставрополь: СГУ, 2009. — С. 200-204.
3. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. Избранное. – СПб: Искусство, 2003.

СЕКЦИЯ 3.

Литература народов стран зарубежья

УДК 82.09

Блинова М.П.

Кубанский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В ПЬЕСЕ ТРЕЙСИ ЛЕТТСА «АВГУСТ: ГРАФСТВО ОСЕЙДЖ»

Аннотация

В данной работе представлен анализ особенностей пространственной организации пьесы современного американского драматурга Трейси Леттса «Август: графство Осейдж». Кинематографичность пространства (деление на сцены, монтаж и т.д.), архетипическая символика и образы лабиринта, пустоты, ада показаны как особое средство реализации авторского мнения и способ создания философского подтекста.

Abstract

The analysis of the spatial structure's features in the play "August: Osage County" by a modern American writer Tracy Letts has been reviewed in this paper. The elements of cinematography (assembling scenes, a division into frames etc.), the archetype symbolism and the images of a labyrinth, an emptiness, hell have been viewed as a particular tools of the author's opinion realization and the philosophical implication's creation.

Ключевые слова: пьеса, пространственная структура, кинематографичность, архетипическая символика.

Key words: play, spatial structure, elements of cinematography, archetype symbolism.

Творчество современного американского драматурга Трейси Леттса, обладателя многочисленных наград, в том числе и Пулитцеровской премии в 2008 году за пьесу «Август: графство Осейдж» [5], практически неизвестно в России. Лишь в 2012 году на фестивале «Золотая маска» московские зрители впервые познакомились с вышеупомянутой пьесой в постановке Омского академического театра драмы, а в 2014 был издан текст данного произведения, которое не получило еще должного научного освещения.

В связи с этим приобретает особую актуальность исследование художественных особенностей творчества Трейси Леттса и определение комплекса идей и мотивов, характерных для данного автора. В этом плане очень показательным может стать выявление принципов организации художественного пространства в пьесе «Август: графство Осейдж» и интерпретация связанных с ним значимых символов, что и является целью предлагаемой работы.

Одной из ведущих идей структурирования пространства является, на наш взгляд, принцип кинематографичности, реализуемый через «раскадровку» и монтаж сцен, каждая из которых исполняется в одной из ячеек-комнат дома, образуя кинокадр. Далеко не случайно перед началом действия дается подробное описание дома как пространства, разделенного на части: «На первом этаже: три основные игровые площадки разделены между собой проходами... На втором этаже: лестничная площадка, на которую ведет лестница (над гостиной первого этажа)» [3, с. 6] и т.д. Авторские ремарки в каждой сцене четко обозначают положение персонажей и «ячейку дома», акцентируя не только кадровость действия, но и разделенность героев, обособленность их жизнью. Каждый существует в собственной реальности, параллельной остальным: поэзия (Беверли), таблетки (Вайолет), мужчины (их дочери). Герои не интересуются жизнью друг друга: сестры не знают ни об операции, которую перенесла одна из них, ни о предстоящем разводе другой, ни о любовном увлечении

третьей. Барбара и Карен не навещают мать, а отправляют ей подарки на день рождения и день матери: «БАРБАРА. Я делаю все, что от меня требуется, мама: я звоню, я пишу письма, шлю подарки... ВАЙОЛЕТ. Вот именно, что когда “требуется”» [3, с. 37].

Так Леттс при помощи особой организации пространства показывает, как рушатся семейные связи. Причем в пьесе это не просто традиционный конфликт отцов и детей – автор дает экзистенциальную его трактовку, подчеркивая неизбежное одиночество героев и их замкнутость в собственном мире. Отсюда – абсурдные диалоги в духе М.Метерлинка и А.Чехова, а также постоянные повторы сцен, когда персонажи говорят все вместе. Это ярко показывает отсутствие близости между членами одной семьи, их разобщенность: герои не слышат друг друга, слова чаще всего обращены в никуда. В этом контексте разделенность пространства общего дома можно воспринимать как метафору разорванных семейных связей, а сам дом – как образ современной американской семьи, где каждый живет своей жизнью.

Сложная структура здания, запутанность переходов и кажущееся множество комнат превращают пространство в лабиринт, по которому блуждают герои и из которого они стремятся выйти, – далеко не случайно рефреном пьесы является мотив бегства из дома. Этот же образ реализован на ином уровне и в отношениях героев, которые становятся все более сложными и запутанными, отсюда постоянные споры персонажей, взаимные упреки, примирения, обвинения и открытие семейных тайн. Более того, сама жизнь представлена у Леттса как вариант лабиринта: так, поиски любви Карен и Айви напоминают блуждания по нему. В итоге образ дома-лабиринта получает многозначную трактовку и может интерпретироваться как воплощение сложности семейных отношений, внутреннего мира человека, самой жизни.

Замкнутость пространства в данной пьесе также имеет огромное значение, поскольку отражает духовное состояние героев. Символично и то, что Вайолет занавешивает окна и заклеивает их темной бумагой, отгораживаясь тем самым от реальности и света. Также она не позволяет включать кондиционер, и душная атмосфера дома (время действия – август – также символично), отсутствие свежего воздуха еще больше подчеркивают ощущение замкнутости и безысходности, которое переживают персонажи.

Анджей Бубень, режиссер первой постановки данной пьесы в России, представил дом в виде корабля, что, на наш взгляд, не совсем удачно: у Т.Леттса символ дома лишен семантики движения, он не является спасением для героев, а, напротив, соотносится с адом через мотивы жары и тьмы. К тому же слишком очевидной становится параллель с «Домом, где разбиваются сердца» Б.Шоу, хотя сам по себе диалог этой пьесы с «Августом...» довольно интересен и трактовка апокалиптических мотивов их объединяет.

С образом пространства связана еще одна тема пьесы «Август: графство Осеидж» – эскейпизм, столь характерный для современной американской литературы. Все герои так или иначе стремятся уйти не только из дома, но и от реальности своей жизни: для Беверли это вначале мир поэзии, затем – алкоголь, а финальная стадия – самоубийство, сцена которого отсылает к роману «Американская трагедия» Т.Драйзера: озеро, лодка, тело. Но если у Драйзера это убийство, то герой пьесы выбирает добровольный уход из жизни, и в этом современная американская трагедия, по Леттсу.

Вайолет создает искусственный мир при помощи таблеток, а также, как ни странно, поэзии и музыки, слушая в особо тяжелые моменты Э.Клэптона или цитируя Э.Дикинсон. Когда же в ее сознание прорывается реальность, то героиня говорит жестокие истины, ранящие остальных, а значит, ее внутренний побег – попытка уйти от правды жизни, которую она не может выносить. Для Джин иную реальность создают наркотики, а для Карен – ее мечты об идеальной семье: «Я, бывало, сидела в спальне, наверху, и представляла, что подушка – это мой муж. И я его расспрашивала, как прошел день на работе, какие новости в офисе, и понравился ли ему мой ужин, и куда мы поедим зимой в отпуск; и тут у него оказывался для меня сюрприз – билеты в Белиз! И мы целовались...» [3, с. 184]. Так, тема эскейпизма разворачивается на нескольких уровнях от физического (побег

Беверли и его самоубийство, уход Билла от жены) до духовного, но именно эта тема объединяет всех героев – все они стремятся уйти из дома, который своей замкнутостью давит на них. Смена внешнего пространства превращается в поиск внутренней свободы (прежде всего, желание сложить с себя ответственность за других людей и уйти от жизненных проблем). Но сама погоня за свободой на самом деле оказывается несвободой, и Вайолет в итоге остается ограниченной своим домом и психиатрической лечебницей. Другие герои также зависимы: сестры от мужчин, Джин и Стив – от наркотиков. Обретение свободы, по Леттсу, в принципе невозможно для человека еще и потому, что он связан множеством отношений с другими, и абсолютная свобода в этом случае аморальна – это эгоизм, отсутствие чувства долга и любви. Эта мысль подчеркнута в пьесе образом «полых людей» из одноименной поэмы Т.С. Элиота.

Данный образ внутренней пустоты начинает формировать и пространство действия: один за другим исчезают герои – рушится семья. Это впечатление усиливается словами «И так наступил конец света...» [3, с. 254], которые произносит индианка Джонна. Она находится в верхней части дома, что далеко не случайно: эта героиня является воплощением духовного начала и противопоставлена остальным своей способностью к сочувствию, добротой и заботой о других. Слабая и больная Вайолет, покинутая детьми, с трудом карабкается по лестнице, поднимается к Джонне и у нее находит утешение. Это образ лестницы символичен: человек может подняться над своими проблемами и страстями, если будет стремиться к чему-то высшему и духовному. Возможно, поэтому, как заметил А.Бубень, «пьеса «Август: графство Осейдж» ... показывает, что может быть очень тяжело и печально, но надежда все равно еще есть» [1, с. 16].

Таким образом, можно сделать вывод о многоуровневой организации пространства в данной пьесе: образ дома, представленный непосредственно зрителю, получает вместе с тем и ряд символических значений как разъединенной структуры, лабиринта, ада. Эти образы реализуются затем на метафизическом уровне в качестве метафор внутреннего мира героев, их отношений и семьи в целом, реализуя идею кризисного мироощущения современного американца и распада семейных связей. В то же время присутствие архетипической символики (тьма – свет, верх – низ, замкнутость – открытость) позволяет говорить о своеобразном мифопоэтическом сюжете пьесы: герои стремятся, с одной стороны, разорвать замкнутость пространства, обрести «свет» и приобщиться к миру иных людей, а с другой – сохранить свою «самость» (К.Г.Юнг). Отсюда трагичность жизни человека, которую, по мысли Леттса, может преодолеть только любовь, но современные «полые» люди на нее не способны. Однако автор все же оставляет надежду: доброта и стремление к высшему способны восстановить гармонию мира – в этом заключается своеобразный оптимизм Трейси Леттса.

Библиографический список

1. Бубень А. Интервью // Письма из театра. – 2010. – № 36
2. Лаврова А. Не взрыв, но всхлип // Культура. – 2011. – № 2
3. Леттс Тр. Август: графство Осейдж. – М.: Рипол-Классик, 2014. – 256 с.
4. Театральные дневники. Отзывы и рецензии [Электронный ресурс]. URL: <http://teatr-live.ru/2013/06/dramaturgiya-v-3-d/> (дата обращения: 15.04.2015)
5. Tracy Letts [Электронный ресурс]. URL: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/1381591/Tracy-Letts> (дата обращения: 10.04.2015)

УДК 82.09

Ветошкина Г.А., Савинова Л.С.

Кубанский государственный университет

ОБРАЗЫ ЗЛА В ТВОРЧЕСТВЕ СТИВЕНА КИНГА

Аннотация

Статья посвящена одному из центральных аспектов творчества популярного американского писателя Стивена Кинга, а именно теме зла в его произведениях. Мы выделили три категории зла и подробно рассмотрели каждую из них.

Abstract

The article is devoted to one of the central aspects of popular American writer Stephen King, namely, the subject of evil in his works. We have identified three categories of evil and considered in detail each of them.

Ключевые слова: Стивен Кинг, ужасы, зло

Key words: Stephen King, horror, evil

Стивена Кинга называют «Королем ужасов», но его произведения не ограничиваются только жанром хоррор, а включают так же такие жанры, как триллер, детектив, драма и т.д. В этих жанрах работают многие писатели, но Стивен Кинг едва ли не самый известный автор. Чем же обуславливается такая популярность?

Литература ужасов – преимущественно развлекательный жанр, цель которого вызвать у читателя чувство страха. Истоками жанра считается готический роман. Интерес к необъяснимым явлениям, загадкам, смерти, сверхъестественным существам, потустороннему миру – все это неотъемлемые атрибуты готического романа. Самыми известными представителями данной жанровой разновидности по праву считаются Мэри Шелли, Мэтью Льюис, Эдгар По, Говард Филипс Лавкрафт и другие. Продолжают эстетику готического романа Брэм Стокер и Роберт Льюис Стивенсон.

Стивен Кинг, на наш взгляд, наследует традиции данного жанра, используя его изобразительные приемы. В его произведениях присутствуют таинственные истории, загадочные явления, сверхъестественные события, но вместе с этим книги интересны не только мистической составляющей и сюжетными перипетиями. В своих произведениях писатель акцентирует внимание на том, что в современном американском обществе больше нет места нормальным человеческим отношениям, а главной целью народа становится погоня за прибылью и материальными благами. Поэтому Стивен Кинг показывает противоречивую натуру человека и метания души между нравственностью и пороками.

В данной статье нам хотелось бы рассмотреть понятие зла, неотделимо связано с жанром хоррор, а столкновение со злом выявляет истинную сущность человека. Классификация нам необходима для того, чтобы показать многомерность и широту развития в творчестве писателя. Ниже нами предлагается классификация образов зла, произведенная на материале нескольких романов Стивена Кинга. Данная классификация необходима нам для того, чтобы сделать выводы о разных гранях злого начала, а так же воплощении и авторской интерпретации данной темы в текстах.

Зло в произведениях Кинга можно разделить на три типа:

1) Зло в широком понимании. (Персонифицированное зло) Это может быть дьявол, или ассоциирующийся с ним персонаж. Это злодей в глобальном масштабе, пытающийся захватить/ уничтожить/поработить мир/ население/человеческие души.

2) Ко второму типу относятся существа и предметы, не обладающие человеческими чертами, несущие зло. Эти герои выступают либо помощниками большего зла, либо сами по себе творят хаос и разрушения.

Одним из таких «существ» наряду с легендарным отелем «Оверлук» является комната 1408.

3) Третий тип - Люди. Часто это члены семьи главных героев – матери, отцы, мужья. В таких романах отсутствует мистика и им приходится бороться не с потусторонними силами, а с собственными страхами.

Рассмотрим каждый тип подробнее:

1. Тема договора со злыми силами является неотъемлемой частью фольклора, откуда она перешла в мистическую литературу, а затем и популярную культуру.

Мотив сделки с дьяволом - популярный сюжет в литературе. Наиболее известные примеры- «Фауст» Гетте, «Шагреновая кожа» Бальзака, «Мастер и Маргарита» Булгакова, и в современной литературе - «Восставший из ада» Клайва Баркера.

Стивен Кинг также использует эту архетипическую ситуацию. Рассмотрим, какое воплощение получает эта тема у писателя в романе «Нужные вещи» и повести «На выгодных условиях».

«Нужные вещи» – раннее произведение, поэтому образ дьявола представлен достаточно традиционно. Злодею приходится прикладывать для этого усилия, потому что не все поддаются его манипуляциям. Ему даже приходится открыть целый магазин с разными вещами, чтобы заинтересовать покупателей. Лиланд Гонт, персонаж, представляющий собой дьявола, берет за свой товар совсем немного денег. Его прежде всего интересуют души покупателей.

В повести «На выгодных условиях» ситуация обратная. У дьявола нет огромного магазина с яркой вывеской. Ему больше не нужно завлекать покупателей. Теперь у него лишь маленькая невзрачная палатка с небольшой табличкой, обещающей покупателю «выгодные условия». Да и нет нужды в большом количестве клиентов. «Я бизнесмен» [2]– говорит он. В наше время все души настолько грешны, что уже ничего не стоят: «– Какая там душа – никогда не слышал о ней, а, как говорится, встретил бы – не узнал»[2]. Дьявола больше не интересуют души. В душе современного человека больше нет смысла, за нее не нужно бороться, поскольку люди грешат на каждом шагу и, в конце концов, душа так или иначе достанется дьяволу. Главный герой заключает сделку: излечение от рака в обмен на деньги и считает ее самой выгодной сделкой в жизни.

2. Как и отель «Оверлук» из романа «Сияние», этот номер как будто пропитан злом и живёт своей жизнью, неким образом воздействуя на психическое состояние людей. Побывав в нем, главный герой - писатель, пишущий в жанре хоррор и не верящий в привидений, меняет свое представление о потустороннем мире и перестает писать книги. Номер 1408 можно рассматривать как подсознание человека, где хранятся все его потаенные страхи. Попадая в такую комнату (то есть замкнутое пространство), человек нехотя сталкивается в гротескном виде со всем, что откладывал на потом. Невольно возникает ассоциация с душевнобольным, замкнутым в одиночной камере, оставленным один на один со своими мыслями.

Стивен Кинг снова следует традициям. Во-первых, идеи волшебных предметов, существ и помощников заимствованы из сказок и придают мистический антураж. Во-вторых, как и в сказках, они служат катализатором, благодаря которому раскрывается нравственный облик героя.

3. В романе «Роза Марена» говорится о женщине Роуз, сбегаящей от своего мужа Нормана, который регулярно её избивает. Переехав в другой город и начав новую жизнь, Роуз покупает картину, которая открывает ей проход в параллельный мир.

В этом романе ужас перемещается из фантастического мира картины в реальный, где живут герои. В течение повествования читатель находится в напряжении, следя за судьбой Розы и погоней Нормана. Здесь страшен не параллельный мир, в который попадает героиня, а реальный, где приходится противостоять родным людям, в данном случае мужу, оказавшемуся психопатом-садистом, поэтому физическая боль выходит на второй план, поскольку душевная боль гораздо сильнее.

Таким образом, в текстах Стивена Кинга мы выделяем три разновидности зла:

1. Персонаж, олицетворяющие дьявола, мотив заключения сделки - традиционный мотив мировой литературы. Стивен Кинг, опираясь на наследие мировой литературы, не обходит стороной эту тему. В раннем творчестве Стивен Кинг представляет ситуацию заключения сделки в классическом виде, а в последних произведениях он пересматривает этот мотив и перед читателями он предстает в новом свете – теперь это товарно-денежные отношения.

2. Существа и предметы – неотъемлемый атрибут народных сказок. Они могут как помогать, так и мешать героям, то есть выполнять функции доброго и злого начала. Благодаря включениям подобных составляющих, произведение приобретает мистический антураж и погружает читателя в выдуманный мир.

3. Люди – говоря об этой категории, Кинг использует исследования по психологии, которая бурно развивалась в 20 веке, и непосредственно идеи Зигмунда Фрейда. Трудность противостояния другим людям представляет психологическая зависимость главных героев от своих обидчиков, поскольку чаще всего, противостоять приходится своим же родственникам и близким. Кинг подчеркивает, что родные люди становятся для современного человека гораздо опаснее посторонних, так как они более жестоки, потому что знают человека лучше и могут давить на «больные точки», нанося своей жестокостью душевные травмы.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в человеке изначально заложено доброе и злое начало и, не смотря на наличие внешних факторов, окончательный выбор делает именно человек и только от него, в конце концов, зависит победа одного из этих начал. В экзистенциализме это называется пограничная ситуация, когда героя «поставили к стене» и действовать нужно здесь и сейчас и только самому герою, потому что этот выбор определяет его дальнейшую жизнь.

Стивен Кинг использует такой метод в своих произведениях, чтобы хорошенько встряхнуть современного читателя и показать насколько прогнило современное общество. Благодаря такому подробному обнажению отрицательных качеств человека и несовершенства мира в художественном произведении, читатель уже другими глазами будет смотреть на свои поступки и мир реальный.

Предлагаю в конце: такой метод использовался и классической литературой. Когда соотечественника С. Кинга У. Фолкнера упрекали в чрезмерном пристрастии к изображению темных сторон человеческой жизни, он отвечал: «Жестокость – просто один из моих инструментов» [1]. На наш взгляд, Кинг показывает жестокость, дабы отвратить человека от нее. Главная задача человека, по Кингу, не быть игрушкой в руках зла, которое на каждом шагу караулит человека.

Библиографический список

1. Анастасьев Н. А. В поисках цельности // Фолкнер У. Авессалом, Авессалом! М., 1982.
2. Кинг С. Тьма, / С. Кинг

УДК 82

Гайнутдинова Г.Ф.

Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА (на материале романа «Тавро Кассандры»)

Аннотация

В статье рассматриваются архетипические образы Тени, Матери, Ребенка и Духа в романе Ч. Айтматова «Тавро Кассандры», опираясь на лексико-семантический, культурный и философский контексты.

Abstract

The article considers the archetypal images of Shadow, Mother, Child and Spirit in the novel by Chingiz Aitmatov «Cassandra's Brand», based on the lexical and semantic, cultural as well as philosophical contexts.

Ключевые слова: архетипические образы, архетип Тень, архетип Мать, архетип Ребенок, архетип Дух.

Key words: Archetypal images, archetype Shadow, archetype Mother, archetype Child, archetype Spirit

Современное литературоведение все увереннее интегрирует в научные основания анализа художественного текста как целого многообразия культурологических концепций. Особенно продуктивным в этом аспекте научной интеграции является выявление и исследование особенностей философского и мифологического мышления автора, его диффузии в художественном тексте. Мифопоэтическое мышление есть не что иное, как актуализация архетипов в поэтическом сознании, обличение в индивидуализированные образы устойчивых фантомов коллективного сознания. Использование авторами архетипических образов, способствующих «декодированию» сложных причин и следственных отношений современной жизни, проясняет смыслонесущие критерии человеческого существования вообще. Особенно интересным представляется в этом контексте творчество Чингиза Айтматова, большинство произведений которого предельно насыщено мифами.

Ч. Айтматов в одном из своих выступлений говорил: «Вовлечение мифов в художественное творчество - это естественная человеческая потребность сконцентрировать в себе весь опыт, знания и страсти» [1].

«Вовлечение мифов» – характерная черта творчества Ч. Айтматова, и в каждом конкретном случае играет определенную роль в построении сюжета, в раскрытии авторской концепции его произведения [2].

Вышесказанным обусловлен наш интерес к исследованию архетипических образов в творчестве Ч. Айтматова.

К. Юнг ввел в науку термин «архетип» и в своих работах занимался изучением архетипов и архетипических образов. Он определял архетипы как изначальные, врожденные психические структуры, образы (мотивы), составляющие содержание так называемого коллективного бессознательного и лежащие в основной общечеловеческой символике снов, мифов, сказок и т.д. [3]. Понимая архетипы как «схемы», обладающие качеством универсальности, связывающие прошлое и настоящее, сознательное и бессознательное, общее и частное, свершившееся и потенциально возможное [4], К. Юнг выделил 6 основных архетипов: Тень, Ребенок, Анима/Анимус, Мать, Дух. К. Юнг подчеркивал, что архетипы – «это форма без содержания, неопределенная структура, которая может принять определенную форму только в проекции» [5], поэтому следует различать архетипы и архетипические образы, их выражающие. Репрезентация архетипов в различных образах и символах достаточно многообразна.

В данной статье мы попробуем выявить архетипические образы Тени, Матери, Ребенка и Духа в романе Ч. Айтматова «Тавро Кассандры», которые мы и рассмотрим, опираясь на лексико-семантический, культурный и философский контексты.

Архетип Дух репрезентируется в образах мудрого старца, доброго волшебника, помогающих животных, злого колдуна, жадного гнома и др. С точки зрения психического состояния, по определению К. Юнга, его появление связано с внезапными озарениями, открытиями, позволяющими преодолевать трудности [6]. В романе Ч. Айтматова «Тавро Кассандры» архетип Духа репрезентируется в образе Филофея.

Роман начинается с обращения Филофея к Папе римскому и всему человечеству, в котором он открывает таинство Божественного промысла: человеческий эмбрион интуитивно предугадывает то, что ожидает его в грядущей жизни и способен выразить свое негативное отношение к рождению с помощью знака-сигнала – пигментную пятна на лбу у женщины, вынашивающей такой плод [6].

Филофей как архетипический образ Духа сопоставим с Богом, с самим Творцом, так как его открытие – это вторжение в тайну природы, в таинство Божественного промысла, таинство рождения и смерти. Не случайно у Айтматова Филофей - космический монах. Монах - это человек, близкий Богу, и, как Бог, Филофей лицезреет Землю из космоса и вещает истину с небес.

Филофей как архетипический образ Духа – пророк, оракул, но с позиции человечества воспринимается как «космический сатана», «космический дьявол», «космический

анархист», «космический Фауст» [6]. Архетип Дух, согласно К. Юнгу, «угрожает инфляцией наивно мыслящему человеку», а «душевная неразвитость и отсутствие духовных устремлений могут превратиться в «необузданный материализм, усиленный маниакальной самонадеянностью или угасанием самостоятельной личности» [6], поэтому Филофей и его открытие воспринимаются как угроза устоявшимся законам существования человечества. Роберт и Энтони Юнгер, помогающие и поддерживающие открытие кассандро-эмбрионов Филофеем – воплощение архетипа Дух.

Тавро Кассандры - это тоже архетипическое воплощение Духа. Не случаен у Ч. Айтматова этот символ «тавро» – клеймо, выжигаемое на теле животного [7], Кассандра – персонаж греческой мифологии, прорицаниям которой никто не верил [7]. В романе единение этих двух понятий несет определенную смысловую нагрузку: зародыш-эмбрион шлет сигнал человечеству («тавро» - клеймо, метка, зловещая печать на лбу будущей матери), предсказывает апокалипсис, если человечество не пересмотрит законы своего существования на Земле, но его никто не слышит и не видит (Кассандра).

Человеческий зародыш-эмбрион характеризуется незащищенностью, подверженностью опасностям, а главная черта – его будущность. Эти черты – основополагающие в характеристике архетипа Ребенок, поэтому это позволяет нам определить эмбрион как архетипический образ Ребенка. Приведем примеры из текста: «в качестве будущей личности», «глядит в телескоп своей судьбы» [8], «будущее дитя» [9], «будущая жизнь», «новорожденный» [10]. В то же время эмбрион способен предугадывать свою судьбу, поэтому Филофей называет его «кассандро-эмбрионом». Таким образом, способность к предсказанию своего будущего, стремление выразить это через тавро Кассандры на лбу своей матери позволяет говорить о соединении архетипов Духа и Ребенка.

Человеческий зародыш-эмбрион не мыслим без матери. Архетип Мать очень сложен, его проявления очень многообразны, может активизироваться в самых различных символах и образах: «Его суть - магический авторитет всего женского, мудрости, чего-то властного и темно-дремучего» [11]. В романе архетип Матери репрезентируется в следующих символах: «беременная женщина», «материнское лоно» [11], «зачавшая мать», «матка» [11]. И именно к ней взывает эмбрион, так как «мать - это слепок мира», «невольный проводник фатальных влияний окружающей действительности на плод» [12] – в данном контексте архетипический образ Матери трансформируется в символ человечества и мира.

Как и в античной культуре, человечество не верит предсказаниям Кассандры, так и в современном мире человечество не замечает мировое зло, которое открывает им Филофей и кассандро-эмбрион. Зло, негативную сторону личности и мира воплощает архетип Тень, который репрезентируется в романе в образ мистера Ордока, олицетворяющего собой черта. «Ордог» с венгерского языка переводится как «черт» [13]. Архетип Тень в образе мистера Ордока вызывает приступы гнева у толпы, провоцирует поступки, жестокие, импульсивные и безжалостные. Смерть Роберта Борка – приступ безудержного гнева архетипа Тень, который выплеснул негативную, отрицательную сторону личности, которую сознание предпочитает не замечать, наружу.

Таким образом, наш анализ архетипических образов Матери, Ребенка, Тени и Духа подтверждает, что при построении архетипических образов Ч. Айтматов складывается из нескольких иерархических организованных пластов: лексико-семантический, семиотический, психический и общечеловеческий. Рассмотренные нами образы архетипов Тень, Мать, Ребенок и Дух – центр всего повествовательного полотна романа «Тавро Кассандры», несут в себе философский и культурный смысл и являются важными составляющими мифологического мышления творчества Ч. Айтматова.

Библиографический список

1. Айтматов Ч. Статьи, выступления, интервью. – М.: Издательство Агентства печати «Новости», 1989. – С. 30.
2. Оскоцкий В. И день, и век // Знамя. 1988. - № 12;

3. Цурганова Е. А. Миф в романе Ч. Айтматова «Плаха»//Современный роман. Опыт исследования. – М: Наука, 1990. - С. 68-83.
4. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Центральная Азия: Казахстан. Киргизия.
5. Космос Ислама. – М: Изд. сервис, 2002. – 784 с.
6. Юнг К. Душа и миф: 6 архетипов. – М. – К.: ЗАО Совершенство, 1997. – С. 11.
7. Айтматов Ч. Тавро Кассандры. – М: ЭКСМО, 1995. – С. 15.
8. Юнг К. Душа и миф. – С. 33.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка/ Под ред.чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – М: Рус. яз., 1985. – С. 683.
10. Агбунов М. Античные мифы и легенды. Мифологический словарь. М: МИКИС, 1994. – С. 204.
11. Айтматов Ч. Тавро Кассандры. – С.21.
12. Юнг К. Душа и миф. – С. 221.
13. Айтматов Ч. Тавро Кассандры. – С. 16.

УДК 37

Парфенова Т.А.

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

ИССЛЕДОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация

В статье приведены данные эмпирического исследования по выявлению читательских предпочтений студенческой молодежи.

Abstract

In article the data of empirical research to identify readers preferences of students.

Ключевые слова: студенты, чтение, читательские предпочтения.

Key words: students, reading, readers preferences.

Художественная литература - это особая уникальная сфера культуры. Ни в одном другом искусстве, в отличие от литературы, нет такой естественной "материальной" близости между искусством и жизнью. Чтение представляет собой важнейший путь освоения насущных и лично значимых знаний. Без чтения и книг личность не в состоянии проникнуться российской культурой, ее разнообразием, многогранностью. Весь комплекс духовно-нравственных и материальных, умственных и чувственных черт, российского образа жизни и менталитета, многообразной системы мировоззрения составляют ту уникальную российскую идентичность, которая, как нельзя лучше, представлена на страницах произведений русских классиков и современных российских писателей.

Актуальность исследования читательских предпочтений среди студенческой молодежи обусловлена тем, что современная ситуация на российском книжном рынке, а также по популярности чтения среди российского населения характеризуется как системный кризис читательской культуры. Снижения интереса к чтению у населения влияет на уровень культурной компетентности граждан, что в целом сказывается на конкурентоспособности страны.

В национальной программе поддержки и развития чтения, разработанной федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям совместно с российским книжным союзом определены основные направления системы популяризации чтения: содействие формированию благоприятной для продвижения чтения информационной среды и условий доступности людям полезной для жизни и социально необходимой литературы, продвижение лучших образцов литературы (текстов, книг, жанров, типов изданий) в широкие слои читателей, формирование в общественном мнении представлений о ценности и значимости

чтения и книжной культуры, создание положительных и привлекательных образов читающего человека, книги, литературы, библиотек, книжных магазинов и других социальных институтов, связанных с чтением. Реализация данных направлений требует подробного изучения текущей обстановки.

Коллектив ученых кафедры психологии и социальной педагогики ФГБОУ ВПО «Поволжской государственной социально-гуманитарной академии» провел исследование читательских предпочтений студентов, обучающихся по психолого-педагогическому направлению подготовки, профилю «Психология и социальная педагогика». В исследовании приняла участие 218 студентов очной и очно-заочной форм обучения в возрасте от 17 до 24 лет, профиля «Психология и социальная педагогика» «Поволжской государственной социально-гуманитарной академии». Исследование проводилось в форме анкетирования. Анкета содержала 11 вопросов.

В ходе нашего исследования мы получили следующие результаты.

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Сколько в среднем книг вы читываете в месяц?»

Варианты ответов	Абсолютные показатели	% отношение
Я не читаю книг	34	16
От 1 до 3 книг	174	79
От 3 до 5 книг	8	4
Более 5 книг	2	1

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какого рода литературу Вы читаете больше всего?» (три варианта ответа)

Варианты ответов	Абсолютные показатели	% отношение
Художественная	190	30
Учебная	298	45
Деловая и справочная	26	4
Книги для досуга	36	6
Научная и научно-популярная	56	8
Газеты и журналы	48	7

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие виды художественной литературы Вам наиболее интересны?» (три варианта ответа)

Варианты ответов	Абсолютные показатели	% отношение
Фантастика	90	13,5
Фентези	82	12
Детективы	26	4
Исторические романы	34	5
Психологические романы	129	20
Приключенческие романы	188	28
Повести, сборники рассказов	96	14
Мемуары, автобиографии	4	0,6
Другое	5	0,75

Таблица 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Вы предпочитаете литературу»

Варианты ответов	Абсолютные показатели	% отношение
Отечественных авторов	163	73
Зарубежных авторов	55	27

Таблица 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Вас больше привлекает литература»

Варианты ответов	Абсолютные показатели	% отношение
Классическая	89	40
Современная	129	60

Таблица 6. Распределение ответов респондентов на вопрос «Каких бы зарубежных/отечественных авторов Вы бы назвали в числе своих любимых (не более 3)?»

Варианты ответов	Абсолютные показатели	% отношение
В.Пелевин	19	2,9
А.Дюма	18	2,7
Э.Хемингуэй	16	2,4
Р.Бах	10	1,5
Ф.М.Достоевский	10	1,5
Л. Н.Толстой	6	0,9
Дж.Клейсон	4	0,6
Р.Кийосаки	4	0,6
Д.Карнеги	4	0,6
Н.Хилл	4	0,6
А.И.Солженицин	3	0,45
А.С.Грибоедов	3	0,45
Э.Л.Джеймс	3	0,45
А.П.Платонов	3	0,45
М.Е.Салтыков-Щедрин	3	0,45
А.П.Чехов	3	0,45
М.Ю.Лермонтов	3	0,45
И.С.Тургенев	3	0,45
Н.В.Гоголь	3	0,45
А.А.Блок	3	0,45
В.Высоцкий	2	0,3
Р. Рождественский	2	0,3
Ш.Бронте	2	0,3
А.А.Ахматова	2	0,3
О. де Бальзак	2	0,3
В.Гюго	2	0,3
Ч. Диккенс	2	0,3

Таблица 7. Распределение ответов респондентов на вопрос «Вы читаете книги,

которые:»

Варианты ответов	Абсолютные показатели	% отношение
Имеются в Вашей домашней библиотеке	75	34
Покупаете в книжных магазинах	28	13
Приобретаете через онлайн-магазины (OZON, Лабиринт, и т.п.)	18	8
Берёте у друзей, знакомых, родственников	33	15
Скачиваете/читаете в сети	63	28
Есть в ближайшей библиотеке	1	0,45

Таблица 8. Распределение ответов респондентов на вопрос «Вы выбираете книги:»

Варианты ответов	Абсолютные показатели	% отношение
Самостоятельно, по интересующей Вас тематике	108	49
По рекомендации друзей/родных/знакомых	49	22
Читаете рецензии, критику	38	17
Случайно	23	12

На 9 вопрос «Какую последнюю книгу вы прочли?» респонденты дали следующие ответы: «Бэтман Аполло», (В.Пелевин), «Пятьдесят оттенков свободы», (Э.Л.Джеймс), «На фейсбуке с сыном», (Я.Вишневский), «Парфюмер: история одного убийцы», (П.Зюскинд), «Сто лет одиночества», (Г.Г.Маркес), «Планета вода», (Борис Акунин), «Госпожа Бовари», (Г.Флобер), «Братья Карамазовы», (Ф.М.Достоевский), «Кузина Бетта», (О. де Бальзака) и др.

Таблица 9. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как вы относитесь к электронной книге?»

Варианты ответов	Абсолютные показатели	% отношение
Положительно, это очень удобно, за этим будущее	167	75
Отрицательно, книга должна оставаться в традиционном формате	35	16
Нейтрально (мне всё равно)	16	9
Я не знаю, что это такое	0	0

Таблица 10. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как повлияло поступление в вуз на Ваше чтение?»

Варианты ответов	Абсолютные показатели	% отношение
Я стал(а) читать больше	108	49
Я стал(а) читать меньше	39	16
Никак	71	35

Анализируя полученные ответы респондентов мы можем говорить о том, что преимущественное большинство студентов, а именно, 79% читают в среднем 1 — 3 книги в месяц. Предпочтение студенты отдают художественной и учебной литературе, а также журналам и новостным блогам. В качестве предпочитаемых жанров художественной литературы студенты выделяют такие, как фантастика, фэнтези, приключенческие и психологические романы, рассказы, менее интересны студентам мемуары, биографии, детективы и исторические романы. Из числа опрошенных студентов 73% предпочитают произведения отечественных авторов, чем зарубежных. А 60% из респондентов

предпочитают читать современную литературу, чем классическую. Анализируя эмпирические данные можно говорить о том, что большинство студентов совершенно не пользуются библиотеками, а предпочитают покупать книги, брать у друзей или скачивать электронные варианты изданий в сети Интернет. Из общего числа опрошенных студентов 49% выбирают книги самостоятельно исходя из собственных интересов, 22% прислушиваются к советам друзей и знакомых, 17% перед прочтением книги читают отзыв и критику произведения, 12% выбирают книгу случайно. К электронной книге 75% опрошенных студентов относятся положительно, 9% студентов высказывают нейтральную точку зрения, и лишь 16% студентов считают, что книга должна оставаться в бумажном виде. Почти половина опрошенных студентов считают, что обучение в академии усилило желание читать, 35% студентов считают, что обучение в вузе никак не повлияло на их чтение, однако 16% высказали, что вуз мешает чтению.

Среди самых популярных авторов студентов отмечают В.Пелевина, А.Дюма, Э.Хемингуэя, Р.Баха, Ф.М.Достоевского, Л. Н.Толстого, Дж.Клейсона, Р.Кийосаки, Д.Карнеги, Н.Хилла. Среди последних прочитанных книг были названы такие, как «Бэтман Аполло», (В.Пелевин), «Пятьдесят оттенков свободы», (Э.Л.Джеймс), «На фейсбуке с сыном», (Я.Вишневский), «Парфюмер: история одного убийцы», (П.Зюскинд), «Сто лет одиночества», (Г.Г.Маркес), «Планета вода», (Борис Акунин), «Госпожа Бовари», (Г.Флобер), «Братья Карамазовы», (Ф.М.Достоевский), «Кузина Бетта», (О. де Бальзака) и др.

Результаты конкретного исследования говорят о разнообразно развитой структуре читательских предпочтений студенческой молодежи ФГБОУ ВПО «ПГСГА», а также о том, что электронная книга составляет значимую конкуренцию печатной. Среди положительных тенденций можно отметить предпочтение отечественных авторов, а также анализ критики произведений. К самым негативным тенденциям можно отнести полное безразличие студентов к библиотечным фондам. Полученные данные можно использовать в рамках работы по направлению поддержки и развития чтения среди молодежи. Данная работа подтверждает тенденцию относительно всплеска читательского интереса среди российской молодежи.

Библиографический список

1. Белов В.А., Громова В.В. Современные читательские предпочтения подростков и юношества // Библиосфера. 2014. № 1. С. 31-37.
2. Волкова В.Н., Тараканов А.В., Лизунова И.В., Соснин Е.В., Макеева О.В., Лютов С.Н., Подкорытова Н.И. Чтение в современной России: кризис или смена читательских предпочтений (материалы круглого стола) // Библиосфера. 2012. № 4. С. 17-23.
3. Гутник И.Ю. Анализ молодежных читательских предпочтений: факты и комментарии // На путях к новой школе. 2012. № 2. С. 120-123.
4. Кругликова А.Ю. Картина чтения современных студентов: опыт исследования // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2014. № 2. С. 61-66.
5. Полищук М.А. Социологический анализ читательских предпочтений (по результатам социологического исследования) // Вестник Удмуртского университета. 2013. № 3-1.

ЭТИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА СБОРНИКА ЭССЕ АНДРЕ ЖИДА «ПОВОДЫ»

Аннотация

В данной публикации освещается история выхода в свет полемического сборника эссе французского писателя Андре Жида «Новые поводы» и излагается ряд ключевых позиций

автора на широкий спектр проблем современного ему общества, в частности на вопросы, связанные с моральным аспектом художественного творчества.

Adstract

This publication highlights the circumstances of issue of the polemic collection of essays of the French writer André Gide «Prétextes» and expounds a number of the author's key positions on a wide range of problems of modern society, in particular on the problems of moral aspect of artistic creativity.

Ключевые слова: мораль, литература, эссе, культура, критика

Key words: morality, literature, essay, culture, criticism

Книга эссе «Поводы» («Prétextes, Réflexions sur la littérature et la morale»), увидевшая свет в 1903 году это полемические заметки, продолжение ранее написанных и опубликованных работ Андре Жида (см.: *Réflexions sur quelques points de littérature et de morale*, 1987, *De l'Influence en littérature*, 1900).

Художник слова морального поиска А. Жид, в очередной раз пытается затронуть на страницах своего сочинения проблемы связи искусства с его этическим аспектом, моралью современного общества.

В своей лекции, посвящённой творчеству Гёте (5 августа 1903 года) писатель с неослабевающей энергией подвергает критике нравы своих собратьев по перу, занимающихся сочинительством в угоду собственных желаний, не обращая внимания на запросы времени и социума.

Слава моралиста, закреплённая за ним, после выхода в свет «Тесных врат» (*La Porte étroite*, 1909), «Изабель» (1911), книги, посвященной творчеству русского гения «Достоевский» (*Dostoïevsky d'après sa correspondance*, 1908) ещё не пришла. Шёл 1903 год, лишь «Имморалист» (*L'Immoraliste*, 1902) в полной мере мог отражать моралистическую направленность произведений романиста, будущего лауреата Нобелевской премии (1947). [1, с. 49-50] К великому сожалению и разочарованию Андре Жида, большая часть критиков, литературоведов продолжают интерпретировать его творчество с позиций прославления культа аморальности героев созданных им произведений. Такая позиция вынуждает автора вступать в полемику, продолжительные дискуссии, доказывая неоспоримую важность нравственных проблем. В одном из интервью он уверенно заявляет, что по существу, «мораль это материал, на основе которого строятся книги» [3, с. 1366], что ни в коем случае нельзя разрывать это философское понятие с эстетикой современного искусства и модернистских течений в литературе того времени.

Кроме того, писатель прямо говорит об очевидной бездуховности молодого поколения. Он считает, что подавляющая часть общества, людей, которым ещё нет и тридцати, остановилась в желании познавать мир, что их не интересуют книги Достоевского, Клоделя, Гурмона. [3]

Своё этическое кредо Жид продолжает отстаивать в двух последующих статьях, под общим названием «Национализм и литература». [3, с. 73]

Несмотря на очевидный спад интереса к проблемам литературы в обществе, тем не менее, писатель объективно считает возможным представить народ без литературы, вместе с тем негативные и разрушительные последствия такого предположения катастрофичны. Обратный же процесс, когда сама литература отказывается служить народу, быть выразителем его взглядов и чаяний, по твёрдому убеждению А. Жида, губителен, как для самой культуры, так и для общества в целом. [3, с. 73]

Популярность и прославление «высокой литературы» («haute littérature») по убеждению писателя, – процесс искусственный, надуманный, ведущий к регрессу, тупику. Вместе с тем Андре Жид вполне допускает и не оспаривает точку зрения сторонников «высокой литературы», утверждающих в своих сочинениях, что без индивидуального подхода в любом жанре искусства трудно рассчитывать на создание чего-то стоящего. Однако невозможно, по его мнению, поставить знак равенства между гением нации, создающим шедевры, и гением-

одиноким, оторванным от глубинных, национальных истоков культуры, истории и национального самосознания.

Рассуждая о проблемах литературы, автор вынужден затронуть национальный вопрос, высказывая ряд соображений о французском народе предвоенного периода. Он считает, что некоторая часть общества, в основном молодёжь, из-за желания казаться истинными патриотами своей страны, неправомерно забывает и пренебрегает историей, которая влияет на все области и сферы жизни, в том числе и литературу. А. Жид предупреждает об опасности шовинистических и националистических настроений, складывающихся как в умах молодого поколения, так и всего общества.

Рассуждения и мысли писателя оказываются как никогда актуальными. Следует бурная, гневная реакция на его первые эссе. Ряд критических выступлений приобретает воинствующий и реакционный характер, особенно в «Nouvelle revue française» (NRF) и «Les Guêpes». Трезвая и смелая позиция Андре Жида, заявляющего, что он не собирается «с кем бы, то, ни было сражаться» и будет всегда отстаивать свои взгляды и убеждения, какими бы они не оказались провокационными и непопулярными для его противников, достаточно убедительна и взвешена. [3]

Писатель не скрывает, что его подход в идейных спорах обоснован, так как ориентирован на теорию Каре (Cagey). Она заключается в том, что земельные угодья, теряющие плодородность, как правило, вынуждают тружеников культивировать новые пашни. Их девственность а, следовательно, и плодородность, обычно дают новый неплохой урожай. Предыдущее поколение, по меткому сравнению популярного теоретика, уже возделало свои земли, поэтому они и потеряли своё богатство и привлекательность. Культивировать «варварские» – вот в чём видит Каре задачу для потомков. Так и с культурой, искусством, литературой. С философской точки зрения, считает Андре Жид, теория Каре имеет своё привлекательное значение, и «возможно» в преломлении к литературному процессу, «осветит путь истории новой литературы». [3, с. 1381] Писатель призывает: «Новых свободных мест много, есть силы – занимайте их». [3, с. 1388]

Эти размышления позволяют А. Жиду смотреть в будущее с оптимизмом, надеясь, что процесс творчества никогда не прервётся и даст миру ещё много самобытных произведений подлинного писательского таланта.

Как честный человек, признанный романист своего времени, Андре Жид не терпел бесталанности, некомпетентности, назидательности в литературе, которой он предан, осуждая подобные негативные стороны с точки зрения морали.

Он считает, что всё начинается с малого. Бульварная литература вытесняет классическое наследие и разрушительно действует на сознание широких масс населения. Если сегодня, предупреждает Андре Жид, согласиться с наличием такой литературы, то эти «книжонки превратятся в книги, а их убогая мораль в философию жизни». [2, с. 275]

Жид не боится высказывать своё резкое отношение, даже если оно касалось «сильных мира сего». Его возмущает и раздражает вмешательство деловых и финансовых кругов в искусство. А. Жид более чем уверен, что изворотливые околотелитературные деятели, спекулируя на его имени, отмывают деньги. Даже его любимый журнал «NRF», у истоков, создания которого он стоял, постепенно превращается в вестник финансово-биржевых сводок и информации. Литературный язык вытесняется жаргоном, приемлемым для банковских и экономических структур.

Сборник эссе, задуманный автором, как выражение его критического взгляда на проблематику литературы начала века, вместе с тем затронул сложные и дискуссионные вопросы общественной жизни, морали современного социума, в непосредственной связи с которыми писатель видит своё истинное предназначение. Кроме того, «Поводы» будут иметь продолжение – в популярном издательстве «Mercure de France» в 1911 году выйдут «Новые поводы» (Nouveaux Prétextes).

Такая гражданская позиция Андре Жида заслуживает уважения. Более того, большая часть интеллигенции не только её одобряла, но и видела в писателе своего духовного лидера

и наставника. К его мнению, оценке современной ситуации прислушивались, ждали на страницах прессы, а позже в радиointервью.

Критичный ум, непредвзятое отношение, обострённое чувство правды и справедливости, присущие Андре Жида, это те качества, которые способствовали не только росту популярности и авторитета писателя, но и утверждали его в глазах современников и будущих поколений как истинного моралиста, проницательного и искренне верящего в торжество разума писателя-гуманиста.

Библиографический список

1. Савельева Е.Б. Автобиографичность текстов ранних произведений Андре Жида / Е.Б. Савельева // Филология и культурология: современные проблемы и перспективы. Сб. материалов 6-ой межд. науч-практич. конф. Махачкала, НИЦ «АПРОБАЦИЯ», 2014. – С. 49-50.
2. Collection littéraire A. Lagarde et L. Michard. Textes et Littérature, XX-ème siècle, P.: Bordas, 1973 – p. 275.
3. Gide A. Oeuvres complètes, t. II, Paris, – 1955 p.

УДК 82.008.075. 8

Татарина Л.Н.

Кубанский государственный университет

МЕТАФОРА ЛОВЛИ / ОХОТЫ В РАССКАЗАХ УИЛЬЯМА ФОЛКНЕРА

Аннотация

Метафора ловли / охоты - один из древних символов культуры: у Платона она связана с темой познания («ловля голубей»). В статье рассматриваются рассказы американского писателя XX века Уильяма Фолкнера, где метафора ловли / охоты означает взаимоотношения Бога и человека, мотив познания и спасения души.

Abstract

Catching / Hunting metaphor is the most ancient symbol of culture: in Plato it is connected with knowledge theme (“the catching of doves”). The article considers stories of American writer of XX century William Faulkner in which catching / hunting metaphor means relations between God and man, the motif of knowledge and saving man’s soul.

Ключевые слова: метафора, Бог, познание, стремление, Охотник.

Key words: metaphor, God, knowledge, longing, Hunter.

В данной статье на примере одного художественного приема (метафоры) мы ставим проблему соотношения религиозного и художественного мышления; здесь предлагается попытка рассмотреть процесс и способы передачи религиозных истин языком словесного искусства.

В научной литературе метафора уже давно перестала восприниматься как просто троп, как украшение речи. Так еще в начале XX века испанский философ Ортега-и-Гассет в статье «Что такое метафора?» пишет: «Зачем мышлению метафоры? Почему метафора является не только средством выражения, но еще и важным орудием мышления? Не все объекты легко доступны для нашего мышления, не обо всем мы можем составить отдельное, четкое представление. Наш дух вынужден поэтому обращаться к легко доступным объектам, чтобы, приняв их за отправную точку, составить себе понятие об объектах сложных и трудно уловимых.

Метафора служит орудием мысли, с помощью которого нам удается достигнуть самых удаленных участков нашего концептуального поля» (курсив наш - Л.Т.) [1, с. 3].

Итак, метафора - это способ выражения мысли. В более позднее время именно такой подход предложили американские лингвисты Д.Лакофф и М.Джонсон; их книга

«Метафоры, которыми мы живем» (1980) стала бестселлером на многие годы. «Действие метафоры не ограничивается одной лишь сферой языка: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Понятийная система человека упорядочивается и определяется метафорически», - пишут авторы в своем труде [2, с. 1].

Метафора ловли и близкая по своему значению метафора охоты встречается уже в древнегреческой философии, так Платон в диалоге «Теэтет» представляет приобретение знаний как ловлю голубей:

Сократ. Следует сказать, что, пока мы дети, эта клетка бывает пустой - ведь под птицами я разумею знания, тот же, кто приобрел знание, запирает его в эту ограду, и мы скажем, что он выучил или нашел предмет, к которому относилось это знание, и что в этом - то знание и состоит...

В нашем сравнении с приобретением и охотой за голубями мы говорили, что охота была двоякая: до приобретения с целью приобрести и после приобретения, чтобы взять в руки и поддержать то, что давно уже приобретено» [3, с. 258 – 260].

В метафоре ловли птиц Платоном подчеркнута мысль, что знание есть схватывание смысла, т.е. процесс познания не является чем-то рациональным; и обладать знанием, как вещью, раз и навсегда, невозможно.

Также здесь звучит мотив активности человеческого сознания, которое хочет знать, оно - в погоне за истиной, как за улетающими птицами и только в этом стремлении заложена гарантия успеха. Эти голуби находятся в нашей душе в виде чего-то забытого и непримененного (концепция знания как воспоминания), надо извлечь их из глубины и сделать достоянием нашей жизни.

Метафора ловли как приобретения спасения или достижения истины встречается в Евангелии от Луки - «И сказал Симону Иисус: не бойся; отныне будешь ловить человеков» (Лук. 5:10). Раньше Симон ловил рыбу, чтобы прокормить семью, теперь он будет ловить людей для Бога, т.е. проповедовать Евангелие Царства Божия и приобретать души людей для вечной жизни. Здесь охота или ловля предстает в значении спасения.

Но в Евангелиях встречается и другое значение символа охоты - сатана называется «львом рыкающим», ищущим человека, чтобы погубить его. В духовной литературе можно найти образ сетей, которые раскинуты повсюду темными силами для поимки невнимательных легкомысленных людей. Кстати, словарь символов дает такое толкование слова охота - смерть, активное участие, желание, преследование мирских целей. Дикий Охотник - это смерть, преследующая жертву.

В художественной литературе метафора ловли /охоты также может получать религиозный смысл. Рассмотрим это на примере рассказов американского писателя Уильяма Фолкнера. В повести Фолкнера «Медведь» Лес называется «университетом», мальчик (Айк Маккаслин - центральный герой произведения) «послушником», он пришел не убивать зверей, а служить и учиться (т.е. употребляется религиозная лексика). А медведя называют - Старый Бен - не просто человеческим, но библейским именем (Вениамин). Здесь Айзек Маккаслин постигает не просто законы охоты, но нравственные истины. Так написана вся сцена встречи с Медведем - Айзек смог увидеть Медведя лишь после того, как он оставил палку, компас, часы и ружье и вошел в чащу «совсем чистым», пока не понял, что «нужно покориться до конца». Мальчик учится смирению, так как истина постигается чистым сердцем. Медведь дает себя увидеть, а затем выводит заблудившегося Айка из леса. В конце повествования медведя убивают, но не Аик и не его учитель Сэм Фазерс, а охотник пониже уровнем, чем Сэм - Бун Хоггенбек. С медведем умирает и Сэм (без всяких видимых причин) и очень храбрая собака по кличке Лев. Через два года Айзек приходит на могилы этих трех персонажей и ощущает их живое присутствие - «...здесь не усыпальница, ни Сэм, ни Лев не мертвы... не скованно почивают они под землей, а свободно движутся в ней, с ней, входя неисчислимо дробной, но непогибшей частицей в лист и ветку, присутствуя в воздухе и солнце, в дожде и росе, в желуде, дубе и снова желуде, в рассвете, закате и снова

рассвете, бессмертные и целостные в своей неисчислимости и дробности - и Старый Бен, Старый Бен тоже!» [4, с. 281].

Текст начинает звучать как поэма, становится возвышенным и лиричным стиль, а метафорический образ охоты становится центральным символом - символом познания Истины. Главным условием познания у Фолкнера является смирение - человек не должен ощущать себя центром бытия, понимая, что над ним есть Высшее начало, к которому он будет относиться с благоговением.

С «Медведем» связан еще ряд рассказов Фолкнера об охоте. Так своеобразным продолжением сюжета является рассказ «Гон спозаранку». Здесь речь идет об охоте на оленя и тоже от лица мальчика, но если в «Медведе» этим мальчиком был Айк Маккаслин, то в «Гоне» Айк уже глубокий старик («старей дядя Айка у нас в лагере нет»). История повторяется уже с новыми действующими лицами, но история та же: мальчик (хотя уже другой, нового поколения) познает законы мира, красоту и трагичность бытия, греховность человека, уничтожающего прекрасный лес, учится сочувствовать, а не убивать. Люди и животные в этой драме бытия расставлены по своим позициям, которые выбраны не ими. «Ведь у нас тут не забава с утра, не игрушки, а всерьез, и все трое и сейчас какие были утром: старый рогач - ему убежать, не по трусости, а потому что бег его главное дело и гордость; Орел и остальная стая - им гнать, не из ненависти и страха, а потому что гон их главное дело и гордость; я, мистер Эрнест и Дэн - нам скакать не за мясом, оно все равно слишком жесткое, и не рога, чтоб на стенку повесить, а чтоб хватило нас на одиннадцать месяцев фермы и потом, чтоб имели право ехать сюда в ноябре» [5, с. 17].

Автор ясно дает понять, что не стоит в буквальном смысле воспринимать ситуацию охоты («охота не за мясом»), что есть какой-то иной высший смысл всего происходящего (ведь оленя так и не убивают, хотя могли бы это сделать). Оленем любят - так он красив и грациозен. Когда мальчик (у которого, кстати, нет имени) говорит Эрнесту: «Вы нарочно разрядили ружья, чтобы не убить его», мистер Эрнест отвечает - «А хоть бы и так... Что тебе лучше: голова его кровавая и шкура в кухне... или как теперь - весь он в сборе, с головой и шкурой, в тростниках вон там лежит и дожидается следующего ноября, когда опять его погоним?» [5, с. 22].

Когда герои рассуждают о том, смогут ли они настичь оленя в следующую охоту, автор устами Эрнеста предлагает читателю следующее философское рассуждение - «Возможно - лучшее слово в нашем языке. Этим словом люди живы. Не те дни в жизни человека лучшие, когда он заранее говорил: «Да», а те, когда он одно мог сказать: «Возможно». «Да» говорится лишь после, потому что исхода заранее не только не знаешь - его и не желаешь знать до времени...» [5, с. 23]. По Фолкнеру, самонадеянность - главный враг человека и препятствие в познании Истины.

Итак, в данном рассказе охота предстает как извечные законы бытия, как стремление человека к совершенству, к единению с природой.

Айзек Маккаслин является и героем небольшого рассказа «Думал старый охотник», где он подводит итоги своей жизни. Здесь он вспоминает и Медведя, и Сэма Фазерса, который учил его «щадить зверя». Он думает о том, что Создатель дал человеку Большой Лес (т.е. прекрасный мир для жизни), но и послал предостережение - не истреблять природу. Айзек не хочет владеть Лесом, Лес принадлежит всем. Также, как в повести «Медведь», где звучит мысль о том, что «повторится охота» и ничто не исчезнет, а будет пребывать в вечности - Айзек верит, что все возобновится в ином пространстве и времени - «и там, под призрачно реющим и нерушимым лесом, меня встретят имена и лица стариков, кого я знал и любил и на краткое время пережил, - и в тених чащоб закипит неустанный и вечный гон, и дикий, полный сил, бессмертный зверь вновь и вновь будет падать под немые выстрелы и фениксом вставать...» [5, с. 23]. Так своеобразно выражена у Фолкнера вера в вечную жизнь. «Гон», погоня - это сама жизнь, ее законы, лучшее ее назначение.

Несколько иначе символ охоты решен в рассказе Фолкнера «Лисья травля». Этот рассказ намного короче, чем «Медведь» и намного динамичнее. Преследуя лису, несутся в едином порыве двое - мужчина и женщина - «казалось, что скачут не два всадника на лошадях, а один какой-то зверь, двойной, или может быть, двуполоый кентавр с двумя головами и восемью ногами. Женщина держала свою шляпу в руке, узел ее мягких шелковистых волос отсвечивал в косых лучах солнца тем же цветом, что и круп рыжей кобылы, он горел шелковистым огнем, слишком большой и тяжелый для такой тонкой шеи. В посадке женщины была грациозная скованность, она сидела, устремившись вперед, будто хотела обогнать свою бегущую лошадь, будто мчалась на ней, она летела отдельно от нее, сама по себе» [6, с. 370].

Рыжим цветом здесь объединены три существа - женщина (цвет волос), кобыла и лиса. В них воплощена красота природы и тайна женственности. Сюжет представляет собой любовную драму (речь идет о несчастной любви, о предательстве), и ситуация охоты расширяется до предела: идет охота не только на лису, но и на красоту. Красота и женственность в этом мире - жертвы алчности и холодного расчета, они в роли гонимых и преследуемых. Рассказ поднимается до уровня философской притчи о соотношении Добра и Зла. Можно сказать, что в этом случае в роли Охотника выступает сатана и его слуги - муж женщины безжалостный любитель лошадей Гаррисон и его приятель Готри, которому он готов сторговать ее за породистого коня (!).

Любопытно, что здесь именами наделены только отрицательные персонажи, а те, которым читатель сочувствует и кем он восхищается - женщина, лиса и рыжая кобыла безыменны. Наверное, таким способом Фолкнер подчеркивает универсальность истинных ценностей, непреходящее их значение.

Итак, из данного анализа мы видим, что у Фолкнера метафора ловли / охоты приобретает философский и религиозный смысл. Она означает поиск истины и Бога в неустанном стремлении к ним человека.

Возвращаясь к цитатам из работ Ортеги-и-Гассета и Лакоффа и Джонсона о том, что метафора есть «орудие мысли» и, соглашаясь с ними, хотим добавить: метафора есть не только форма мысли, но и форма богомыслия и богословия.

Библиографический список

1. Ортега - и - Гассет. Что такое метафора // <http://www.humans.ru/humans/54191>.
2. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // http://metaphor.nsu.ru/lacof_1.htm
3. Платон. Теэтет // Платон. Собр. Соч. в четырех томах. Т. 2 - М.: Мысль, 1993. - 527 с.
4. Фолкнер У. Медведь // Фолкнер. Пестрые лошади. - М.: Высшая школа, 1990. - 324 с.
5. Фолкнер У. Гон спозаранку. Думал старый охотник... // Гон спозаранку. Сб. рассказов. - М.: Молодая гвардия. 1975. - 285 с.
6. Фолкнер У. Лисья травля // Уильям Фолкнер. Собрание рассказов. - М.: Наука, 1977. - 628 с.

СЕКЦИЯ 4.

Теория литературы, текстология

Костян М.Х.

Северо-Кавказский федеральный университет

ДРАМЫ А.В. ВАМПИЛОВА И ТЕКСТ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Аннотация

В данной статье говорится о лермонтовском тексте в драмах А.В. Вампилова. Лермонтовский интертекст в драмах А.В. Вампилова показан на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Adstract

This article refers to Lermontov's text in dramas A.V. Vampilov. Lermontovsky intertext in dramas A.V. Vampilov shown in the lexical, morphological and syntactic levels

Ключевые слова: лермонтовский интертекст, драмы А.В. Вампилова.

Key words: Lermontov intertext, dramas A.V. Vampilov.

Сопоставляя драмы А.В. Вампилова и произведения М. Ю. Лермонтова, мы видим ориентацию А.В. Вампилова на лермонтовский текст, в частности на роман «Героя нашего времени».

Обратимся к «Утиной охоте». Интересен сам герой А.В. Вампилова - Зилов. Сам автор очень любил своего героя. По воспоминаниям В.Г. Распутина «в первом варианте он (Вампилов) его заставлял самоубийством закончить. Потом ходил-ходил, ходил-ходил, спрашивает у меня: «Ну славный всё-таки парень?» Я говорю: «Ну конечно, славный парень!» Он: «Жалко тебе его?» Я: «Мне всех жалко, хотя, конечно, негодяй большой». Он говорит: «Негодяй, но симпатичный негодяй, ведь, правда же? Он должен жить!» Еще два дня ходил и всё-таки оставил его в живых» [5, с. 104]. Такую же характеристику можно найти при описании Г.А. Печорина. Максим Максимыч постоянно повторяет, что Печорин «славный был малый, смею вас уверить» [4]. Эта же характеристика остается за героем даже после рассказа о смерти Бэлы, случая с неудачной встречей Печорина и Максима Максимыча, рассказа с Мери. Автор любит своего персонажа точно так, как А.В. Вампилов любит своего Зилова.

М.Н. Липовецкий отмечает, что «Виктор Зилов, в полной мере отвечает характеристике «героя нашего времени», представляя собой «портрет, составленный из пороков всего нашего поколения в полном их развитии» [3]. В. Зилов, как Г. Печорин пользуется интересом у женщин, делает необычные поступки, относится к типу людей, «у которых на роду написано, что с ними должны случаться разные необыкновенные вещи!» [4].

Виктор Зилов явно обращён к своему предшественнику – Григорию Александровичу Печорину. Исследователи часто проводят параллель между Зиловым и Печориным. Печорин как традиционный романтический герой, конечно, так же, как Зилов, внутренне противопоставляет себя и остальной мир. Но Зилов при этом пользуется всеми удовольствиями, которые предлагает юное советское общество потребления, полностью встраивается в его парадигму. Печорину постоянно приходится бежать – от общества и от себя – вступать в прямое противостояние (его дуэль с Грушницким). Также и Зилову. Его бывшая любовница (тоже Вера, как и возлюбленная Печорина) не видит в разрыве трагедии, она тут же устраивает свое счастье при помощи самого Зилова.

Опыт Зилова, также как и опыт Печорина – опыт всего поколения, и поэтому его выбор так важен: он отражает выбор всего поколения. Изменение общества не становится

результатом изменения типа людей: остаются особенные люди, которые отвечают типу «героя нашего времени».

Кульминационным в пьесе является эпизод разговора с женой через дверь, когда герой произносит монолог-исповедь: «...мне самому опротивела такая жизнь... мне все безразлично, все на свете... Что у меня есть, кроме тебя?.. Друзья? Нет у меня никаких друзей... Женщины? Да, они были, но зачем? Они мне не нужны... Работа моя, что ли?.. Я один, один, ничего у меня в жизни нет...» [1]. Перед нами слова человека, который все понял, осознал свое экзистенциальное одиночество. Он стоит на пороге того, чтобы в его жизни возник смысл. И Зилов давно задумывался о необходимости этого смысла. Здесь мы видим явную параллель с «Журналом Печорина», где герой раскрывается перед читателем: «Я вступил в эту жизнь, пережив ее уже мысленно, и мне стало скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книге» [4], «Жизнь моя становится пустее день ото дня» [4], «Зачем я жил? Для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных» [4]. Такое отношение к жизни и смыслу жизни сближает героев, выделяя общие лексемы «скука», «пустота», «безразличие», «отрицание».

Сходны также и женские персонажи М.Ю. Лермонтова и А.В. Вампилова. Галина – жена Зилова, молчалива, довольно замкнута, также как и черкешенка Бэла из «Героя нашего времени». Большинство ее реплик состоит из двух-трех предложений, в которых преобладает частица не, придающая словам грустный, в какой-то степени негативный оттенок: «не верю», «не имеет значения», «не обнимать», «неприятно» и другие. В речи Бэлы также видим наличие большого количества слов с частицей не: «Если он меня не любит, то кто ему мешает отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это так будет продолжаться, то я сама уйду: я не раба» [4].

Речь Зилова, как и речь Печорина намного разнообразнее: в ней преобладают эмоционально-окрашенные реплики, большое количество восклицательных и вопросительных предложений. Сам стиль А.В. Вампилова всегда отличался особой изысканностью, и не странно, что речь любимого героя обладает явными художественными преимуществами, чем речь всех других персонажей. В.Г. Распутин говорит: «Вампилов работал в газете «Советская молодёжь», но газетно-публицистический стиль у него не получался, так как у него художественность, у него там красота» [5, с. 100]. В «Утиной охоте» есть эпизод, когда Зилов якобы ругает Галину за то, что она без него решила судьбу будущего ребенка. На первый взгляд может показаться, что Зилов действительно возмущен и переживает, но автор акцентирует внимание, на его неискренности, вставляя реплики: «грозно», «расходится». Это говорит о том, что к произнесенной тираде следует относиться скептически. Даже Галина говорит ему: «Перестань паясничать» [4].

При сопоставлении этого эпизода с историей Печорина и Бэлы видно сходство характеров Печорина и Зилова. Печорину становится скучно с Бэлой: «...я ее еще люблю, я ей благодарен за несколько минут довольно сладких, я за нее отдам жизнь, - только мне с нею скучно...». То же самое можно сказать и о Зиллове с Галиной:

ЗИЛОВ. Никуда я не пойду.

ГАЛИНА. Почему?

ЗИЛОВ. Потому что... (Затрудняется). Потому что...

ГАЛИНА (нетерпеливо). Почему?

ЗИЛОВ (вспомнил). Потому что я тебя люблю [1].

В этом случае герои вспоминают, как когда-то они любили друг друга и пытаются восстановить это в памяти и проинтерпретировать эти чувства: «На охоту я не взял бы с собой ни одну женщину. Только тебя... И знаешь почему?.. Потому что я тебя люблю...». Здесь герой искренен, но выясняется, что изливает душу не своей жене, а Ирине, которая стояла за дверью. [1]. На протяжении всего текста Зилов два раза говорит, что любит Галину, Печорин – три раза признается в любви к Бэле, несмотря на то, что два вида отношений не

продлились долго. Любовь Печорина – это интерес, стремление. Любовь же Зилова – это постоянная причина, ответ на все вопросы, которые касаются женщин.

Так же, как Печорин, Зилов бешено гонится за жизнью, не находя соответствия своим мечтам в реальности, мстительно разрушает все вокруг самого себя в первую очередь.

Сознательная ориентация А.В. Вампилова на лермонтовский шедевр подчеркивается еще и тем, что бывшую возлюбленную Зилова, как и бывшую возлюбленную Печорина, зовут Верой.

Печоринская дуэль также видоизменяется и превращается в драку с Официантом, которого Зилов неосмотрительно назвал лакеем. Нелепая и злая шутка как Зилова, так и Печорина становится причиной раздора. Вот именно тот случай, когда слово становится поводом для ссоры, и слово то задевает самолюбие героев. Такая черта главных героев, как злость их шуток приводит к сложности в своей жизни, когда герои страдают от своего же поведения. Даже в финале пьесы «Утиная охота» нам неясно, плачет герой или смеется – у него утрачены живые реакции, он может только копировать смех и слезы. Распад нравственного сознания показан не как проблема отдельных индивидуумов, а как норма, определяющая существование общества в целом. Вспомним, как Печорин плакал после отъезда Веры.

Следующая пьеса, в которой также присутствует лермонтовский интертекст – «Прошлым летом в Чулимске» (1971 г.). Главного героя зовут Шаманов, которого также можно сопоставить с Печориным. Как и в «Герое нашего времени» мы видим некую «дуэль», когда Пашка с позволения Шаманова стреляет в него. Можно сказать, что Шаманов пребывает в роли разочарованного Печорина.

В трех произведениях – «Герой нашего времени», «Утиная охота», «Прошлым летом в Чулимске» показана исповедь героев, героев, которые очень похожи друг на друга, которым чего-то не хватает в этом мире. Но именно в этой исповеди мы по-другому смотрим на героя, мы начинаем понимать, что перед нами предстоит человек с открытой душой, который прячется под масками. Эту мысль мы слышим в словах Максима Максимыча: «Перечитывая эти записки, я убедился в искренности того, кто так беспощадно выставлял наружу собственные слабости и пороки. История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она – следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление» [4].

«...я остался в степи один, потеряв последнюю надежду; попробовал идти пешком – ноги мои подкосились; изнуренный тревогами дня и бессонницей, я упал на мокрую траву и как ребенок заплакал. И долго я лежал неподвижно и плакал горько, не стараясь удерживать слез и рыданий; я думал, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровие – исчезли как дым. Душа обессилела, рассудок замолк, и если б в эту минуту кто-нибудь меня увидел, он бы с презрением отвернулся. Когда ночная роса и горный ветер освежили мою горячую голову и мысли пришли в обычный порядок, то я понял, что гнаться за погибшим счастьем бесполезно и безрассудно. Чего мне еще надобно? – ее видеть? – зачем? не все ли кончено между нами? Один горький прощальный поцелуй не обогатит моих воспоминаний, а после него нам только труднее будет расставаться. Мне, однако, приятно, что я могу плакать!». Мы видим в данном отрывке душевные переживания Печорина, как он переживает, хочет вернуть свою любовь.

Подобное рассуждение видим в словах Шаманова, который открывается Кашкиной: «Как я жил, дальше так жить было нельзя. И вот сегодня... (Поднялся.) Удивительный сегодня день! Ты можешь смеяться, но мне кажется, что я и в самом деле начинаю новую жизнь. Честное слово! Этот мир я обретаю заново, как пьяница, который выходит из запоя. Все ко мне возвращается: вечер, улица, лес, – я сейчас ехал через лес, – трава, деревья, запахи – мне кажется, я не слышал их с самого детства...» [2]. И для Печорина и для Шаманова природа становится если не спасительным ориентиром в жизни, то способствует возвращению к жизни героев.

Проанализировав эти произведения на синтаксическом уровне, можно сказать, что в драмах А. Вампилова, также как и в лермонтовском тексте присутствуют риторические восклицания, с помощью которых авторы хотели сильные чувства, волнения героев: «Мне, однако, приятно, что я могу плакать!» Ужасные плуты!.. Избаловали мошенников!.. Уж я их знаю, меня не проведут! [4], «Удивительный сегодня день! Ты можешь смеяться, но мне кажется, что я и в самом деле начинаю новую жизнь. Честное слово!» [2], «Работа моя, что ли! Боже мой! Да пойми ты меня, разве можно все это принимать близко к сердцу!» [1]. Эти тексты насыщены риторическими вопросительными предложениями. Ответы на эти вопросы имеют множество таких же риторических вопросов: «Чего мне еще надобно? - ее видеть? - зачем? не все ли кончено между нами?» [4], «А почему бы и не пойти?.. Что?.. Заварить тебе чаю?.. (Ждет ответа, потом оборачивается.) Чаю тебе заварить?.. Неужели уснул?..» [2], «Неужели у меня нет сердца?.. Да, да, у меня нет ничего — только ты, сегодня я это понял, ты слышишь? Что у меня есть, кроме тебя?.. Друзья? Нет у меня никаких друзей... Женщины?.. Да, они были, но зачем?» [1].

Во всех произведениях есть прием умалчивания, недосказанности, что выражается в использовании многоточий, постоянных пауз, упоминания тишины: «Вам будет немножко скучно... ну да мы с вами будем жить по-приятельски...» [4], «Молчишь. Значит, все правильно... Ну ладно, я ведь только предлагаю... Успел уже... Спать – на это ты способен. Это единственное, что тебе еще не надоело...» [2], «Я сам довел тебя до этого... Я тебя замучил, но, клянусь тебе, мне самому опротивела такая жизнь... Ты права, мне все безразлично, все на свете. Что со мной делается, я не знаю... Не знаю...» [1].

М.Ю. Лермонтова и А.В. Вампилова сближает тяга к описанию деталей. В «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтов уделяет большое внимание глазам героев, которые в некоторой степени раскрывают характер героя: глаза Печорина «не смеялись, когда он смеялся», глаза Бэлы – «глаза черные, как у горной серны», «из угла комнаты на нее смотрели другие два глаза, неподвижные, огненные» – глаза Казбича [4].

У А. Вампилова мы так же встречаем важное описание глаз: «За красивые глаза... Они у вас голубые, если мне память не изменяет...» – глаза Ирины, «А глаза! Как живые» – глаза кота, подаренного Верой Зилову и его супруге [1].

Таким образом, можно говорить, что лермонтовский текст в различном виде (тип героев, сюжет) и на различных уровнях (лексический, морфологический, синтаксический) включается в драмы А. В. Вампилова «Утиная охота», «Прошлым летом в Чулимске» и представляет собой лермонтовский интертекст.

Библиографический список

1. Вампилов А. Утиная охота. [Электронный ресурс] URL: http://www.lib.ru/PXESY/WAMPILOW/vampilov_ohota.txt
2. Вампилов А. Прошлым летом в Чулимске [Электронный ресурс] URL: http://lib.ru/PXESY/WAMPILOW/vampilov1_2.txt
3. Липовецкий М.Н. Маска, дикость, рок. [Электронный ресурс] URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200100204>
4. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/LITRA/LERMONTOW/geroi.txt>
5. Распутин В. Код Вампилова // STORY. Необыкновенные судьбы необыкновенных людей. - №11 (65). – Ноябрь 2013.

СЕКЦИЯ 7. Языкознание

УДК 81.576

Мукушева Г.Р., Орнальдина А.Е.

Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РАЗНЫХ КУЛЬТУР

Аннотация

В статье затрагивается актуальная проблема полиязычия в Республике Казахстан, а также некоторые трудности при переводе с одного языка на другой особенностей разных культур народов мира.

Abstract

The paper touches upon the urgent problem of polylinguism in Kazakhstan as well as some of the difficulties in translating from one language to the other the peculiarities of the different cultures of the world.

Ключевые слова: полиязычие, перевод, национальный колорит.

Key words: multilinguism, translation, national color.

В целях обеспечения конкурентоспособности страны и ее граждан в Послании Президента Республики Казахстан «Новый Казахстан в новом мире» предложена поэтапная реализация культурного проекта «Триединство языков», согласно которому необходимо развитие трех языков: казахского как государственного языка, русского как языка межнационального общения и английского как языка успешной интеграции в глобальную экономику [1]. По мнению Олжаса Сулейменова, если данная Программа триязычия будет реализована, то через десяток лет перед нашей молодежью будет открыт весь мир [2].

Особую важность обретает и присоединение к Болонской декларации,

в свете Послания Президента Н.А.Назарбаева «Новое десятилетие - новый экономический подъем - новые возможности Казахстана», где прописана конкретная задача: «Качество высшего образования должно отвечать самым высоким международным требованиям. Вузы страны должны стремиться войти в рейтинги ведущих университетов мира». Данный шаг Казахстана, как считают зарубежные эксперты и участники будапештского форума, - большое достижение на пути к интеграции в мировое образовательное пространство [3]

Язык – это первостепенное средство общения, с помощью которого люди осуществляют обмен мыслями и достигают взаимопонимания. Человеческое общение делится на устную и письменную формы. Непосредственное общение происходит в ходе общения на одном языке, но в случае общения на двух или более языках непосредственность нереальна. В таком случае необходим перевод, который многие исследователи определяют как передачу средствами одного языка мыслей, произведенных на другом языке. Следовательно, перевод- это важное вспомогательное средство, обеспечивающее выполнение языком его коммуникативной функции тогда, когда люди ведут общение на разных языках. Следует заметить, что перевод является важным звеном в обмене мыслями и взаимопонимании разных народов.[4]

Наши студенты-первокурсники специальности «Международные отношения» как и все студенты, в обязательном порядке изучают три языка: государственный, межнациональный и международный, и перевод один из важных аспектов в изучении языков, так как наряду с развитием коммуникативных способностей, необходимо развивать навыки и умения перевода с одного языка на другой. Изучая способы перевода, естественно, пришли к такому

вопросу: « Возможна ли совершенно точная и полная передача мысли на одном языке, выраженная средствами другого языка?» В научной среде по этому вопросу сложились две противоположные точки зрения одна из них - «теория непереводаемости». Эта теория предполагает, что полноценный перевод с одного языка на другой никак не может существовать из-за значимого расхождения выразительных средств разных языков, а так же перевод проявляется слабым и далеко не совершенным отражением оригинала, передающим о нем отдаленное представление.

Другой точке зрения придерживается большая часть исследователей. Она положена в основу деятельности некоторых профессиональных переводчиков, и заключается в том, что всякий развитый национальный язык является вполне достаточным способом общения с целью полноценной передачи мысли. Наряду с задачами развития национального языка, как государственного, с развитием лингвистического капитала казахстанцев в Республике предполагается организация системной работы по сохранению русского языка в лексическом багаже казахстанцев, а также создание благоприятных условия для изучения и сохранения языков этносов, проживающих в Казахстане. Полиязычность многонационального народа Казахстана существенно обогащает нашу культуру. Важным и необходимым элементом лингвистического капитала казахстанцев является овладение английским и другими иностранными языками. Многолетний период реализации Программы предполагает постановку перспективных задач. Это изучение иностранных языков, в том числе английского, как средства делового международного общения. Изучение культуры и традиции народов изучаемого языка.

Основным видом перевода при изучении базового иностранного языка в нашем случае является письменный перевод. Говоря об этом виде переводе, принято различать три его вида: пословный, дословный и литературный (художественный). Рассмотрим каждые из них.

Пословный перевод – это машинальный перевод слов иностранного текста в таком порядке, как они появляются в тексте, не беря во внимание синтаксические и логические связи. Такой перевод используют в основном как базу для дальнейшей работы с переводом.

Дословный перевод – это максимально близкое воспроизведение синтаксиса и лексики оригинала. Невзирая на то, что дословный перевод зачастую не выполняет синтаксические принципы языка, он же используется при первых, черновых этапах работы над текстом, потому что он помогает уяснить структуру и замысловатые места оригинала.

Литературный (художественный) перевод – это передача подлинной мысли в форме верной литературной речи. Такой перевод вызывает огромное количество споров в научной среде. Некоторые исследователи придерживаются мысли, что образцовые переводы должны быть выполнены не столько путем синтаксических и лексических соответствий, сколько творческими исследованиями художественного соответствия.

Появляются особые трудности, в случае перевода языков разных культур. К примеру, работы арабских и казахских писателей имеют множество цитат из Корана и намеков на его сюжеты. Арабский и казахский чтец узнает их с такой же легкостью, как и образованный европеец, распознает ссылки к Библии и античным мифам. И если перевести эти цитаты для европейца, он их не поймет. Также, происходят некие различия в литературных традициях: сравнение благовидной девушки с верблюдицей для европейца покажется нелепым, но это очень распространено в арабской поэзии. А рассказ о «Снегурочке» вовсе непонятно, как переводить на языки знойной Африки. Так, разные культуры создают намного больше трудностей в переводе, нежели просто разные языки.

Лингвистический принцип перевода – это, прежде всего, копия формальной структуры оригинала. Нельзя однозначно говорить о том, что он является основным, так как такой перевод может привести к безмерному следованию в переводе тексту оригинала, то есть к дословному, в языковом отношении точному, слово в слово, но в художественном отношении слабому переводу.

Во всяком переводе, как в творческом процессе, должна быть замечена индивидуальность переводчика, однако главная задача переводчика все же есть передача

характерных черт с оригинала в его перевод. А так же немаловажно создание адекватного подлинника эмоционального и художественного впечатления, и для этого переводчик должен подобрать наилучшие языковые средства: найти подходящие синонимы, которые соответствовали бы художественным образам и так далее.

Безусловно, абсолютно все элементы, формы и содержания, невозможно воспроизвести с полной точностью. Любой перевод неизбежно проходит через следующее:

- Какая-то часть материала не отбрасывается и не воссоздается;
- Некая часть материала не дается в собственном виде – она дается в виде разного рода эквивалентов;
- Привносится материал, отсутствующий в оригинале.

По этим причинам переводы подвергаются условным изменениям в сравнении с оригиналом. Однако если цель представляет собой произведение схожего с оригиналом целостности содержания и формы на материале другого языка, эти изменения вполне необходимы. Однако от диапазона этих изменений может зависеть точность перевода – и именно самое малое изменение может обеспечить адекватный перевод. [5]

Все решения, касательные перевода, при художественном переводе принимаются при узком контексте и широком контексте всего произведения.

Переводчик должен обозначить функциональную эквивалентность среди структур оригинала и перевода, а так же отобразить в переводе целостность содержания и формы, которая объясняет художественное целое, то есть иными словами растолковать читателю малейшие нюансы творческой задумки автора, созданных им образов и мыслей, которые уже нашли свое максимально точное выражение в подлинном языке.

Художественный перевод, так же как и прозаический или поэтический переводы, является искусством. А искусство, в свою очередь, – это плод творчества. Но творчество и буквализм несовместимы. Однако если перевод – искусство, которое не имеет ничего общего с ремеслом буквализма, отсюда следует, что переводчик должен быть одарен писательским талантом. Переводческое искусство обладает своими особенностями, тем не менее, писатели-переводчики имеют значительно больше сходств с оригинальными писателями, нежели различий.

Переводчики, как и писатели, нуждаются в многостороннем жизненном опыте, неустанно пополняемом запасе впечатлений. Язык писателя-переводчика, так же как и язык оригинального писателя, формируется из наблюдений над родным языком и родным литературным языком на протяжении его исторического развития. Исключительно те переводчики могут полагаться на успех, кто берется за работу с сознанием о том, что язык одолеет любые трудности, и что для него нет никаких преград.

Национальный колорит прибывает с четким воспроизведением его портретной живописи, со всей совокупностью особенностей быта, жизненного уклада, внутреннего убранства, обычаев, трудовой обстановки, отображением пейзажа этой страны или же края во всей его специфичности, воскрешением народных обрядов и поверий.

Всякий писатель, если только он настоящий художник, имеет своё личное видение мира, и, следовательно, какие-то собственные методы изображения. Переводческая индивидуальность выражается выбором авторов и произведений для отображения на родном языке.[6]

Язык переводчика, так же как и язык оригинального писателя, формируется из наблюдений над родным языком и родным литературным языком на протяжении его исторического развития. Исключительно те переводчики могут полагаться на успех, кто берется за работу с сознанием о том, что язык одолеет любые трудности, и что для него нет никаких преград.

Национальный колорит прибывает с четким воспроизведением его портретной живописи, со всей совокупностью особенностей быта, жизненного уклада, внутреннего убранства, обычаев, трудовой обстановки, отображением пейзажа этой страны или же края во всей его специфичности, воскрешением народных обрядов и поверий.

Идеалом для переводчика является слияние с автором. Но это слияние нуждается в исканиях, выдумках, находчивости, вживании, сопереживании, остроте зрения, обоняния и слуха, раскрывая творческую индивидуальность так, чтобы она не заслоняла своеобразие автора.

Библиографический список

1. Послание президента Республики Казахстан народу Казахстана. Новый Казахстан в новом мире. - Астана, 2007.
2. Сулейменов О. Всегда был и остаюсь интернационалистом / «Литер», 4 сентября 2008 г./
3. Кунанбаева С.С. Болонская конвенция и международное научно-образовательное пространство. - Алматы, 2007.
4. Сысоев П.В. Языковое поликультурное образование: что это такое? //Иностранные языки в школе. - 2006. - № 4. - с. 2- 14.
5. "Тонкости художественного перевода"
http://moiperevod.ru/info/articles/article_detail.php?id=93
6. Проходский А. Н. Реферат по курс предмета «Теория перевода Красноярск 2008.
7. Задорожная А. Бюро переводов «Гольфстрим»;
8. Рахметкалиева М.Т. Журнал "Вклад молодых исследователей в индустриально-инновационное развитие Казахстана", 2011

Рамазанова Д.Б.

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ

ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОВ СВОЙСТВА В МИШАРСКИХ ГОВОРАХ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация

В тезисах подчеркивается научное и практическое значение изучения терминов родства, приводятся основные понятия кровного (ана, ата, апа и др.) и свойственного (каенана, каената, йанагай и др.) родства.

В Нижегородской области распространен сергачский говор западного диалекта татарского языка, который наличием терминов йанагай, туган отличается от других говоров западного диалекта, сближаясь в то же время с говорами крящен среднего диалекта.

Abstract

The author concentrates on the basic notions of blood relationship (ana, ata, apa, etc.) and inherent relationship (qaenana, qaenata, yanaghay, etc.) emphasizing the scientific and practical importance of investigating the kinship terms.

Nizhny Novgorod region is an area covered by the sergach patois of western dialect of the Tatar language which differs from other local dialects by the use of the lexemes yoghanay, tughan, etc., at the same time coming closer to the middle dialect patois of the Kryashens (baptized Tatars).

Ключевые слова: термины родства, свойственное родство, младший брат мужа, младшая сестра мужа, форма обращения.

Key words: kinship terms, inherent relationship, husband's younger brother, husband's younger sister, forms of address.

Как известно, термины родства представляют собой часть древнейшего слоя основного словарного фонда языка. Они возникли в глубокой древности, в связи со сложением общности людей и для определения ими своих отношений друг к другу. Данная лексическая группа выступает и как показатель важнейших социально-исторических процессов. Известно, что с развитием общественного строя менялась и форма семьи: от группового брака к моногамной семье. Имена же родства характеризуются консервативностью,

продолжают сохранять в себе некоторые семантические пережитки и при новой форме семьи. Отсюда можно утверждать, что ныне бытующая терминология родства в той или иной степени отражает более древние формы родственных отношений.

Термины родства необходимо рассматривать в тесной связи как с развитием человеческого общества, семьи, так и с историей народа, что находит свое отражение и в изменениях, количестве и семантике терминов родства. Такой анализ дает возможность решать вопросы этногенеза народа, также и вопросов происхождения его той или иной этнографической группы.

Термины родства, являясь важным историко-этнографическим источником, представляют большой интерес и с лингвистической точки зрения. Планомерное описание и исследование лексических групп внутри словарного состава конкретного языка в совокупности с его диалектным материалом дает возможность изучить закономерности развития в пределах групп слов, объединенных общей семантикой, выявить специфические особенности и возможности в развитии значений в отдельно взятом лексико-семантическом разряде слов. Результаты такого исследования позволят более полно и достаточно четко представить словарное богатство языка, решать актуальные вопросы его истории.

Соответственно двум видам родства (кровному и брачному) выделяются две большие группы родственной терминологии: группа терминов родства по крови и группа терминов родства по браку.

Группа терминов родства по браку, отличается по составу терминов, историей сложения и особенностями функционирования.

Но лексическому составу терминов родства все три татарских диалекта и литературный язык совпадают. Отклонения носят частный характер, сводятся к единичным примерам типа йадаш – сестра (кас), апсын – сношеница (кас, перм., вост.д.), тэтэй – отец (чст.-крш., м.-кар., частично, заказ-крш., ичк., вост.д.), печкә – золовка (крш.), кайынбикә ... (приурал.), игәч, тудык(а) – сестра, двоюродные и т.п. (миш.) и некоторые другие.

Как известно, в Нижегородской области распространен сергачский говор, по-этому более употребительными будут примеры из этого говора.

Термины родства по крови составляют древнейший пласт лексики. Основные номинативные термины (ана, ата, эби < др.-тюрк, аба, апа, ага < др.тюрк. ака, эне, ул и т.п.) зафиксированы еще в древнетюркских письменных памятниках. Древние варианты или термины более устойчиво и более системно сохранились в мишарском диалекте (ана, ата, игәч, в сергачск. игәц и др.). Вообще система терминологии родства в говорах мишарского диалекта более единообразна, более стабильна, чем в говорах среднего диалекта. Наличием терминов тудыка, игәц / игәч мишарский диалект наибольшую общность проявляет с западнокыпчакскими языками.

Мнение о том, что группа терминов родства по браку сложилась позднее на базе терминов родства по крови, подтверждается и материалами татарского языка. В формировании данной группы значительную роль сыграли также социальные термины (бий, бикә, хатын и др.) и некоторые другие слова (балдыз < др.-тюрк, балдыр – молодой, ранний; йортчы < др.-тюрк. йурчы?; йортагай < йорт – дом + агай -старший брат, т.е. хозяин дома? и др.).

В мишарском диалекте термины родства по браку образуются путем сочетания показателя свойства кайын с терминами кровного родства. При этом такие термины выражают родственников как со стороны мужа, так и со стороны жены, т.е. показатель кайын имеет "двусторонний" характер. Аналогичным образом сформировались системы терминов родства по браку татарского литературного языка и ряда периферийных говоров среднего диалекта (касимовского, пермского, златоустовского, ичкинского) и восточных диалектов. То же самое наблюдается почти во всех тюркских языках, за исключением чувашского, тувинского и якутского (Покровская: 71–172).

Следует отметить наличие в сергачском говоре терминов родства по браку: йанагай – младший брат мужа, туган – родной малдший брат, или младший девей.

Специфика терминов родства по браку такова, что она сложилась позднее и за счет различных, часто местных, средств и поэтому в ней выявляются узколокальные термины, представляющие собой либо субстратные явления, либо семантические переосмысления некоторых известных терминов, либо местные образования или заимствования и т.д.: йортцы вост.д., ичк.; ул бала перм., сарул/сары ул подб. – младший брат мужа, бикэчэм нукр., кыз бала перм. – младшая сестра мужа, балдыз перм. – младший брат и младшая сестра жены, кечкенә кыдача м.-кар. – младшая сестра жены, йанагай срг., йыртагай лмб. – форма обращения к младшему брату мужа и др.

Своеобразие отражается и в составе форм обращения по отношению к кровным младшим родственникам и родственницам мужа. В этой роли часто выступают величальные слова (абзий – старший брат, абыз агай – почтенный дядя и др.), слова выражающие высокое, более привелигированное сословие, грамотность, мулл (напр.: морза, ал'ем – ученый и др.) и т.д. При этом эти величальные слова снабжены определениями: севекле – любимый, чибәр – красивый, шәкерт – ученый, грамотный, алма – яблоко и т.п.

Особняком стоит сергачский говор, в котором формы обращения образуются на основе термина жанага или слова йегет (досл. юноша, парень, молодой человек); возможно, здесь выступает одно из метафоричных значений его; доблестный, мужественный) в сочетании с эпитетами мулла (мулла джанагай и др.), севәр джанагай – (севәр – любимый), сылу джанагай (сылу – красивый, прекрасный; стройный, изящный) и т.д., или: күөркле йегет – досл. красивый юноша, ак йегет (досл. белый; благородный юноша) и др.

Таким образом, сергачский, мордва-каратаевский, подберезинско-кряшенский, частично, пермский говоры объединяются в одну общность, в которой Формой обращения к младшему деверю выступают термины, связанные с детьми или молодыми (ул, бала, егет и др.) и обнаруживают близость к мордовскому, чувашскому, кумыкскому, ногайскому, киргизскому языкам.

Таким же образом создавались формы обращения младшим сестрам мужа: агапа – белолицая старшая сестра, күркле астай – красивая старшая сестра и др. В сергачском говоре: гөлцәк – цветок цветка, йаным цәк – душа моя цветок, аппак цәк – беленький цветок и др. Обилие таких величальных и ласкательных слов, эпитетов отмечено и в ногайском языке (Гаджиева, 1979: 107). В приведенных примерах отражена этика поведения новых членов семьи по отношению к младшему поколению, являющимся опорой, основой будущего всего общества.

Анализ всей совокупности татарской родственной терминологии показал наличие ряда ареалов, выделяющихся употреблением некоторых терминов.

Необходимо отметить объединение сергачского, дрожжановского говором с кряшенскими говорами по употреблению термина йанагай, характерного для всех носителей среднего диалекта (Рамазанова, 2014: 59, 252 и др.).

Употреблением термина туган (тат.литер. и в говорах: родственник) в значении "младший брат" объединяются сергачский, байкибашевский говоры и говор алтатинской группы сел со стерлитамакским говором.

Локальные фонетические варианты терминов родства связаны и с отдельными этапами истории развития татарского языка. Например: тат. литер. ул в сергачском говоре имеет форму бл, касимовском оыл (СС: oul), восточных диалектах ыуыл, в древнетюркском оууl и др. Таким образом, в мишарских говорах Нижегородской области до сих пор продолжает употребляться дифтонгоидный гласный, характерный для древнетюркского языка.

Полисемантичность возникает в связи с классификационным характером термина родства (апа – старшая сестра, младшая сестра отца, младшая сестра матери, любая женщина, старше говорящего и т.д.) или в результате семантического развития термина в различных ареалах в различном направлении: в ряде говоров среднего и мишарского диалектов тәтә – старшая сестра, старшая родственница, а в мордва-каратаевском, чистопольско-кряшенском говорах – отец.

Термины родства характеризуются образованием парных словосочетаний, выражающих собирательное значение. При этом компонентами выступают: антонимы по полу (ата-ана или ана-ата - родители и т.п.) или по возрасту (мам. агайны < ага-эне – родня, родственники); синонимы (бала-чага - детвора, ата-баба – предки, хатын-кыз или кыз-катын – женщины) и др.

Необходимо также отдельно указать на бытование ряда татарских терминов родства в мордовском, удмуртском, марийском и других финно-угорских языках или их диалектах.

Суммируя вышеизложенное, нужно подчеркнуть, что термины родства как древнейший пласт словарного фонда языка представляют собой не только важный лингвистический материал, но и историко-этнографический источник. Поэтому исследование их имеет большое значение как для отдельных отраслей языкознания, так и для выяснения вопросов этногенетического характера.

Библиографический список

1. Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев: XIX – начало XX в. М., 1979.
2. Покровская Л.А. Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М., 1961. С. 11–81.
3. Рамазанова Д.Б. Атамаларда гаилә һәм туганлык мөнәсәбәтләре. Казан: Татар.кит.нәшр., 2014. 287 б.

СЕКЦИЯ 8.

Русский язык

УДК 80: 821.161.1

Буторина Е.П.

Российский государственный гуманитарный университет

ОСОБЕННОСТИ ПРАГМАТИКИ ДЕЛОВОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития РГГУ

Примеры электронных писем подобраны студенткой магистратуры «Русский язык и межкультурная коммуникация» Д. М. Новосёловой

Аннотация

В статье рассматриваются прагматические особенности деловой интернет-коммуникации, которые определяются новым каналом взаимодействия, обеспечивающим оперативную обратную связь. Возможность такой связи сближает письменные деловые коммуникации с устным диалогом, отражаясь на выборе и использовании языковых средств. Рассматривается свойство интерактивности как прагматическая характеристика взаимодействия и единица интерактивности. С помощью предложенной единицы анализируется цепочка деловых писем.

Abstract

The article deals with pragmatic peculiarities of business Internet communications, which are determined by the interaction of the new channel, providing prompt feedback. The possibility of such connection makes the written business communications closer to the oral dialogue. This manifests by the choice and use of linguistic resources. We consider the quality of interactivity as a pragmatic characteristic of interaction and interactivity unit. Then the unit of interactivity is used to analyze the chain of business e-mails.

Ключевые слова: русский язык, деловой дискурс, прагматика, интерактивность, интернет-коммуникация

Key words: Russian language, business discourse, pragmatics, interactivity, Internet-communication

Прагматические особенности коммуникации определяются особенностями компонентов ситуации общения. В деловой интернет-коммуникации можно отметить ряд характеристик: это дистантное межличностное общение с быстрой обратной связью, служащее для оптимизации управленческой, производственной, финансовой или коммерческой деятельности. Интернет как канал взаимодействия создаёт условия для быстрой обратной связи, приближающей традиционно письменную дистантную деловую коммуникацию к устному диалогу. Это не может не сказаться на выборе и использовании в речевом взаимодействии языковых средств. Для описания механизмов такого выбора может потребоваться введение новых понятий и речевых единиц. В качестве базовой единицы коммуникативного обмена с точки зрения психологии исследователями было предложено три шага: высказывание – интерпретация – оценка [2, 3, 4].

Ранее нами уже отмечалось, что при описании прагматики интернет-взаимодействия помимо таких понятий как *речевой акт*, *коммуникативная ситуация*, *адресант*, *адресат*, *интенция*, возникает необходимость в рассмотрении понятия *интерактивности* [1].

Рассмотрим понятие **единицы интерактивности** с точки зрения лингвопрагматики. Вслед за психологами [2, 3, 4] мы можем предположить, что эта единица состоит из трёх последовательных коммуникативных (в нашем случае речевых) действий двух партнёров по коммуникации. Единица интерактивности представима в следующем виде:

A: R – B: f(R) – A: f(f(R)),

где

A – первый участник коммуникации

B – второй участник коммуникации

R – инициативная реплика

f(R) – ответ, в котором можно выявить коммуникативные (в частном случае речевые) средства интерпретации инициативной реплики, как правило, упрощающие языковые средства, использованные в исходной реплике

f(f(R)) – ответ, в котором можно выявить коммуникативные (в частном случае речевые) средства, при помощи которых адресант подтверждает (отрицает) правильность интерпретации адресатом инициативной реплики.

Единица интерактивности представляет собой коммуникативную, прагматическую сущность, её задача – не в поддержании и развитии темы обсуждения, а в проверке канала связи. Упрощённое повторение наименований, использованных в инициативной реплике, задаёт дальнейшее направление дискурса (f(R): *я вполне понимаю, о чём речь, многое можно не называть полностью* – f(f(R)): *да, ты верно понимаешь/нет, понимаешь неверно*). Наиболее наглядно это проявляется в полном и точном воспроизведении профессиональных и институциональных единиц дискурса. Их полное/сокращённое воспроизведение информирует нас о ролях участников, статусе коммуникации, фокусе обсуждения. Если в реплике f(R) произошло упрощение языковых единиц из реплики R, а реплика f(f(R)) подтверждает такую интерпретацию, то это можно считать проявлением свойства интерактивности в речевом взаимодействии.

Рассмотрим последовательность деловых электронных писем. О быстроте обратной связи мы можем судить по времени отправления писем, которое указывается в строке *Sent*.

Письмо 1.

From: X

Sent: Friday, February 15, 2013 3:21 PM

To: Y

Subject: Запрос фильтры

Добрый день, Елена!

Интересуют форсунки для C93282574 – 12 шт.

Фильтр OIL FILTER 269-8325 (C6.6 ENGINE)-2 шт.

Спасибо!

Best regards,

X

Spare parts department

*Tel: +7(495)925-**-** ext. ****

ТС "ТЕХНОPLAZA"

Письмо 2.

From: Y

Sent: Friday, February 15, 2013 4:05 PM

To: X

Subject: RE: Запрос фильтры

Павел, добрый день!

*Прошу Вас сообщить серийные номера двигателей и на какую компанию делать КП?
И я Вам сразу отправлю предложение.*

Спасибо!
С Уважением, Елена.

Письмо 3.

From: X
Sent: Friday, February 15, 2013 5:32 PM
To: Y
Subject: RE: Запрос фильтры

На СпецТехТранс КП сделайте, пож-та.
Серийники двигателей затруднительно узнать – мы располагаем только серийником самой сортировочной установки, где установлен движок TRX984HSADGD36594

Есть же каталожные номера.

Best regards,
X
Spare parts department
*Tel: +7(495)925-**-** ext. ****
ТС "ТЕХНОПЛАЗА"

Письмо 4.

From: X
Sent: Monday, February 18, 2013 11:58 AM
To: Y
Subject: FW: Запрос фильтры

Елена, добрый день!
Цены сообщите, пож-та.

Best regards,
X
Spare parts department
*Tel: +7(495)925-**-** ext. ****
ТС "ТЕХНОПЛАЗА"

Письмо 5.

From: Y
Sent: Monday, February 18, 2013 4:43 PM
To: X
Subject: RE: Запрос фильтры

Павел, добрый день!
Отправляю КП, со сроками поставки.
Жду от Вас письмо.
Заранее спасибо!
С уважением, Елена.

Письмо 6.

From: X
Sent: Wednesday, February 20, 2013 1:26 PM
To: Y
Subject: RE: Запрос фильтры

*Добрый день, Елена!
Письмо во вложении.*

Новый запрос, для этой же техники, на СпецТехТранс.

- 1. Фильтр масляный - 7W-2326*
- 2. Фильтр топливный тонк. оч. - 252-6338*
- 3. Фильтр топливный сепаратор - 1R-1804*
- 4. Фильтр воздушный внешний - 321-2411*
- 5. Фильтр воздушный внутренний - 321-2412*

По 2 шт.

Спасибо!

Best regards,

X

Spare parts department

*Tel: +7(495)925-**-** ext. ****

ТС "ТЕХНОПЛАZA"

В результате рассмотрения электронных писем из цепочки можно отметить следующее.

1. Отсутствие приветствия и обращения в письме 3. В деловой электронной переписке это встречается достаточно часто: если письмо представляет собой ответ на конкретный деловой вопрос или запрос, то этикетные формулы нередко опускаются.
2. Разговорные или упрощённо записанные этикетные формы (например, *Спасибо* – в письмах 1,2,6, *Заранее спасибо* в письме 5, *пож-та* в письмах 3 и 4).
3. Большое число сокращений (*КП, шт., тонк. оч., пож-та*), которые не вызывают вопросов, не требуют пояснений и принимаются обоими участниками переписки.
4. Если рассматривать письмо 1 как R из нашего определения интерактивности, а письмо 2 как f(R), то можно отметить разговорный, аграмматичный характер реплики *Прошу Вас сообщить серийные номера двигателей и на какую компанию делать КП?*, в значительной степени опирающейся на контекст сообщения из письма 1.
5. Письмо 3 продолжает упрощение на уровне лексики (*серийные номера* в письме 2 – *серийники* в письме 3) и синтаксиса (вербализуется только рема ответа: *На СпецТехТранс КП сделайте, пож-та*). Таким образом, письмо 3 можно рассматривать как f(f(R)), поскольку оно не уточняет разговорную реплику письма 2, а отвечает на неё, тем самым косвенно подтверждая и одобряя закономерность упрощений в письме 2 и, в свою очередь, вводя свои.

Подобные серии деловых писем, кроме того, зачастую характеризуются заметным уменьшением длины каждого письма с последующей редуцией до отдельных однострочных реплик, что сближает взаимодействие по электронной почте с общением в режиме чата и максимально приближает его к устному диалогу. Приоритетом становятся уже не точность и полнота делового письма, а скорость, с которой оно отправлено, и краткость, что приводит к опечаткам, неправильным грамматическим формам, пренебрежением прописными буквами и официальными этикетными формулами.

Таким образом, можно сделать вывод, что Интернет как канал коммуникации, обеспечивающий оперативную обратную связь, формирует новую прагматику делового общения, одним из важных свойств которой является интерактивность. Может рассматриваться и единица интерактивности. Описание выбора и употребления языковых единиц и структур с подобных позиций позволяет объяснить природу узуальных предпочтений в деловой интернет-коммуникации особенностями прагматики диалога.

Библиографический список

1. Буторина Е.П. Интерактивность как прагматический фактор деловой интернет-коммуникации//Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, Издательство «Грамота», 2014. № 3-2(33). – С. 46-49.
2. Галликер М., Ваймер Д. Психология взаимопонимания. Взаимность и диалог. – Х.: Гуманитарный Центр, 2013. – 240 с.
3. Foppa, K. (1984). Redeabsicht und Verständigung. Manuskripte, 23, 73-76.
4. Käsermann, M.-L. (1990). Spracherwerb und Interaktion. Bern: Huber.

УДК 82–1:801.313(470)

Петрачкова И.М.

Гомельский государственный медицинский университет

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНТРОПОНИМОВ В РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ XX ВЕКА

Аннотация

Предметом рассмотрения статьи является ономапоэтика, отрасль науки, которая появилась в 60-х годах XX столетия. В работе исследуются антропонимы литературных героев, используемые русскими драматургами XX века как средство создания художественного образа и воплощения авторского замысла.

Abstract

The subject of the paper is onomapoetics, a new branch of science that appeared in the 60-s of the 20th century. This article is about proper names of characters considered as reflection of poetic views of a Russian playwrights 20th century. The aim of the research is the function of proper names in the plays.

Ключевые слова: Антропоним, ономапоэтика, драматургия.

Key words: Proper name, onomapoetics, dramatic art.

Собственное имя в произведении того или иного писателя имеет свою специфику функционирования и выполняет так называемую художественную функцию, состоящую из целого ряда компонентов [1]. Этой проблемой уже более полувека занимается такая отрасль науки, находящаяся на стыке языкознания и литературоведения, как поэтическая ономастика. Действительно, собственное имя в художественном тексте (ниже ХТ) может иметь очень большой информационный потенциал, в том числе и подводящий читателя к раскрытию и осмыслению образа произведения писателя, авторского замысла, темы, идеи и проч. Имена собственные (далее ИС) в произведении писателя являются важными опорными точками любого ХТ. Раскрытие роли поэтонимов в создании художественного образа и воплощении авторского замысла представляется особенно актуальным в связи с неизученностью ономастикона произведений русской драматургии прошлого века. Обращение к ономастическому материалу позволяет раскрыть информационный потенциал имени в разных жанрах драматургии.

Ономастическое пространство драматургии М.М. Зощенко, А.В. Вампилова, В.С. Розова, которая занимает значимое место в русской литературе XX века, также остается неизученным. Объектом нашего исследования стали антропонимы многоактных пьес А.В. Вампилова «Прощание в июне», «Прошлым летом в Чулимске», «Старший сын», комедии М.М. Зощенко «Парусиновый портфель», драм В.С. Розова ««Вечно живые» и «В день свадьбы», комедии «Страница жизни», пьесы «С вечера до полудня».

Условно все антропонимы в названных нами драматургических произведениях можно разделить на пять групп. Во-первых, это автобиографичные номинации. Так, образ Бориса Бороздина из драмы «Вечно живые», как пишет сам Виктор Сергеевич Розов, является очень близким драматургу. Фактически все то, что сам пережил и прочувствовал драматург, все те нравственные вопросы, которые терзали самого писателя в первые дни начала Великой

Отечественной войны, разрешает и переживает его герой Борис Бороздин. Вот как об этом пишет в своих мемуарах В.С. Розов: «...С первого дня войны возник и лично мой нравственный вопрос: где должен быть в это время я? Собственно, вопрос этот не мучил меня долго, он возник и немедленно был решен: я должен идти на фронт. Это не было желанием блистательно проявить себя на военном поприще. Мне просто было бы стыдно оставаться в тылу в то время, когда мои сверстники были уже там. Я повинился чувству внутреннего долга, обязанности быть там, где всего труднее (подобная фраза есть в пьесе «Вечно живые», ее произносит уходящий на фронт Борис)» [2, 42]. Получив повестку и объясняясь со своей любимой девушкой Вероникой, Борис произносит следующие слова: «Так надо... Иначе нельзя было. <...> Пойми, война уже пришла. Я подал заявление сам, это верно. <...>И вот - надо идти. Как же я мог иначе? Если я честный, я должен быть там»[3, 537]. Имя Борис вообще является излюбленным для драматурга В. Розова, именно его он присваивает своим глубоконравственным, высокодуховным положительным и близким персонажам. Возможно, это связано с автобиографией писателя, поскольку родного брата Виктора Сергеевича звали Борисом. Еще один положительный персонаж с таким именем в комедии «Страница жизни» – Борис Богатырёв [4].

Во-вторых, драматурги используют имплицитные номинации (переносные, или так называемые имена-реминисценции, аллюзии уже известных исторических деятелей прошлого). Как утверждает В. Розов в своих мемуарах, сама жизнь порой очень похожа на сказку, в ней много невероятных случайностей, «необъяснимых совпадений», что зачастую дает возможность узреть в ней нечто мистическое, сверхъестественное, predeterminedное свыше [2, 226-228]. Образ главного героя из драмы «Вечно живые» врача Фёдора Ивановича Бороздина, созданный драматургом, во многом автобиографичен [2, с.43]. Кроме того фамилия героя Бороздин достаточно хорошо известна в русской истории. Это имплицитный антропоним, благодаря которому читатели заранее догадываются о высоких нравственных качествах персонажа, его патриотизме, преисполненном чувстве долга, благородстве человека, наделенного автором такой номинацией. В читательском сознании может возникнуть целый ряд исторических ассоциативных образов. Так, старинный дворянский род Бороздиных был известен на Руси еще с XIV века. Один из его наиболее знаменитых представителей Бороздин Михаил Михайлович (1767— 1837гг.), генерал-лейтенант, прославился как участник русско-шведской войны 1788—1790 годов и русско-турецкой войны 1787—1791 годов, а также войны 1812 года [см. об этом подробнее: 4, с. 458] Безусловно, богатый ассоциативный ряд имплицитного антропонима Бороздин рождает в читательском сознании облик положительного героя. Действительно, все семейство Бороздиных в драме «Вечно живые» достойно и мужественно переживают тяжелые военные годы: отец Федор Иванович день и ночь трудится в больнице, спасает жизни раненым солдатам, его дочь Ирина работает там же, помогая отцу, сын Борис уходит добровольцем на фронт, где геройски погибает.

В-третьих, писатели широко используют антропонимы, раскрывающие драматический образ посредством связи со своей этимологией или звуковой ассоциацией, возникающей в сознании читателя или зрителя. Это реальные ИС (с меньшей степенью семантической активности), построенные по моделям, известным в языке, с двойственной мотивацией (косвеннохарактеризующие и скрытоговорящие). Фамилия героя комедии «Старший сын» Владимира Петровича Бусыгина этимологизируется как «хвастун»[5, с. 123], т. е. человек, который хвастается, а в просторечии просто лжет. Студент мединститута Бусыгин точно знает, что родство его с Сарафановым вымышленное, однако ведет себя сообразно заявленной роли, становится «сыном», принимает правила игры, им же самим навязанной окружающим... [см. подробнее: 6]. Скрытоговорящую фамилию носит и заместитель директора Тягин Иван Силыч из комедии М.М. Зощенко «Парусиновый портфель». В архангельских говорах зафиксирована лексема тять, ближайшая этимология которой «рубить дрова» [7, с.141]. Это устойчивое сочетание вполне воспринимается читателем как вариант фразеологизма «наломать дров», что значит сделать что-либо поспешно, не

посоветовавшись, неправильно, «наделать много глупостей, ошибок» [8, с.386]. Именно Тятину приходит в голову идея по поводу того, как должен отдыхать Алексей Гаврилович. Он и выступает инициатором свидания совместного похода в театр Софочки Крутецкой и Алексея Баркасова. Иван Силыч даже позабыл о том, что его начальник семейный человек. Ещё одна героиня пьесы Софья Васильевна Крутецкая, сотрудница учреждения, в котором работают персонажи комедии, не против завести какой-нибудь роман на стороне, именно она с удовольствием подыгрывает Тятину и сама приглашает Баркасова на свидание в театр. В этой связи в читательском сознании возникает ассоциативная связь фамилии женщины Крутецкая с глаголом крутить в значении «находиться в любовных отношениях» [9, с.139]. Хорошо известны такие идиомы как крутить голову – «увлекать, влюблять в себя», крутить роман (любовь) – прост. «флиртовать; находиться в любовных отношениях» [10, с.215]. Данная семантика антропонима подтверждается и поведением Софочки Крутецкой, о которой автор в ремарках всякий раз замечает, что, если её вызывают, она «поправляет причёску» [11, с.325], «торопливо подкрашивает губы» [11, с.330] и пр. Значимой является и номинация другого персонажа пьесы М. Зощенко, ещё одного сотрудника завода Володи Слоняева. В ремарках драматург замечает, что в то время, когда все заняты делом, «... только Володя Слоняев не находит себе покоя. Он вертится, шумно вздыхает и поглядывает на машинистку Настеньку, стараясь привлечь её взгляд» [11, с.321] (ср. глагол слонять – слонов слонять, то же что слонов гонять (прост.) – «слоняться без дела, лодырничать» (прост., неодобр.) [8, с.732], слоняться – «ходить, бродить взад и вперед, обычно без цели, без дела» [12, с.143]. Но, на первый взгляд, может показаться, что молодой человек попросту влюблён, однако далее из пьесы мы узнаём, что оказывается Володя большой знаток женщин, их психологии. На вопрос Баркасова, как он проводит свободное время, т.е. отдыхает, Слоняев поведал следующее: «Ну, приду домой. Покушаю, конечно. А вечером, может быть, зайду к одной знакомой. Что-нибудь принесу ей. <...> И уж тут, как говорится, ...» [11, с.332–333]. Номинация Слоняев в данном контексте созвучна с разговорным глаголом слоняться, что значит «таскаться, шляться (ходить), шататься, болтаться» [13, с.541]. Так и Володя с целью весело и приятно провести время ходит (слоняется) от одной знакомой к другой явно без каких-либо серьёзных мотивов. Таким образом, фамилия персонажа косвенно даёт оценку его поступкам и поведению в целом. Сосед семейства Баркасовых, драматург, является носителем фамилии Ядов (от яд – в переносном значении «злость, ехидство», ядовитый – «злобный, язвительный» [12, с.779], которая синонимична прилагательному насмешливый, т.е. злоречивый, язвительный, ехидный, ядовитый, сатирический, саркастический, иронический [13, с.230]), что вполне согласуется с речевой характеристикой персонажа, его действиями, поступками, репликами других героев комедии об этом человеке. Ядов ведёт себя согласно заявленной в антропониме роли. Давая свою характеристику персонажу, автор замечает: «... Ему 45 лет. <...> Но лицо у него вдохновенное, умное. Говорит он патетически, почти восклицает. Но в этом – ирония, насмешка и даже отчасти шутовство» [11, с.314]. В ремарках постоянно обращается внимание на то, что Виктор Эдуардович произносит фразы «театральным тоном» [11, с.314], ведёт себя «театрально» [11, с.337], «театрально раскрывает объятия» [11, с.338], «пишет, поясничая» [11, с.345]. Этот персонаж комедии словно бы подливает яд во взаимоотношения героев пьесы, становится причиной их нравственных терзаний, сомнений, любовных конфликтов и подобных перипетий. Именно под воздействием его слов Зоя Павловна ещё больше начинает сомневаться в верности своего мужа Алексея Баркасова.

В-четвертых, драматурги используют имена – символы определенной эпохи или географического пространства (в том числе личные имена модные или частотные в тот или иной промежуток времени или же, напротив, редкие, необычные). Особую нагрузку в современных драматических произведениях советского периода несут на себе они-мисимволы, являющиеся атрибутами эпохи социализма. Так, одна из носительниц передового революционного имени Майя Мухина из драмы «В день свадьбы» В. Розова (оним Майя появился после революции, образован в честь праздника 1 Мая – дня солидарности

трудящихся всего мира и означает новые перемены), стремится изменить старую жизнь. Причем, эти перемены носят весьма негативный характер. В разговоре со своей односельчанкой Тоней, которая осуждает ее за безнравственное поведение, Майя достаточно неуважительно говорит о родителях. Вот их диалог: Майя. «Да разве они молодёжь понимают! <...>Они всё свои принципы в нос тычут! <...> Всё понять не могут, что их век кончился, другой идет. Не хочу я половыми вопросами мучаться, без них дел хватает». Тоня. «Тыфу!» Майя. «Плюйся не плюйся, к тому идет – к свободе! Старики повымрут, наши порядки будут, увидишь» [2, 392] «<...> Слава богу, у нас в Советском Союзе за любовь не судят» [2, 378]. Есть и другие обоснования использования имени Майя в пьесе [см. подробнее: 4]. Пламенный революционер Андрей Трофимович Жарков из пьесы «С вечера до полудня», одержимый верой в превосходство идеологии социализма, своего сына называет в ногу со временем именем – символом Ким, появившимся на заре эпохи социализма и представляющим собой аббревиатуру от названия Коммунистический Интернационал молодежи [14, 162].

В-пятых, авторы также используют классицистические имена-вывески, обладающие высокой степенью семантической активности. Так, самые яркие имена А. Вампилов присваивает эпизодическим персонажам, например, Серьезный, Строгая, Веселый, Красавица, Комсорг («Прощание в июне») и др. Принадлежность таких названий к ономастической лексике определяется контекстуально. Граница между онимами и апеллятивами в данных случаях практически отсутствует [см. об этом: 15].

Таким образом, в XI авторы так или иначе обращают внимание читателя (зрителя) на антропоним созданного им образа (через авторские ремарки, действия и поступки героя, художественный контекст, когда сам персонаж уточняет мотивацию имени, и, наконец, драматурги, порой, прибегают к стилистическому приему ономастического трагестирования). Как правило, выбор определенной номинации в пьесе может быть обусловлен комплексом средств, т.е. определен сразу несколькими факторами.

Библиографический список

1. Петрачкова И.М. Значимость имен собственных в художественном тексте (на материале современной русской прозы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Мн., 2003. – 21с.
2. Розов В.С. В добрый час: Пьесы. – М.: Советский писатель, 1973. – 600 с.
3. Розов В.С. Путешествие в разные стороны. Автобиографическая проза. – М.: Советский писатель, 1987.– 496 с.
4. Петрачкова И.М. Имена героев и мифопоэтические мотивы в драматургии Виктора Сергеевича Розова // "Питанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі". – Выпуск 7. – 2009 – С. 456 – 464.
5. . Унбенгаун Б.О. Русские фамилии: Пер. с англ./ Общ. ред. Б.А. Успенского. — М., 1989. – 443 с.
6. Петрачкова И.М. Собственные имена персонажей в комедии А.В. Вампилова "Старший сын" Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага універсітэта імя І. П. Шамякіна". – 2008. – №4 (21). – С. 71 – 75.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т.Т.4. – Т-ящур / Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачёва.– 2-е изд, стер. – М.: Прогресс, 1987. – 864 с.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. — 4-е изд., дополн. — М: Азбуковник, 1998. – 944 с.
9. Словарь русского языка. В 4-х т. Т.2. – К-О / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой.– 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык , 1982. – 736 с.
10. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / Л.А. Войнова [и др.]; под ред. А.И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.
11. Зощенко М.М. Избранное в двух томах. Т.2. Голубая книга. Театр / М.М. Зощенко / [Сост. И Исакович]. – Мн.: Народная асвета, 1983. – 416 с.

12. Словарь русского языка. В 4-х т. Т.4. – С–Я / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой.– 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык , 1984. – 794 с.
13. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка: практ. справочник (ок. 11000 синоним. рядов) / З.Е. Александрова. – 14-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз.–Медиа, 2006. – 564 с.
14. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен: Более 3000 единиц.- 6-е изд., стереотип. – М.: Русские словари, Астрель, 2000. – 480 с.
15. Петрачкова И.М. Художественное использование антропонимов в драматургии А. Вампилова// "Вестник БДУ". Серия IY. – 2009. – №3. – С. 64 – 68.

УДК 811.161.1

Плесканиук Т.Н.

Нижегородский институт менеджмента и бизнеса

ТЕКСТОКОГЕРЕНТНАЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МАТРИЦА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ СВЯЗНОСТИ В ТЕКСТАХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ

Аннотация

Публицистический текст демонстрирует богатство и разнообразие сложно организованных горизонтальных, вертикальных и интегрирующих связей в текстокогерентной словообразовательной матрице, которые подчинены задаче детально и подробно выразить и аргументировать мысль автора, систему авторских оценок. Словообразовательная связность имеет в текстах публицистического стиля большую плотность и насыщенность.

Abstract

Journalistic text demonstrates the richness and variety of complex horizontal, vertical and integrated coherence in text derivational matrix, which are subordinated to the problem to express and argue the author`s idea, the author`s evaluation system in detail. Word-formation sequence has great density and saturation in texts of journalistic style.

Ключевые слова: текст, словообразовательная последовательность текстокогерентная словообразовательная матрица, связность, публицистический стиль

Key words: text, word-formation sequence, text derivational matrix, coherence, journalistic style

В формировании текстовой связности участвуют разнообразные комбинации словообразовательных единиц языка. *Словообразовательная последовательность* является обобщающим понятием, объединяющим элементы разных в структурном или семантическом отношении словообразовательных единиц по принципу участия в формировании текстовой связности того или иного фрагмента текста. Разные словообразовательные последовательности в тексте могут соседствовать, комбинироваться или пересекаться, формируя смысловое пространство текста и его коммуникативную перспективу. [5] В качестве обобщающего термина для обозначения объединения разных словообразовательных последовательностей в роли комплексного средства словообразовательной текстовой связности используется понятие *текстокогерентная словообразовательная матрица*. Текстокогерентная словообразовательная матрица является не просто совокупностью всех словообразовательных последовательностей текста – она выступает как система, обладающая только ей присущими свойствами и выполняющая определенные функции [4]. С точки зрения функционирования словообразовательных единиц в тексте текстокогерентная словообразовательная матрица объединяет разные словообразовательные последовательности в пределах данного фрагмента текста или целого текста и актуализирует три уровня словообразовательной связности: горизонтальный, представляющий собой текстовые связи внутри словообразовательных последовательностей, вертикальный, вбирающий в себя межпоследовательностные связи словообразовательных

единиц и интегрирующий, обеспечивающий наложение или пересечение горизонтальных и вертикальных словообразовательных связей через единство их элементов компоненты словообразовательных связей [4].

В публицистическом стиле представлены многообразные тексты с характерными типами структурно-семантических организаций текстокогерентной словообразовательной матрицы, описывающие особенности текстов данного стиля и показывающие их возможности формирования горизонтального, вертикального и интегрирующего уровня словообразовательной связности.

Публицистический стиль (публицистическая речь) выделяется как особая функционально-стилевая разновидность литературного языка. Как определяет «Лингвистический энциклопедический словарь»: «Публицистический стиль (газетно-публицистический, газетный, политический, газетно-журнальный) — один из функциональных стилей, обслуживающий широкую область общественных отношений: политических, экономических, культурных, спортивных и др. Публицистический стиль используется в политической литературе, его представляют средства массовой информации (СМИ) — газеты, журналы, радио, телевидение, документальное кино» [6].

При всем многообразии жанров, видов и тем публицистической речи, все они, по мнению Т.Г. Винокур, «выполняют одно назначение: воздействуя на мысли и чувства, сформировать общественное мнение» [1: 55]. Д.Н. Шмелев считает, что главными факторами «самоопределения» публицистической речи являются контактообразующая и воздейственная функции [7: 162].

Главные задачи публицистического стиля — сообщение новостей и их комментирование, оценка фактов и событий. Публицистический стиль реализует две функции языка — *воздействующую и информативную*. Взаимодействие этих функций и составляет языковую специфику публицистического стиля: «Информативная функция ведет к формированию нейтрального слоя словаря, речевых стандартов, строевой лексики, необходимой для словесного оформления сообщений. Воздействующая функция обуславливает наличие и формирование оценочной лексики — прежде всего концептуальной, т.е. идеологической, общественно-политической (концептуальные слова, как правило, оценочны). Это наиболее важный разряд публицистического стиля, ключевые слова, характеризующие социально-политическую направленность газетно-публицистического текста. Воздействующая функция формирует и большой разряд оценочной (неконцептуальной) лексики» [6].

Главный критерий отбора языковых средств в публицистическом стиле — их общедоступность. Лексика этого стиля отличается многообразием и стилистическим богатством. Здесь широко представлена общеупотребительная, нейтральная лексика и фразеология, а также книжная и разговорная. Выбор словесного материала определяется темой. Для публицистического стиля характерно соединение контрастных по стилистической окраске слов, однако обращение к разноплановой лексике и фразеологии зависит от жанра и должно быть подчинено принципу эстетической целесообразности [3].

Публицистика призвана активно вмешиваться в происходящее, формировать общественное мнение, убеждать, агитировать. Это определяет такие важнейшие стилеобразующие черты публицистического стиля, как оценочность и эмоциональность. Информативная функция публицистического стиля обуславливает иные его стилеобразующие черты: точность, логичность, официальность, стандартизованность, клишированность. Благодаря взаимодействию информативной и воздействующей функций, публицистическому стилю свойственно сочетание **экспрессии и стандарта** [2], поиски новых, необычных выразительных средств, переходящих нередко в стандарт, штамп.

Указанные признаки публицистического стиля обуславливают и особую роль словообразовательных средств в создании текстовой связности в текстах публицистики. Горизонтальные, вертикальные и интегрирующие связи словообразовательных последовательностей в текстокогерентной словообразовательной матрице

публицистического текста участвуют в формировании структуры эмоциональной и рациональной аргументации авторской позиции, в выражении различного отношения автора к проблеме и экспрессивно-оценочного плана текста [3].

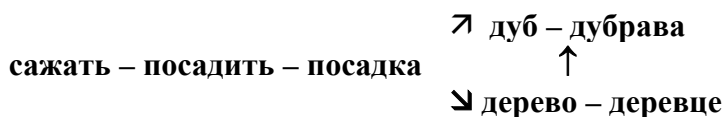
Так, в данном микрофрагменте текстокогерентной словообразовательной матрицы три словообразовательные последовательности участвуют в формировании логической структуры аргументации:

Если ты хочешь посадить дубраву. Или хотя бы десяток дубов. Ну, в крайнем случае, одно деревце... прежде всего, надо найти единомышленников, ведь в одиночку справиться с процессом посадки и взращивания довольно трудно, да и веселее сажать деревья в компании (В. Захаров).

1) Трехзвенная однокорневая словообразовательная последовательность (фрагмент словообразовательного гнезда): *сажать – посадить – посадка* – является сквозной и формирует основную проблему текста.

2) Двухзвенные однокорневые словообразовательные последовательности (словообразовательные пары): *дуб – дубрава* и *дерево – деревце* – участвуют в формировании вещественной, тематической основы текста.

Все три последовательности интегрируются в главную идею текста – ‘сажать деревья в компании’.

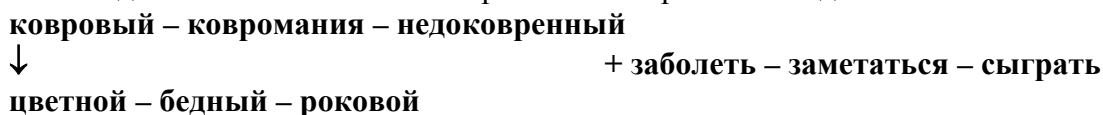
В следующем микрофрагменте трехзвенная однокорневая последовательность с вершиной *ковер* создает иронический тон текста, а употребление авторских окказионализмов *ковромания* и *недоковренный* служит созданию экспрессивного эффекта:

Три квадратных метра цветного пятна сыграли роковую роль в судьбе бедной женщины. Она заболела ковроманией. Не принижает ли ковровая малость моего авторитета? – заметалась мысль. Жить в недоковренной квартире стало невозможно. Ковровый аппетит разгорелся не на шутку (А. Емельянов).

1) трехзвенная однокорневая словообразовательная последовательность с не актуализованной в тексте вершиной *ковер* (фрагмент словообразовательной парадигмы): *ковровый – ковромания – недоковренный* – является сквозной и формирует комическую окраску в выражении главной идеи текста;

2) четырехзвенная разнокорневая словообразовательная последовательность синонимическими суффиксами (фрагмент словообразовательной категории, образованный фрагментом двух словообразовательных типов – два производных прилагательные на базе существительных с суффиксом –Н- и два – с суффиксом –ОВ-): *цветной – бедный – роковой – ковровый* – создает описательный компонент текста;

3) трехзвенная разнокорневая словообразовательная последовательность синонимическими префиксами (фрагмент словообразовательной категории, образованный фрагментом словообразовательного типа – два производных глагола совершенного вида с приставкой ЗА- + глагол того же вида с приставкой С-): *заболеть – заметаться + сыграть* – отвечает за динамический аспект изображения завершенности действий.

В данном фрагменте текстокогерентной словообразовательной матрицы однокорневые и разнокорневые последовательности создают содержательно-вещественную перспективу текста, что позволяет автору с максимальной точностью и подробностью выразить главную мысль текста:

Университеты в США — этикие непотопляемые островки викторианской, а часто и католической культуры. Своими Alma Mater американцы очень гордятся и бережно хранят традиции. Даже сами здания в университетском городке очень часто построены в

средневековом стиле и **отличаются** от остальной части **города**. Порой это настоящий **город** в **городе**, а порой 80 процентов **городского** населения так или иначе связаны с **университетом**, и **город** только обслуживает **университетский городок** (кампус). В **больших университетах** кампусы бывают такие **большие**, что **несложно и потерять**. Кроме **учебных** зданий и общежитий, обязательными атрибутами кампуса будут **столовая, кафе, университетский книжный магазин, церковь, почта, спортзал, бассейн** (с джакузи и сауной), **корты и стадион** (или два). **Большинство** студентов живут в общежитиях, потому что это удобнее: не нужно **долго** ехать на машине по утрам, не нужно самим **готовить, компьютеры и библиотека** рядом (О. Панфилова).

1) двухзвенная однокорневая словообразовательная последовательность, представленная словообразовательной парой **университет – университетский**, является сквозной и создает тематическую перспективу текста;

2) трехзвенная однокорневая словообразовательная последовательность, представленная фрагментом словообразовательного гнезда с актуализованной вершиной **город: город – городок – городской**, вступает с первой последовательностью в непосредственную вертикальную связь, создавая ассоциативно-образную параллель (университет = город в городе);

3) двухзвенная однокорневая словообразовательная последовательность, представленная словообразовательной парой **большой – большинство**;

4) трехзвенная разнокорневая словообразовательная последовательность, представленная фрагментом словообразовательного типа суффиксальных прилагательных со значением принадлежности: **викторианский – католический – университетский – городской**, вступает в непосредственную вертикальную связь с главной последовательностью за счет наличия общих членов **университетский** и **городской**, формируя признаковый фон текста.

Эту же роль, но опосредованно, играют также следующие разнокорневые последовательности:

1) двухзвенная разнокорневая словообразовательная последовательность относительных прилагательных (фрагмент словообразовательного типа): **учебный – книжный**;

2) четырехзвенная разнокорневая словообразовательная последовательность наречий на –О (фрагмент словообразовательного типа): **часто – бережно – несложно – долго**.

3) За динамический фон отвечает двухзвенная разнокорневая словообразовательная последовательность производных возвратных глаголов: **отличаться – потерять**.

университет – университетский	учебный – книжный
=	←
+	←
город – городок – городской	часто – бережно – несложно – долго
+	отличаться – потерять
викторианский	
католический	

Отметим, что в проанализированном фрагменте средства словообразовательной связности выступают в комплексе с средствами связности лексического уровня языка, а именно повторов ключевых слов **университет, университетский, город, городок** и др., что усиливает структурную сложность, плотность и насыщенность средств текстовой связности во фрагменте, образуя многочисленные параллельные и пересекающиеся ряды взаимозависимости единиц разных уровней языка.

Таким образом, публицистический текст демонстрирует богатство и разнообразие сложно организованных горизонтальных (внутри последовательностей), вертикальных (межпоследовательностных) и интегрирующих связей в текстокогерентной словообразовательной матрице, которые подчинены определенной задаче: детально и подробно выразить и аргументировать мысль автора, систему авторских оценок, добившись при этом максимального экспрессивного эффекта. Здесь мы имеем дело с целостностью текста, скорее, логического и эмоционально-экспрессивного типа, в сравнении с

художественным текстом, средства связности в большей мере эксплицитные, большую роль играют повторы и перифрастические наименования одного и того же явления, за счет чего эксплицитная словообразовательная связность имеет в текстах публицистического стиля большую плотность и насыщенность.

Библиографический список

1. Виноградова В.Н. Стилистика русского языка. Жанрово–коммуникативный аспект стилистики текста / В. Н. Виноградова, Т. Г. Винокур, Л. И. Еремина и др. – М. : Наука, 1987. – 236 с.
2. Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики, 2005. – 287 с.
3. Плесканюк Т.Н. Комплексные средства словообразовательной связности текста (структурно-семантический аспект): дис. ... канд. филол. наук. – Н.Н., 2014. - С. 109-115.
4. Плесканюк Т.Н. О термине и понятии «Текстокогерентная словообразовательная матрица» // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2014. – №о 1 (29). – Режим доступа: www.scientific-notes.ru/pdf/034-019.pdf.
5. Плесканюк Т.Н. Словообразовательная последовательность как средство текстовой словообразовательной связности // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 1. – Режим доступа: www.science-education.ru/115-12099.
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. Члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.
7. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. (к постановке проблемы). – М.: Наука, 1977. – 168 с.

УДК 811.161.1

Сичинава В.В.

Северо-Кавказский федеральный университет

ЯЗЫКОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СИНТЕЗА ИСКУССТВ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Аннотация

В статье рассматриваются языковые особенности создания поэтического мира М.Ю. Лермонтова с помощью художественного синтеза искусств, который является одним из ведущих методов и категорий теории искусств.

Abstract

The paper considers language features of creation of Lermontov poetical world by means of artistic synthesis of arts which is one of the leading methods and categories of the theory of arts.

Ключевые слова: синтез искусств, язык художественного текста, поэтический мир.

Key words: synthesis of arts, language of the art text, poetic world.

Исследователи жизни и творчества М.Ю. Лермонтова неоднократно указывали на такие особенности авторской манеры, как музыкальность и живописность. Это работы И.Л. Андронникова, Н.В. Маркелова, К.Э. Штайн, И.Р. Эйгеса и многих других. В данной статье обратимся к стихотворениям М.Ю. Лермонтова, которые были созданы с 1831 по 1841 годы.

Литературные творения автора тесно переплетаются с рисунками на полях, музыкальными пробами, танцевальными партиями. Лингвистический анализ стихотворений позволяет увидеть отчетливое стремление поэта к созданию своих текстов благодаря осмыслению различных категорий искусства. В итоге можно говорить об особенном художественном методе – синтез искусств, который выражается в гармоничном соединении нескольких видов искусств в художественное целое. Каждый вид искусства вносит свои

художественные ценности и опорные точки, в свою очередь, вбирая резервы других видов искусств. Художественный синтез искусств получил широкое распространение в эстетике романтизма, которая была направлена на «формирование цельного, гармонически развитого человека» [4, с. 270]. Именно тогда зародилась идея о создании «синтетических произведений искусства (нем. Gesamtkunstwerk), которые образуют «оазисы красоты», противостоящие буржуазному практицизму и бездуховности» [4, с. 270].

В стихотворениях М.Ю. Лермонтова литература, музыка и живопись находятся в настолько гармоничных отношениях, что невозможно сказать, какой вид искусств является главенствующим. М.Ю. Лермонтов – русский художник, который «опирался на русский язык, во многом подсказывавший художнику формы воплощения произведений» [5, с. 215]. Рассмотрим каждый из видов искусств, который создает синтез искусств в поэтическом мире автора.

В понимании поэта литературные категории (слово, стихотворение, поэма) противопоставляются музыкальным категориям и ее составляющим (звук, аккорд, песня). Музыкальные категории связаны с мелодичностью, плавностью, печалью: «Тихую песню он пел» [2, с. 23], «И пел тростник печально» [2, с. 26], «Она поет – и звуки тают» [2, с. 338]. Автор отмечает составляющие музыкальности и это именно звуки, в то время как слово – это категория литературная (Сравнить, «Звук песни» [2, с. 23], «И звук его песни в душе молодой» [2, с. 23] и «Есть сила благодатная / В созвучье слов живых» [2, с. 29]). Тесная связь наблюдается между категорией музыкальности и религией, поэтому песни в стихотворениях М.Ю. Лермонтова о Боге или для Бога: «Внимали той песне святой» [2, с. 23], «Он пел о блаженстве безгрешных духов» [2, с. 23], «О Боге великом он пел» [2, с. 23], «И звуков небес заменить не могли» [2, с. 23], «Погибших лет святые звуки» [2, с. 306]. Но песни создаются и для людей: в этом случае они не обладают вышеперечисленными характеристиками, это «скучные песни земли» [2, с. 23]. Также интересная особенность заключается в различии восприятия молитвы и песни: часто они сравниваются, становясь полярными точками разных видов искусств: «Молитву ль тихую читали, / Иль пели песни старины» [2, с. 376] «Одну молитву чудную твержу я наизусть» [2, с. 29] «Нет на устах моих грешной молитвы, / Нету ни песни во славу любезной» [2, с. 378], то есть молитва связана с литературной категорией, а песня – с музыкальной.

Среди музыкальных инструментов поэт особое предпочтение отдает струнным инструментам, а в особенности лире, арфе, гитаре, балалайке: «Звуком громкой лиры / Чарует свет» [3], «Лиры звук дрожащий, звонкой / Также мне волнует кровь» [3], «Лишь лиры звук мне неизменен был» [3], «Звук тихий арфы златострунный» [3], «и арфы шотландской струну бы задел» [2, с. 365], «И балалайки звук народный» [3], «И звук внезапно струны оборвет» [3], «и вновь гитары звон» [3]. Поэт играет на струнах души читателя, заставляет сопереживать и чувствовать настроение стихотворения благодаря колебаниям струн. Звучание музыкальных инструментов в отличие от звуков или песен не имеет плавности и мелодичности, наоборот, это звонкость, громкость, дрожание, прерывистость. Отметим, что крайне редко такими характеристиками наделяется собственно музыка и песни в частности: «От страшной жажды песнопенья» [2, с. 93], «При шуме музыки и пляски» [2, с. 306]. О страсти к струнным инструментам говорит и стихотворение «Звуки», которое посвящено известному гитаристу и сочинителю музыки для семиструнной гитары М.Т. Высотскому, в гостях у которого М.Ю. Лермонтов часто бывал в юношеские годы.

Живописное и графическое наследие поэта тесно переплетается с творчеством в области художественного слова. «Многочисленные рисунки М. Ю. Лермонтова – прежде всего своеобразный графический комментарий к литературным замыслам и творческой работе поэта. Они дышат тем же неукротимым жизненным темпераментом, экспансивностью и эмоциональной напряженностью, что и его стихи. Но этим не ограничивается их художественное значение» [1, с. 5]. К изобразительному наследию М.Ю. Лермонтова обращались неоднократно, что дало возможность установить датировку картин, классифицировать их по тематике, соотнести литературные тексты и их живописные

вариации. Обратим внимание, что в стихотворениях поэта часто используются лексемы, связанные с живописными категориями: «В одну картину все слилось» [2, с. 107], «Как он хорош, а конь – картина» [2, с. 128], «Он пред картиною упал» [3], «Как надписи надгробные, оне / Рисуются узором на стене» [2, с. 223]. Картина, в понимании автора, – законченное произведение, которое является высшей формой восприятия любого вида искусства.

Архитектура в стихотворных текстах М.Ю. Лермонтова представлена основными религиозными объектами: церковь, храм, собор, купола: «Осветятся церквей главы златые» [2, с. 224], «Так храм оставленный – все храм» [2, с. 329], «Когда лишь купола собора» [2, с. 127], «Моя душа твой вечный храм» [3]. Отметим, что большинство лексем, называющих объекты архитектуры, связанные с религией, отражают еще и личностные переживания лирического героя.

Отметим также значимость греческой мифологии для создания синтеза искусств в поэтическом мире М.Ю. Лермонтова. В тексте поэта используются следующие персонажи греческой мифологии: «Дианы стройные в чепцах» [2, с. 126], «Роскошно золотит Аврора» [2, с. 127], «Скользнет по нем играющий Эол» [2, с. 221], «Под сенью Марса и Венер...» [3].

Поэтический мир М.Ю. Лермонтова организован по особым принципам, с помощью которых создается гармоническое восприятие текста. Один из таких принципов – это художественный синтез искусств. Литература, музыка, живопись, архитектура коррелируют и взаимодополняются, при этом поэтический мир наполняется большим количеством категорий искусства, которые нельзя строго отделять друг от друга и выделять главные и второстепенные. М.Ю. Лермонтов – поэт, представляющий в своем творчестве энциклопедические знания разных видов искусств.

Библиографический список

1. Белявский Н.Ф. Лермонтов-художник // Искусство, 1939. – №5. С. 5-6.
2. Лермонтов М.Ю. Белеет парус одинокий... / Михаил Лермонтов. – М.: Эксмо, 2014. – 384 с.
3. Лермонтов М.Ю. Сочинения. Интернет-ресурс <http://lib.ru/LITRA/LERMONTOW/pss1.txt> (дата обращения 28. 08. 2014)
4. Радугин А.М. Синтез искусств// Эстетика. – Москва: Библионика, 2006. – С. 268-271.
5. Штайн К.Э., Петренко Д.И. Филология: История. Методология. современные проблемы. Учебное пособие / Под ред. соц. наук проф. В.А. Шаповалова. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2011. – 916 с.

УДК 81-114.4

Хашимов Р.И.

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ АНОМАЛИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация

Человеческое общество неоднородно по своим биологическим, этническим, социальным, мировоззренческим и т.п. признакам. Статья посвящена ономазиологическому изучению обозначений человека, отличающегося аномальными признаками в какой-либо обычной для данного периода развития среде, в которой сложилась своя доминирующая система ценностей, свойств, черт, идей и т.п.

Abstract

Human society is not homogeneous in terms to its biological, ethnical, social, ideological and other characteristics. The paper is devoted to onomasiological analysis of nominations of man distinguished by their anomalous attributes in any environment, typical of the given period of development, where its own dominant system of values, properties, markers, ideas etc has been established.

Ключевые слова: тематическая группа, аномалия, аномализм

Key words: thematic group, anomaly, anomalism

Ученые обычно пытаются выявить закономерности в какой-либо области Природы и общества, но человек постоянно сталкивается с аномальными явлениями, которые не всегда поддаются объяснению на определенном этапе развития общества и науки. С момента своего появления и рождения человек окружен аномальными явлениями, которые находили отражение в многочисленных сказках, былинах всех народов мира. Попытка объяснить что-то исключительное, необычное, загадочное привела к появлению таких названий, как домовая, леший, ведьма, призрак, привидение, фантом, полтергейст, барабашка, гном, русалка, оборотень и многие другие лексемы, которые в русском языке можно обозначить гиперонимом нечисть. Данная лексема в толковом словаре имеет значение «нечистая сила, лешие, домовые и т. п.» [5, т. 7, с. 1272]. Другие значения этого слова обозначают явления и людей, имеющих отклонения от какой-либо нормы в тот или иной исторический период. Однако если признать аномальность обычной или специфической закономерностью, то многие вопросы могут получить свое объяснение, не случайно языковую аномалию определяют как еще не понятую норму [4, с. 3].

Номинации аномальных явлений в жизни человека можно назвать аномализмами (греч. *anomalía* «отклонение от нормы, от общей закономерности; неправильность»), поскольку данный класс имен не получил еще своего терминологического обозначения в языкознании. Термин аномализм вписывается в один парадигматический ряд специальных номинаций или терминов лингвистики, обозначающих различные разряды лексики типа архаизм, историзм, экзотизм, варваризм, диалектизм и т.п. Наличие аномализмов во всех языках мира определяется одной из ведущих антиномий любого социума — «свой-чужой», т.е. тот, кто уже не является своим, но не считается еще чужим.

Семантическое поле аномализмов в каждом языке представляет значительную совокупность слов. К этому полю можно отнести слова разных частей речи, обозначающих аномальные явления, их признаки или действия. Не случайно еще античные ученые свои первые размышления о сущности языковых явлений оформляли в терминах аналогия и аномалия, понимая под аномалией несоответствие между именем и вещью, потому что в иных областях речи «в большей мере имеет место аномалия, чем аналогия» [1, с. 99]. Аномальные и исключительные явления объективной и социальной действительности представляют собой зародыши будущих закономерностей или отживающие реликты, постепенно исчезающие, но отражавшие прошлые закономерности. Подобные явления находят отражение в самом языке [2] и особенно в номинативной системе. Данное исследование посвящено ономазиологическому изучению обозначений человека, отличающегося от подобных себе в какой-либо обычной среде, в которой сложилась своя система ценностей, признаков, свойств.

Человеческое общество со дня своего существования постоянно дифференцировалось по различным признакам. По статусу и роли личности в обществе возникали номинации типа патриций, раб, гладиатор, дружинник, легионер, холоп, сенатор, олигарх, господин, князь, врач, крестьянин, рабочий, клерк, бюджетник, пипл, электорат, элита, чиновник, работодатель, контрактник, либерал, (трудовой, офисный) планктон, банкрот, ученик и др. Номинации людей по национальным, этническим, гендерным, возрастным, социальным, профессиональным и т.п. признакам обозначают таких лиц, которые обладают общим признаком – определенной доминирующей системой мировоззрения, качеств, интересов, ценностей своего племени, этноса, класса, прослойки, группы. Подобным номинациям в лингвистике посвящены многочисленные исследования, в том числе агентивным наименованиям в русском языке, рассмотренным с точки зрения этимологии, словообразования, семантики, группировки и т.д. и т.п.

История любой исторической и социальной общности людей свидетельствует, что в каждой расовой, национальной, социальной или конфессиональной среде возникают идеи и

появляются люди, которые не вписываются в понятие доминирующего мировоззрения, принятой нормы ценностей, общих правил поведения, установленной роли личности в данном объединении людей или в государстве. В самой среде с доминирующими интересами и ценностями появляются люди, живущие иной жизнью, придерживающихся других взглядов. Такие индивидуальности могут сами вычлениваться из своей среды. Очень часто человека с аномальными проявлениями общество отторгает, вытесняет на периферию существующей системы этнической, теистической и социально-демографической группы. В современную эпоху, когда дифференциация общества по разнообразным критериям достигла почти своего апогея, идет расширение сферы и пространства агентивных наименований, а также следует дальнейшая детализация и усложнение способов номинации лиц с аномальными проявлениями. Под воздействием социальных факторов и электронных СМИ происходит мощная перестройка языковой картины мира и отчасти мировоззрения, ценностной ориентации, что обуславливает изменение прежде всего структуры номинативного пространства аномальных реалий, особенно в сфере наименований человека.

В истории русской лексики номинации лиц с аномальными проявлениями отмечены такими агентивными наименованиями, как антисоветчик, бич, бездомный, беспредельщик, бомбометатель, бомбист, бомж, босяк, бродяга, вероотступник, вор, горбун, диссидент, золоторотец, изгой, инакомыслящий, инвалид, калека, квазимодо, кержак, лохмотник, люмпен, марёха, нищий, оборванец, отморозок, отверженный, отверженец, отступник, отшельник, отщепенец, пария, раскольник, слепец, старовер, староверец, старообрядец, странник, схизматик, террорист, убогий, урод, хулиган, и т.п. Если понимать под родовым термином тематическая группа выделенную на основе экстралингвистического признака любую совокупность слов одного и того же лексико-грамматического разряда, которая имеет один или несколько общих тематических признаков и различается другими признаками (6, с. 4; 7, с. 210), то общей семьей данного тематического класса номинаций является сема «человек с аномальными проявлениями в чем-либо или где-либо». Тематический класс агентивных аномализмов по дифференциальному признаку «сфера проявления аномалии» выделяются слова, обозначающие лиц с аномальными проявлениями в социальной, теистической, психологической, физиологической и т.п. сфере. Наиболее значительными по составу являются агентивные аномализмы важнейших ипостасей человека как биологического, социального, мировоззренческо-интеллектуального феномена. Так, тематическая группа агентивных аномализмов со значением «человек вне социальной среды» представлена словами типа бич, бездомный, бомж, босяк, бродяга, изгой, лохмотник, люмпен, марёха, нищий, оборванец, отморозок, пария, убогий, хулиган и т.п. Значительную тематическую группу составляют слова со значением «человек вне теистической среды»: кержак, отступник, отщепенец, раскольник, схизматик, старовер, староверец, старообрядец, странник,

Каждая лексическая единица той или иной тематической группы аномализмов имеет свою историю появления в русском языке: одни из них являются исконно русскими, другие (незначительная часть) – заимствованными словами; разнообразна их семантическая, словообразовательная структура и стилистическая окраска.

Рассмотрим отдельные номинации в русском языке, характеризующие человека по отклонению от нормы по внешним признакам в биологической природе человека. Биологической нормой является наличие всех органов и частей человека в определенном диапазоне, составляющим качество физических величин. Номинации в этой сфере подразделяются на 2 тематические подгруппы слов: 1) названия человека по отсутствию какой-либо физической части тела, 2) названия, нарушающие представления людей о норме физических величин, внешних признаков человека. Гиперонимом всех названий человека, имеющего аномалии в биологической природе, выступает лексема калека в значении «человек, лишившийся какой-нибудь части тела или способности владеть ею; увечный» (5, т. 5, с. 704). Однако данное слово может выступать в переносном значении, если речь идет о человеке с поврежденной психикой, изуродованном в нравственном или социальном

отношении: Я сделался нравственным калекой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я её отрезал и бросил, – тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого, и этого никто не заметил, потому что никто не знал о существовании погибшей её половины; но вы теперь во мне разбудили воспоминание о ней, и я вам прочёл её эпитафию. (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени)

Отсутствие какой-либо части или органа человека обуславливает появление слов типа глухой, слепой, слепец, безрукий, безногий, беспальный и т.п.: Слепые — народ сложный, тяжелый. Родион не похож был на слепца. Простой, открытый, легкий, он совмещал в себе все: строгость и нежность, горячую веру и отсутствие показной набожности, серьезность и беззаботность. (И. А. Бунин. Лирник Родион); Двинулись за ними и калеки — безногие, ползающие на задах и четвереньках и лежащие на вечном одре, в тележках. (И. А. Бунин. Я все молчу).

Биологические аномалии при характеристике человека зависят от нормы физических качеств и свойств человека. Эта норма в языковой картине мира определяется сложившимися представлениями о гармонии тела человека и его частей. Отклонения от этих норм воспринимается членами данного коллектива как аномальное явление. Аномальные проявления в физическом строении человека в данной тематической группе обозначаются словами типа урод, уродец, хромой, хромец, горбун, горбач, квазимодо, калека, инвалид, колченогий, великан, коротыш и т.п. Языковая картина мира русского языка свидетельствует, что использование подобных лексем не ограничивается их употреблением в прямом значении. Не вызывает сомнения то, что отдельные лексемы данной группы слов вполне могут обозначать не только физические качества человека: они могут использоваться и для обозначения нравственных, интеллектуальных, социальных и т.п. свойств и признаков человека, если используются в переносном смысле, но центральная сема аномалии сохраняется, приобретая мировоззренческий, социальный и т.п. характер: Степная дикость прошлых эпох не могла не проявиться в разных мелочах: как-то иначе сидел парнишка за партой, либо тихо, либо громко, но – иначе, и непохожесть заставляла – как рыжего, как уroda – подтягиваться под среднюю норму поведения, но опять же по-скифски, не так, как принято в Гороховее и везде, а нагнетанием в себе страсти, желания делать что-то так, чтоб никто не мог повторить или превзойти. (Анатолий Азольский. Лопушок); Пушкина же приличествует изучать вне времени, сопоставляя его – если сопоставления, вообще, нужны – с такими же великанами поэтического творчества, а не с поэтами "его" школы и "его" стиля " (П. М. Бицилли. Избранные труды по филологии. (С.Г. Бочаров. Из истории понимания Пушкина); Ты простой советский калека, и дай тебе Бог с Любой управиться, не пасть в бою. (Виктор Астафьев. Обертон) [3].

Библиографический список

1. Античные теории языка и стиля (антология текстов) / Под общей ред. О.М.Фрейденаберг. - Ленинград, ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ, 1936. – 342 с.
2. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] / URL: <http://search.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.04.2015).
4. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М.: Флинта, 2012. – 320 с.
5. Словарь современного русского литературного языка / АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1965. – Т. 1-17.
6. Хашимов Р.И. К вопросу о формировании русской возрастной лексики (историческое формирование и современное функционирование возрастных наименований несовершеннолетних детей: автореф. канд. филол. наук. – М.: Изд-во Московского университета им. М.В.Ломоносова, 1973. – 21 с.
7. Хашимов Р.И. Семантическое поле слов и его элементы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. № 4-2 (46). С. 209-213.

СЕКЦИЯ 9.

Языки народов Российской Федерации

Баязитова Ф.С.

Институт языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан

ТЕРМИНЫ ПОМИНАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ И ОБРЯДОВОЙ ПИЩИ В ГОВОРАХ КРЕЩЕННЫХ ТАТАР (ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация

У крещеных татар в погребальных и поминальных обрядах сохранились необычайно древние элементы и соответствующая им своеобразная терминология.

Abstract

The Krayashen Tatar have managed to preserve very ancient elements of burial and funeral rites with the corresponding specific terminology.

Ключевые слова: блюдо для души, моление, райская еда.

Key words: soul food, praying, paradise food

Татары-крещены являются представителями одной из интереснейших этнографических групп татарского народа, которые, будучи несколько изолированными с XVI века от основной массы татар в религиозном отношении, в значительной степени сохранили древние черты как в языке, так и в материальной и духовной культуре. Часто их называют крещеными татарами, что отражает историю образования этой этнографической группы, возникшей в результате христианизации части татарского населения.

Говоры крещеных татар дают ценный материал для дальнейшей разработки отдельных вопросов исторической диалектологии татарского и других тюркских языков, а также для изучения истории формирования татарского литературного языка и его диалектов [1]. Крещеные татары, как видно из этого названия, исповедуют христианскую религию и составляют специфическую конфессиональную общность. Специфика культуры крещеных татар объясняется, в основном, сочетанием тюркских (архаических), финно-угорских и русско-православных черт, выступавших в синтезированном виде. В связи с этим выявляется особый пласт словарного состава языка – культурная терминология преимущественно диалектного характера.

Учитывая то, что «диалект – это явление не чисто языковое, а этноязыковое и этнокультурное» [10], во время экспедиционных выездов нам удалось собрать богатый этнолингвистический материал, относящийся к традиционным и религиозным обрядам крещеных татар. Языковые особенности изучались в тесной связи с духовной и материальной культурой их носителей. При этом была отведена особая роль обрядовой терминологии, так как она одновременно принадлежит к языку и культуре и поэтому заслуживает системного изучения с позиции комплексного этнолингвистического подхода.

У крещеных татар в погребальных и поминальных обрядах сохранились необычайно древние элементы и соответствующая им своеобразная терминология. Составной частью похоронных обычаев и обрядов являются так называемые поминальные обеды. Особенно интересным и своеобразным является поминальная обрядовая пища и их названия.

Әлбә – 'пресная лепешка', затертая на молоке, масле, яйцах или на меду и испеченная на сковороде. Этой лепешкой поминают покойника, еще не похороненного, и остаток ее кладут под левую мышку умершего.

Өчәсен, тугызын, кыркысын үткәру 'проведение третьего, девятого, сорокового дня поминок'. Слово *кырык* 'сорок' в древности у тюркских народностей заключало в себе,

видимо, священную, магическую силу. В.А. Гордлевский [3] пишет по этому поводу: «В жизни – в религиозной жизни древних тюрков слово *кырк* могло играть большую роль (может быть, множественность жертв или каких-нибудь приемов во время жертвоприношения). Утратив религиозный оттенок, слово *кырк* стало употребляться вообще для обозначения множественности».

Олы аш итү, аш биру 'проведение годовщины, букв. проведение главного угощения'. – *Олы аш итэләр бер жылы тулгачын. Кан чыгарып тәберсен итэләр. Калган сөякләрне чиләккә тутырып зиратка илтэләр* (Ст. Азмеево). 'Когда исполняется один год, проводят главное угощение. Пускают кровь, молятся. Оставшиеся кости несут на кладбище'.

Гердә – маленькая круглая булочка, испеченная к сороковому дню поминок: *Кыркына кырык гердә әвәлиләр* 'К сороковому дню готовят сорок булочек'. В диалектологическом словаре татарского языка слово *гердә* зафиксировано в нагорных говорах, в лаишевском говоре заказанской группы говоров ('маленький круглый, хлебец'). Оно есть и в других тюркских языках. Например, в уйгурском языке: *гирдә* 'маленькая круглая булочка', *гош гирдә* 'пирог с мясом', в караимском: *гирдә* 'маленький слоеный пирожок'.

Праспара – маленькие хлебцы, выпекаемые для церковных религиозных обрядов, для поминок. Восходит к слову *просфора* > греч. букв. приношение. В первые века существования христианства так назывались приношения христиан в общину, часть которых использовалась для причащения. Позже просфорой в православных церквях стали называться небольшие круглые булочки, выпекаемые из пшеничного теста, употребляемые для причащения. В настоящее время приготовлено *праспары* наблюдается в крещено-татарских деревнях в связи с возобновлением христианских обрядов, особенно в местах, где имеются церкви и священнослужители. *Табикмәк / тәйекмәк* 'тонкий хлебец из кислого теста, выпеченный на сковороде', букв. *таба* 'сковорода', *икмәк* 'хлеб'. *Табикмәк* является обязательным блюдом для похоронно-поминальных обрядов. Как рассказывают жители д. Савалеево Заинского района, куски этого хлебца заворачивают в белую бязь и завязывают белой суровой ниткой. Потом, когда все выходят на улицу, чтобы проводить покойника на кладбище, этот узелок давали первому, встречающему на улице [1].

Табак жасау – букв. делать блюдо (во время поминок). Этому обычаю особенно большое внимание уделялось в группе кряшен-нагайбаков (Челябинская обл.), до настоящего времени сохранивших очень интересные детали. На поминки каждый приглашенный человек приходил со своим блюдом (*табак*), куда клали *табикмәк* (тонкий хлебец из кислого теста), или *кузикмәк* (тонкий хлебец из пресного теста, а также другие кушанья: чай, конфеты, пряники и т.п. Одну опытную пожилую женщину назначили собирать из этих кушаний три блюда для общего поминания. Женщина (*табак жасаучы* букв. 'делающая блюдо') из каждой принесенной посуды взяв отдельные предметы, клала их в три блюда, которые назывались:

Жан табагы 'блюдо для души поминаемого человека';

Уша табагы – *уша* 'доска', прикрепленная к печи. Туда отдельно ставили блюдо, которое назначалось для детей-сирот (*житем – жылпегә*). Во время поминок эти блюда обычно оставляли нетронутыми;

Картлар табагы блюдо для стариков. Из этого блюда каждая участница поминок брала себе кусок хлеба или что-нибудь другое и говорила про себя молитву *тәберсен*.

Женщине, которая собирала блюдо, дарили платок или полотенце (*жаулык жабалар, жә бистәр бирәләр*), а остаток пищи после поминок относили на крышу или ставили на столб [2].

Тәберсен (итү), тийәберсен (итү) – моление около угощения в день поминок или вообще около кушаний. *Тәберсенгә бару* 'идти на поминки' (в говоре нагайбаков): *тәберсенгә барганда ипей аппаратабыз, жаулык аппаратабыз, табақ жасыйбыз*. 'Когда идем на поминки, несем с собой хлеб, платок, собираем блюдо'.

Гүр тәберсене поминки над могилой', букв. 'могильные поминки'. – *Кабер сайын тәберсе итеп жәрибез зиратта, гүр тәберсене була*. 'Над каждой могилой читаем

молитвы на кладбище, это называется могильные поминки’.

Слово *тәберсен* в татарском языке употребляется только в крященских говорах. Слово *тәберсен*, видимо, вначале обозначало языческое моление около угощения, еды, т.е. отблагодарить за еду и просить всевышнего еще дать. Так как это слово произносилось во время поминок, древние люди считали, видимо, что удовлетворение души покойного играет в этом немалую роль. Однако здесь, нам кажется, уместно привести для сравнения сведения из текстов В. Радлова [8], что урянхайцы и абаканские тюрки во время жертвоприношений к небу поднимали обе руки вверх, к небу и громко произносили слово *тэрь* (небо). Так как *тэрь* и *тәңәри*, *тәңри* идентичны, у древних тюрков, возможно, было такое обращение, мольба: *тәңри бирсен, тәберсен* ‘пусть дает всевышний, бог’. Как пишут историки и этнографы, в хазарском каганате (VI–X вв.), в состав которого входили также болгарские и суварские племена, особым почетом пользовался бог неба и света *Тенгри хан* [6]. Ср. также др.-тюрк. *tänri* ‘бог, небо’, *tanrikan* ‘божественный’ [4], крещ.тат. *тәре* ‘икона, образок, крест, распятие’ (изображение христианского бога) из слова *тәңре* ‘небо – бог’ (языческий), чув. *туря – торя* ‘божество (языческое), икона, образ, бог (христианский)’ [4]. Историко-этнографические источники свидетельствуют, что у крещеных татар, несмотря на проповедческую деятельность христианских миссионеров, устойчивой сохранилась древняя религия – культ *Тәңре (Тенгри)*.

При жертвоприношениях богу *Тенгри* необходимо было строго соблюдать, чтобы жертвенные животные были определенной масти. Приведенные материалы свидетельствуют, что сохранившиеся до наших дней в говрах крещеных татар слово *тәберсен (итү)* относится к древнейшим пластам лексики и является отражением древних мировоззрений и этногенетических связей тюркских народов.

Жанын чакыру ‘позвать душу (покойного)’ и *жанын озату* ‘проводы души’. По рассказам информаторов (Савалеево, Верх. Ющады, Крещ. Шуран и др.), у крящен раньше в день поминок ездили на кладбище, чтоб позвать душу покойного. Считали, что в сороковые дни и годовщину в поминках должна участвовать и душа поминаемого человека. Около стола для него ставили специальный стул, а на столе – блюдец с угощениями, которое называется *жан табагы*. В это блюдо обязательно должны были положить круглую булочку – *гердә*. Через некоторое время все участвующие в поминках встают из-за стола, говорят *багыт житте озатырга* ‘настало время проводить’ и выходят во двор. Туда же выносят стул, на него кладут подушку, а на подушку то блюдо и стакан воды, которые были предназначены для души покойного. Все по очереди пробуют хлеб (*гердә*), произнося про себя молитву *очтомаг ашлары бусын, туклыкта жәрсән* ‘пусть это будет райская еда, пусть ходит сытым’ и другие слова. Это называется *тәберсен итү*.

Потом еду ставят куда-нибудь на столб, выходят на улицу и доходят до угла следующего дома. Обязательным считается смотрение в это время в сторону восхода солнца.

Түгем, түгем-чәчем, түгү ‘ежегодные общие поминки умерших предков и сородичей, совершаемые перед пасхой и накануне семика, в покров день и т.д.’ (от слова *түгү* букв. ‘выливать’, *чәчү* ‘рассыпать’). В этот день всей деревней ходили на кладбище и на могилах оставляли различные кушанья. – *Түгем-чәчем көне диләр инде, зиратка бара торган көн. Питырау, казанкида, покырауда кан чыгара торган көн. Этәс суйабыз, коймаклар пешерәбез, каберләр өстенә куйабыз* (Кр. Шуран). ‘Говорят день поминок. В этот день идут на кладбище. В петров день, в казанский и в покров день нужно выпускать кровь. Режем петуха, печем олады, оставляем на могилах’.

Все эти традиционные поминальные трапезы и раздача угощения в память усопших восходят к древнему обычаю кормления душ умерших, связанному с культом мертвых и культом предков. Отсюда идет появление большого количества языческих молений и соответствующей терминологии: *тәберсен, гүр тәберсене, табак жасау, жан табагы, уша табагы, олы аш* и другие.

Библиографический список

1. Баязитова Ф.С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении.–М.: Наука, 1986.–248с.

2. Баязитова Ф.С. Термины погребальных и поминальных обрядов (В контексте религиозно-фольклорных и диалектных текстов). – Казань, 2015. – 710 с.
3. Гордлевский В.А. Числительное 50 в турецком языке // Изв. отделение литературы и языка АНССР. – 1945. – Т. IV. – Вып. 3–4.
4. Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура. – Казань, 1990.
5. Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – 676 с.
6. Магомедов М.Г. Образование хазарского каганата. – М., 1983. – 264 с.
7. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. – М.; Л. – 1951. – 452 с.
8. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. – СПб., 1907. – ч.д.
9. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге. – Казан, 2009. – 839 б.
10. Толстой Н.И. Язык и народная культура // Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 509 с.

УДК 811. 512. 145. 367

Валиева Л.Г.

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УСТУПИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Аннотация

Данная статья посвящена изучению уступительных конструкций в тюркских языках. Исследуются смысловые разновидности и способы выражения уступительных отношений.

Abstract

This article explores concessive structures in Turkic languages. The article studies the semantic differences and the ways of expression of concessive relations.

Ключевые слова: уступительные отношения, обратная обусловленность, тюркские языки.

Key words: concessive relations, reverse conditionality, Turkic languages.

Уступительная семантика состоит из события, которое, по мнению говорящего, должно было бы препятствовать совершению другого процесса, и события, которое осуществилось вопреки названному препятствию. Таким образом, уступительность характеризуется модальностью, поскольку передается и позиция субъекта речи.

В уступительных конструкциях содержатся, сосуществуют несовместимые явления. Например: карач.-балк. *Къар джауса да, суукъ туююлдю*. 'Хотя и выпал снег, но не холодно' [2, с. 206].

Препятствий к осуществлению действия может быть несколько: тат. *Куырса да битне язмыш жиле, / Таласа да жанны комсызлар, / Түшем белән шуып үргә мендем, / Яктырттылар юлны йолдызлар* (М.Хәсәен). 'Хотя и обжигали мое лицо ветра судьбы, хотя и терзали мою душу алчные люди, я все двигался вперед, мой путь освещали звезды'.

Уступительные отношения можно разделить на реально-уступительные (например, тат. *Олтанлы булса да киез итекларебез дә бар барын* (Р.Хафизова). 'Хотя и подшитые, у нас есть валенки') и предположительно-уступительные (например, тат. *Эндәшсәң дә жавап бирмәс* (Ф.Шәфигуллин). 'Даже если обратишься к нему, не ответит'). В реально-уступительных конструкциях отвергнутое препятствующее явление представляется как реальный факт действительности, а в предположительно-уступительных предложениях – как мыслимое, нереализованное. По мнению говорящего, ситуация 1 скорее всего не произойдет, а в том случае, если и произойдет, то ее действие будет ослаблено ситуацией 2: *Ул бу хакта айтмәс, айтса дә* (1), *берни эшләмәс* (2). 'Он об этом не скажет, даже если и скажет, то ничего не сделает'.

В качестве средств связи в уступительных конструкциях в тюркских языках

преобладающей является форма *-са да*. Например: карач.-балк. *Марьям кьарт болса да, ойнагъаны-кюлгени кьалмагъанды*. 'Хотя Марьям и состарилась, но смех ее и игра не прекратились' [2, с. 206]; кум. *Не чагъы башынгъы гоьтерип кьарасангъ да, йол оьрге бара эди*. 'Сколько бы ты ни смотрел, поднявши голову, дорога (все время) шла вверх' [7, с. 200].

В узбекском языке эту же семантику передает форма *-са ҳам*: *Бошингга қилич келса ҳам, тўғри сўзингни айт*. 'Хотя бы к твоей голове приставили меч, а все равно говори правду' [8, с. 416].

В тюркских языках уступительность также репрезентируются при помощи формы направительного падежа в сочетании с послелогом *карамастан*, *карамый*. Например: башк. *Һуғыш осоронда урын, уқытыусылар етешмәуе менән бәйләнгән зур қыйынлықтарға қарамастан, қала мәктәптәре нормаль эшләне*. 'Несмотря на большие трудности, испытываемые из-за недостатка в учителях и помещении, городские школы в годы войны работали нормально' [6, с. 419].

Как видим, в уступительных конструкциях с *карамастан* выражается категорическое несоответствие между событиями. Придаточная часть не может находиться в постпозиции и завершить сложное предложение, как правило, занимает препозицию. В редких случаях встречается интерпозиция придаточного. Например: тат. *Эт тә, өйдә кешеләр күп булуга карамастан, туп-туры Ибраһимов янына килгән* (М.Насыйбуллин). 'Собака, несмотря на то, что в доме было много народа, подошла прямо к Ибрагимову'.

В карачаево-балкарском языке, в отличие от татарского и ряда других тюркских языков, значение уступительности может выражаться и без послелогов *карамастан*, *карамый*, лишь с помощью формы направительного падежа причастия прошедшего времени с аффиксом *-лыкъ* (как в сложном, так и в простом предложении): *Арыкъ ат кьамчи бла ургъанлыкъгъа джортмаз*. 'Худая лошадь, хоть бей плетью, не бежит'; *Джашы атасындан ёбелегенликге аны айтханын иги толтурады*. 'Хотя сын и обижается на отца, но выполняет его волю полностью'; *Джигит шок атылгъанлыкъгъа, кёз кьысмаз*. 'Джигит не закрывает глаза из-за того, что винтовка выстрелит'; *Устала ёлгенликге, усталыкъла кьаладыла*. 'Хотя мастера и умирают, мастерство их остается' [2, с. 204, 206].

Уступительная семантика выражается с помощью формы побудительного наклонения. Например: башк. *Дошман қайһы яқтан ғына килеп сықмаһын, уны ике-өс сақрымдан уқ күреп була*. 'Откуда бы ни появлялся враг – его можно увидеть с расстояния двух-трех километров' [6, с. 467].

Когда в уступительной конструкции используется слово *барыбер* 'все равно', подчеркивается значение неизбежности осуществления тех или иных событий, процессов, явлений: тат. *Ничә очып, ничә мәтәлсә дә, / кеше барыбер сайлыи кош юлын* (С.Сөләйманова). 'Но сколько бы ни падал, человек все равно выбирает птичий путь'.

Уступительные отношения могут быть выражены с помощью присоединительных конструкций. Например: тат. *Ә мин барыбер бәхетле! Икебез ике телдә сөйләшсәк тә. Бер дә сөйләшмәсәк тә* (Ф.Бэйрәмова). 'А я все равно счастлива. Даже если мы говорим на разных языках. Даже если мы вообще не разговариваем'.

Отрицательная форма глагола, выраженная аффиксом *-ма/-мә*, может передавать уступительную семантику: *Ни генә димә, авыл үзенең сафлығы, өметләре белән матур* (Г.Ахунов). 'Что ни говори, деревня прекрасна своей чистотой, надеждами'. Глагол в отрицательной форме, употребляясь с глаголом в утвердительной форме, также выражает уступительность: *Күчмә кошлар күккә шигырь яза, / Яза алар – / Укы-укыма!..* (Х.Әюп). 'Перелетные птицы пикут на небе стихи, несмотря на то, будешь ты их читать или нет'.

Как известно, в тюркских языках причастие на *-ган* в форме местно-временного падежа обычно выражает временные отношения, иногда передает условную семантику с оттенком временного значения. Эта же форма с частицей *да/дә* репрезентирует уступительность: башк. *Зур байрамда бер генә күңелһез кеше булганда ла, унда шатлық тулы булмаясақ*. 'Когда на большом празднике будет присутствовать даже лишь один единственный грустный человек, то радость всех не может быть полной' [6, с. 467].

Мнения лингвистов относительно конструкций с уступительной семантикой неоднозначны. Одни исследователи (М.В. Ляпон, Е.В. Падучева, Е.В. Урысон) считают уступительные отношения противоположностью причинных; отмечают, что в основе структуры уступительности заключается причинно-следственная зависимость; рассматривают семантику уступительности как комбинацию каузальности и отрицания. Например, по мнению Р.М. Теремовой, уступительная конструкция состоит из уступительного компонента (событие-уступка, недействительное основание), ожидаемого на основании уступительного компонента следствия, превосходящей причины, следственного компонента (фактическое следствие). Такое утверждение соответствует действительности. Рассмотрим пример:

тат. *Инде жэй житсә да, көннәр салкын тора.* 'Хотя уже лето, стоят холодные дни'.

Инде жэй житкәнгә, көннәр жылы тора. 'Так как уже лето, стоят теплые дни' (Как известно, летом обычно дни бывают теплыми).

Әле жэй житмәгәнгә, көннәр салкын тора. 'Так как еще не лето, стоят холодные дни' (Когда еще не лето, как правило, стоят холодные дни).

И, несмотря на все вышесказанное:

Инде жэй житсә да, көннәр салкын тора. 'Хотя уже лето, стоят холодные дни'.

В трудах других лингвистов (В.С. Храковского) уступительные отношения сближаются с условными; условные и уступительные предложения противопоставляются (исследования А.Г. Азизовой). Как отмечает А.Г. Азизова, и уступительные, и условные предложения указывают на условия. Главное их отличие заключается в том, что «уступительные предложения обычно указывают на реально существующие условия, тогда как условные предложения – по преимуществу на предполагаемые условия» [1, с. 11].

В уступительных конструкциях репрезентируется отсутствие ожидаемого следствия, несмотря на наличие соответствующих условий. Таким образом, уступительные отношения выступают как связи обратной обусловленности. Рассмотрим это на конкретном примере:

тат. *Бик салкын булса да, урамда йөрүчеләр күп.* 'Несмотря на то, что очень холодно, на улице много народа'.

Бик салкын булганга, урамда йөрүчеләр юк. 'Так как очень холодно, на улице никого нет' (Когда бывает очень холодно, обычно на улице мало народа либо вообще улицы пустеют).

Жылы булганга, урамда йөрүчеләр күп. 'Так как тепло, на улице много народа' (Когда тепло, на улице бывает много народа).

Но, несмотря на вышесказанное:

Бик салкын булса да, урамда йөрүчеләр күп. 'Несмотря на то, что очень холодно, на улице много народа'.

В этом случае наблюдаем обратную обусловленность, то есть явление, закономерно стимулирующее другое, не препятствует осуществлению третьего явления. В рассмотренном примере холодная погода, как правило, стимулирующая опустение улицы, не привела к такому ожидаемому следствию и не явилась препятствием для явления 'на улице много народа'.

Некоторые исследователи (Н.П. Перфильева) как особый вид синтаксических структур рассматривают уступительно-противительные конструкции. Уступительные отношения основаны на противопоставлении событий, и этим они близки к противительным отношениям. «Однако в сложноподчиненном предложении, в отличие от сложносочиненных с противительными союзами, противопоставляются факты, логически связанные между собой как причина и следствие» [4, с. 91].

Иногда в тюркских языках параллельно с формой *-са да* употребляются и противительные союзы, которые усиливают значение несоответствия частей уступительной конструкции, подчеркивают противоречие между явлениями. Противительные союзы в подобных конструкциях являются факультативными, и их опущение не сказывается на основной семантике предложения. Следует отметить, что некоторые исследователи считали

нормой употребление противительных союзов в уступительных конструкциях (например, труды Ф.И. Буслаева, Н.И. Греча).

Сочетание противительного союза и уступительной формы выражает резкое противопоставление явлений. Например: башк. *Гәрсә қулы зәғиф булһа ла, бындай зур һуғыштарзан йәне қайтыу уның өсөн бик зур бәхет күренә ине.* 'Хотя его рука искалечена, он считает большим счастьем для себя свое возвращение с тяжелых войн' [6, с. 467]; тат. *Мәгәр машинага утырып йөрү теләге эчләребездән йөзләребезгә чыгып, дөрләп-ялкынланып торса да, безне күрмәмешкә салыша* (Ф.Шәфигуллин). 'Несмотря на то, что наше желание прокатиться на машине видно по нашим лицам, делает вид, что не замечает нас'; узб. *Гарчи унинг бу хатосини халқ кечирган бўлса ҳам, у ўз-ўзини асло кечирмас эди.* 'Хотя народ и простил ему эту ошибку, он сам себе никогда ничего не прощал' [8, с. 416].

В азербайджанском языке союзу *гәрчә* соответствует союз *һәрчәнд*, который связывает придаточное предложение с главным: *Һәрчәнд зәһмәт сәнә дүшүр, кәрәк бағышлајасан.* 'Хотя нагрузка падает на тебя, однако ты должен извинить' [5, с. 401]. Как видим, данный союз употребляется самостоятельно, без формы *-са да*.

Таким образом, уступительные конструкции в тюркских языках обладают смысловыми разновидностями в зависимости от средств выражения. Проведенный анализ языкового материала позволяет утверждать, что уступительные отношения сложились под взаимодействием причинно-следственных и условно-следственных отношений.

Библиографический список

1. Азизова А.Г. Условный период в современном узбекском литературном языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Л., 1952. – 14 с.
2. Алиев У.Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. – М.: Наука, 1972. – 351 с.
3. Валиева Л.Г. Кондициональные и уступительные отношения в тюркских языках // Вестник ВГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 2. – С. 100-104.
4. Гайдаржи Г.А. Гагаузский синтаксис. Придаточные предложения союзного подчинения. – Кишинев: Штиинца, 1981. – 133 с.
5. Грамматика азербайджанского языка (Фонетика, морфология и синтаксис) / Под общ. ред. М.Ш. Ширалиева и Э.В. Севортыяна. – Баку: Изд-во «ЭЛМ», 1971. – 413 с.
6. Грамматика современного башкирского литературного языка / Отв. ред. А.А. Юлдашев. – М.: Наука, 1981. – 495 с.
7. Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 205 с.
8. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 446 с.

УДК 811.512'373

Хазиева-Демирбаш Г.С.

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ

ТАТАРСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Аннотация

В данной статье рассматриваются и анализируются основные лексикографические источники по татарской антропонимике. Анализ татарских личных имен, зафиксированных в различных типах словарей, создававшихся на протяжении нескольких столетий, важен не только для изучения исторической ономастики, но и для более точной характеристики функционирования того или иного личного имени в реестре имен.

Abstract

This article describes and analyzes the main lexicographic sources of Tatar anthroponimics. The analysis of Tatar personal names recorded in different types of dictionaries which were created

during several centuries, is important not only for the study of historical onomastics, but also for more precise characteristics of the functioning of a personal name in the register of names.

Ключевые слова: татарская антропонимика, татарские личные имена, лексикографические источники.

Key words: Tatar anthroponimics, Tatar personal names, lexicographical sources.

Антропонимическая лексика, как часть словарного состава языка, отражает все явления, происходящие в окружающей среде человека, события, имеющие место в общественной жизни народа. При изучении особенностей функционирования и развития антропонимов, наряду с другими (писцовыми книгами, шеджере, буллы, ревизские сказки, списки, метрические книги и др.) источниками, антропонимические словари представляют наиболее важную ценность. В связи с этим анализ татарских личных имен, зафиксированных в различных типах словарей, создававшихся на протяжении нескольких столетий, важен не только для изучения исторической ономастики, но и для более точной характеристики функционирования того или иного личного имени в реестре имен. В этом заключается необходимость анализа лексикографических источников татарской антропонимики.

Начало составления словарей личных имен татар восходит к середине XIX века. К ним относятся словари личных имен «Исме Аллаһе Тәгалә эл-Хәсәни» [1848] и «Авраде Фәтхия» [1865], составленные деятелями духовенства, которые пропагандируют мусульманские личные имен. В них говорится о необходимости наречения детей мусульманскими именами по религиозным канонам ислама. Так же дается значение 99 имен Аллаха и имен пророка Мухаммада. По такому же принципу были написаны и изданы словари Ш.Т. Хамидуллина «Исемнәрнең бәгъзеләрене дәрәс яз» [1899], Ахуна Бендукова «Исем. Балаларга күркәм исем бирергә киңәш һәм укучы сабылларга һәдия кылырга муафыйкъ китап» [1899], словарь «Унбер Әхмәт исемнәре», изданный братьями Каримовыми [1914]. Так 13 марта 1894 г. Оренбургским Духовным Собранием издается специальный циркуляр личных имен, и для реализации он направляется имамам. В данном циркуляре даются специальные указания, какими именами следует называть новорожденных.

Во второй половине XIX-начале XX в. особое внимание уделялось изучению тюркских личных имен, в состав которых входили и татарские имена. Так в словарях Н.Ф. Катанова «Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся в 1-м томе «Образцов народной литературы тюркских племен» В.В. Радлова» [1888], В.К. Магницкого «Чувашские языческие имена» [1904] рассматриваются личные имена татар. В словаре В.К. Магницкого «Чувашские языческие имена», составленного на основе 1-й ревизии населения, зафиксированы имена древнетюркского (Айбекей, Айдуган, Аксубай, Акташ и др.), арабо-персидского (Шайморза, Мухаммет, Аллабирде) и др.) происхождения. В «Русско-татарском» словаре А.Воскресенского [1894] дается перечень личных имен татар-крещен. В данном словаре приводятся татарские варианты русских имен, распространенных у крещенных татар: Александра – Сандый, Саный, Ася, Андра; Василиса – Бячелича, Илья – Илжа и др. Как известно, христианизация народов Поволжья шла несколькими путями, одной из которых было наречение русскими именами татар и представителей других народов. При освоении русских имен произошло приспособление их к татарскому произношению, т.е. русские имена подчинились фонетико-грамматической структуре татарского языка. Ибый - Иван, Учый – Осип, Урый – Ирина, Инук - Иннокентий, Микүш - Михаил, Митуш - Дмитрий и др. имена. Эти особенности зафиксированы в указанном словаре.

В татарском языкознании к 60 гг. XX века прослеживается заметное оживление в области антропонимических исследований и ономастика на стыке нескольких дисциплин приобретает новую значимость. Татарская ономастическая наука развивается в нескольких направлениях, в том числе в разработках лексикографических источников по татарской антропонимике. Лексикографические источники татарской антропонимики следует разделить на толковые и орфографические. К примеру, в создании толкового словаря

личных имен внес огромный вклад видный татарский ономотолог Г.Ф. Саттаров. В частности, в 1989 году им издается словарь “Татарских личных имен” (“Татар исемнәре сүзлеге”). Словарь охватывает 10 тысяч личных имен (15 тысяч вариативных имен). В книге этого же автора “Исемен матур, кемнәр куйган?” приводятся 5 тысяч личных имен в их татарско-русском написании. Данная книга адресована для работников ЗАГСа и др. учреждений. Полный словарь татарских личных имен “Татар исемнәре ни сөйли?” охватывает 25 тысяч имен и их вариантов. В предисловии автор указывает этапы функционирования татарских личных имен: 1. Древнетюркская эпоха развития татарских личных имен, основанных на поверьях, обычаях (I-X века); 2. Второй этап развития татарских личных имен, основанных по законам исламской религии и шариата (X-XX вв.); 3. Третий этап развития татарских личных имен, относящихся к после Октябрьской революции и функционирующих по сей день (начало XX в.) [1, с. 12]. В данном словаре женские и мужские личные имена рассмотрены отдельно. Автор объясняет этимологию имени, относит происхождение имени к какому-либо языку-источнику, затем приводит антропонимические варианты, диалектальные варианты данного имени. Составные имена делит на имяобразующие антропокомпоненты и антропоформанты. Словарь «Исемен матур, кемнәр куйган?» (2006) является дополненным, переработанным вариантом полного словаря личных имен «Татар исемнәре ни сөйли?”. Данный словарь был пересмотрен имам-хатибами Ш.Абубакировым, М.Шарафутдиновым. Принцип построения словаря не отличается от словаря «Татар исемнәре ни сөйли?”. Некоторые имена, встречающиеся в словаре «Татар исемнәре ни сөйли?”, по определенным соображениям не встречаются в данном словаре. В предисловии дается классификация имен по исламскому принципу: халяльные имена (имена, которыми необходимо нарекать); имена-макрух (подозрительные имена с точки зрения ислама), имена-харам (запрещенные имена) [2006].

В условиях двуязычия в 60-х встает необходимость издания различных справочников, словарей транслитерации и транскрипции татарских личных имен на русский язык. Транслитерация татарских личных имен стал объектом изучения пристального внимания не только в научной сфере, но и в сфере обслуживания, быта, в государственных и муниципальных учреждениях. В связи с этим в 1965 г. издается “Справочник личных имен народов СССР”, затем переизданный в 1987 г., в 1989 г. и дополненный “Справочник личных имен народов РСФСР”. Также следует отметить, изданный в 1973 г. по указанию отдела записи гражданского состояния совета Министров Татарской АССР “Справочник татарских личных имен”, под редакцией Г.С. Сабирзянова. Справочник татарских личных имен (русско-татарский) заметно отличается от списка татарских имен “Справочника личных имен народов РСФСР”. В данном Справочнике впервые дается написание отчеств от татарских мужских имен и значительно увеличен количественный состав имен, в том числе за счет включения новых антропонимических данных. Во всех изданных “Татарско-русских словарях” приводятся наиболее часто употребляющиеся имена и их передача на русский язык на основе орфографических норм.

В 2006 г. был издан “Татарско-русский словарь личных имен и фамилий”, целью которого стало “максимальное унифицирование татарских личных имен и фамилий и их передача на русский язык” [2, с. 5]. В нем основной фонд татарских личных имен пересмотрен с точки зрения научного написания и унификации на основе сложившихся традиций и национальных особенностей. Данный словарь наиболее ярко отражает передачу татарских личных имен на русский язык, в условиях развития норм татарской орфографии. Авторы в данном словаре знакомят с основными принципами передачи татарских гласных и согласных букв, буквосочетаний и дифтонгов, которые соответствуют с орфографическими нормами татарского языка.

Лексикографическая работа в татарской антропонимике ведется и в сопоставительном аспекте с другими тюркскими языками. В 2006 г. издается словарь-справочник А.Г. Шайхулова, З.М. Раемгужиной “Башкирские и татарские имена собственные”, основанное и дополненное на материалах “Справочника личных имен народов РСФСР” [1987]. В книге

приведен перечень башкирских и татарских имен собственных в написании как на родном так и на русском языках. Книга представляет особую важность в изучении сопоставительной антропонимики тюркских языков. Так же в сравнительно-сопоставительном аспекте издаются словари турецким ученым А.Еролом “Адларымыз” (“Наши имена”) [1992], Ферхатом Джавади “Тюрк инсан адлары” (“Тюркские личные имена”) [2001], азербайджанским ученым-ономастом Айдын Аби Айдын “Тюрк шехс адлары” (“Тюркские личные имена”) [2007], где предпринимается попытка создания общей антропонимической системы для всех тюркских народов.

Подытоживая следует сказать, антропонимические словари являются важнейшим источником, объектом исследования исторической антропонимики. Сегодня лексикографическая работа по изучению личных имен функционирует по направлениям создания толковых словарей, орфографических словарей и сравнительно-сопоставительных словарей личных имен.

Библиографический список

1. Саттаров Г.Ф. Татар исемнәре сүзлеге / Г.Ф. Саттаров. – Казан: Татарстан китап нәшр., 1989. – 256 б.
2. Татарско-русский словарь личных имен и фамилий / авт.-сост. Г.Ф. Саттаров, Р.Г. Ахметьянов, Ф.А. Ганиев и др. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. – 375 с.

СЕКЦИЯ 10.

Славянские языки

УДК 811.929.2

Карпов Е.А.

Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ

НОВОСЛОВНИЦА КАК ПРОЕКТ ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация

В данной статье рассказывается об одном из проектов общеславянского языка под кодовым названием «новословница», разработка которого была начата год назад. Автор освещает краткую историю возникновения проектов панславянских языков и доносит до читателей основные аспекты новословницы. Читатель знакомится с системой фонетики и грамматики. Автор доказывает жизнеспособность и многофункциональность своего проекта. В конце статьи делается вывод о местах использовании языка и способах развития его использования.

Abstract

This article tells about one of pan-Slavonic language projects codenamed “nowoslownica”, which development was launched a year ago. The author covers a brief history of pan-Slavonic languages’ projects and conveys to the reader the main aspects of nowoslownica. The reader gets acquainted with the system of phonetics and grammar. The author proves the viability and versatility of his project. At the end of the article he makes a conclusion about ways language could be used and how to promote its use.

Ключевые слова: искусственные языки, славянские языки, панславизм

Key words: artificial languages, Slavonic languages, pan-Slavism

Задумывались ли вы когда-нибудь о том, насколько схожи наши языки? Наверняка сейчас каждый подумал о своих соседях: русские – о белорусах и украинцах, болгары – о македонцах, сербы – о хорватах, чехи – о словаках и т.п. Часто, приезжая в соседнюю страну, вы чувствуете, что практически понимаете людей без перевода, не хватает лишь какой-то зацепки, чего-то малого. То же самое вы ощущаете, приехав в славяноговорящую страну из другой славянской группы, только в меньшей степени. Иногда с вами говорят на вашем языке, иногда вы разговариваете на некоей смеси двух языков, вставляя известные обоим слова в свои фразы, иногда, конечно же, устав, переходите на известный обоим язык – например, английский.

Неосознанно чувствуется, что наша группа народов, славяне, связана гораздо сильнее, нежели многие другие и представляет собой культурно-цивилизационный феномен. И становится понятной необходимость такого языка, который бы позволил без проблем общаться с другими славянами, освоив лишь его. Когда вы переходите с собеседником на «суржик», или по-простому – языковую смесь, вы и занимаетесь частным случаем творения данного языка в пределах двух единиц – своего языка, и языка собеседника. Однако вы тотчас справедливо скажете, что данные «суржики» возможны к появлению и использованию между практически любыми языками (они называются пиджинами). Единственное, что их отличает от того же настоящего «суржика» - это резкое упрощение самого языка как в лексике, так и в грамматике. Чем дальше языки отстоят друг от друга, тем сильнее упрощается пиджин между этими языками. Также происходит упрощение, если во взаимодействие между 2 языками добавить третий, четвертый и т.д.

Из этого можно сделать вывод, что чем богаче можно сделать язык, который будет понимать то или иное количество наций, тем ближе эти народы и языки находятся в

ментальном и лингвистическом плане. Например, если сравнить руссенорск и эсперанто, то можно сделать вывод, что норвежский и русский имеют гораздо меньше общего, чем все романские языки вместе взятые между собой.

Так что если мы осознаём, что наши народы представляют не только собственно этническую группу, но и культурную, ментальную, а также языковую, то должен существовать способ создать язык, который был бы достаточно понятным для представителей языковой группы (прост для изучения) и был бы достаточно богатым и развитым (так как славянские языки по нашим рассуждениям суть близкие).

Ещё с конца первого тысячелетия предпринимаются подобные попытки. Одними из наиболее ярких и полных можно назвать Старославянский (Церковнославянский) язык братьев Кирилла и Мефодия, Русски език Юрия Крижанича, Узајемні Правопіс Славјанскі Матия Маяр-Зильского. Мысль создания общеславянского языка не стояла сама по себе, 19 век был полон надежд по укреплению межславянских связей, что олицетворил Первый Всеславянский Съезд в Праге 1848 года. Однако красные революции по всему миру в 20 веке приостановили этот процесс.

Эра информационных технологий, позволяющая оценивать огромные объёмы разносторонней информации, дала новый толчок развитию панславистских проектов. Это различные славянские аналоги эсперанто, проекты, пытавшиеся создать подобный язык на основе фонетического сходства, а также пытающиеся «осовременить» церковнославянский язык.

Сегодня это веяние находится на новой волне, так как в славянах вновь пробуждается дух единства в связи с современной политической обстановкой. Славяне начинают пробуждаться от пропаганды, которая ещё имела тотальное влияние 5 лет назад, поэтому необходим проект общеславянского языка, который бы смог быть взят на вооружение панславистским движением.

В качестве одного из проектов, предлагаемых к подобному использованию, предлагается использовать новословницу. Работа над этим языком была начата год назад, и в данный момент почти завершена. В этой статье хотелось бы осветить основные аспекты этой системы и рассказать о её преимуществах.

Основными принципами проекта являются логика и пуризм. Проект представляет максимально полную и логичную систему для языка, могущего стать живым, предлагает резкое сокращение количества исключений путём переосмысления векторов развития тех или иных явлений в языке. А также предлагает максимально сократить число заимствований из других языковых групп, где это возможно и где это естественно для славянского языка.

Алфавит языка состоит из 53 букв, 50 из которых являются фонемами. Представляем вам таблицы с фонемами новословницы. В неё не включена только историческая буква Ө, которую мы решили оставить в новословнице и буквы, обозначающие двойной звук – Щ [шт], К [кс], Ч [пс].

Таблица 1.1

Звонкий	Б	В	Г	Г'	Д	Ц	Ж	З	С
Глухой	П	Ф	Х	К	Т	Ч	Ш	С	Ц
Сонорный	Ј	Л	М	Н	Р	Р'			

Таблица 1.2

Твердый	А́	Э		Ы	У́	Ъ	О́
Полутвёрдый	А	Е	Ъ	И	У	Ô	О
Мягкий	Я	Є		І/ї	Ю	Ь	Ё
Носовой	А			І	Ж		
Полугласный				Й	Ў		

Как не трудно увидеть, система фонем построена таким образом, чтобы каждому звонкому согласному имела глухая пара. Все принятые в новословнице фонемы имеются в каком-либо славянском языке (За исключением Θ , K и Ψ , взятые на вооружение как элемент экстраполяции греческого языка).

Также стоит отметить, что в новословнице принят принцип того, что гласные обладают категорией мягкости, а не согласные. Данная парадигма имеет место в русском языке.

Переходя к грамматике, стоит вновь подчеркнуть характерные черты этого проекта – многофункциональность, логичность, максимальное снижение количества исключений.

Следуя этим принципам, мы приходим к следующей системе.

В новословнице 3 рода и 3 числа. То есть, существуют мужской, женский и средний род, а также единственное, двойственное и множественное число. Это позволяет устранить характерные для русского, например, языка двоякости типа «профессоры – профессора», «бухгалтеры – бухгалтера» и т.п. В новословнице первый вариант относится к множественному числу (окончание «-ы»), второй – к двойственному (окончание «-а»), как и было изначально в славянских языках.

Для именных частей речи в новословнице существуют 9 падежей, а именно: именительный, родительный, количественный, винительный, дательный, творительный, предложный, местный падежи. А также звательная форма. Склонение происходит по 3 парадигмам, каждая из которых подразделяется на мягкую и твёрдую. Также существует альтернативная система беспадежного склонения, основанная на болгарской предложной системе. Данная система позволяет практически полностью исключить наличие исключений.

В новословнице представлены все основные части речи: имена существительное, прилагательное и числительное, местоимение, наречие, глагол, причастие и деепричастие.

Также в новословнице широко представлены различные имена, позволяющие тонко передавать время и характер действия. 8 времён, 4 наклонения, 4 типа – всё это позволяет максимально точно описать то, что хочет говорящий.

Таблица 2.1

Наклонения			
Изъявительное	Повелительное	Сослагательное	Пересказательное
Повествование о действии	Призыв к действию	Повествование об альтернативном действии	Повествование о действии другого человека

Таблица 2.2

Времена			
Прошедшие			
Аорист	Имперфект	Перфект	Плюсквамперфект
Единичность действия в прошлом	Длительность действия в прошлом	Результативность прошлого к настоящему	Предшествование другому прошедшему времени
Настоящие		Будущие	
Настоящее	Конкретное	Будущее	Будущее в прошедшем
Действие, актуальное на сегодняшний день	Действие в момент говорения	Действие, находящееся в будущем для говорящего	Предшествование будущему действию

Таблица 2.3

Типы			
А	Е	И	У
Повествование об общем действии	Повествование о протяжённом действии	Повествование о кратком действии	Повествование о точечном, единичном действии

В проекте устранены такие проблемные моменты, как прошедшее время глагола в русском языке, которое выражается аористным причастием вместо глагола.

Произведена также детерминация семантики префиксов и суффиксов, в результате которой каждому аффиксу было поставлено какое-либо значение, что позволяет избежать двоякости в употреблении тех или иных словообразовательных форм в разных естественных славянских языках.

В качестве примера читателю можем привести небольшой отрывок на новословнице: *Гльѡдка, или будучность корыстованя пројекту је то, че мы можеме обчѣвати са без посредниства изучаваня јѣщо какогу-то јазыка. Такјо пројект је предзначен до розвѡју свѡзков меѡу словѣнскыми народами и сѡхроненю культуры вѡсѡх остатных словѣнских народов, над чым мы радаме днесь.*

В заключении данных тезисов хотелось бы конечно сказать о том, где и как может употребляться новословница. Само собой, взять и перейти на международное использование планового языка не представляется возможным. Для его использования необходима политическая или иная сила. Яркий пример подобной успешности – церковнославянский язык. Не поддержи церковь проект Кирилла и Мефодия, этот проект канул бы в Лету и мы только бы знали о том, что они даровали нам азбуку. Однако церковь, перейдя некогда на этот язык, использует его по сей день, и множество людей могут слышать этот язык вживую, читать на нём книги и петь песнопения. Правда, один из главных его недостатков заключается в том, что это язык церкви, язык священных текстов, и говорить на нём о политике или бытовых делах было бы, по крайней мере, кощунственно.

Поэтому единственным правильным путём, скорее всего, было бы принятие этого языка культурным или политическим движением, ориентированного на панславизм. Изучение этого языка в частных, затем в общеобразовательных школах, создание кружков. Когда язык станет живым, когда зажжётся искорка автопоэзиса, то он сам отбросит лишнее и добавит, что ему надо. Но сейчас надо обеспечить максимальную простоту освоения и максимальные языковые возможности, что и предоставляет проект новословницы.

Библиографический список

1. Ю. Крижанич, Граматично изказанје о руском езику – М.: Университетская типографія, 1666 г.
2. ИНЈ, Азбука за децы и возрѡстники – М.: 2014
3. ИНЈ, Кратка мълвница новословницы – М.: 2015

СЕКЦИЯ 11.

Германские языки

УДК 378

Дидиченко Р.Н.

Воронежский экономико-правовой институт

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В НЕЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Аннотация

Статья посвящена важности коммуникативно-ориентированного подхода в обучении иностранным языкам в нелингвистическом вузе, в частности, английскому, которое направлено на формирование и развитие у студентов коммуникативной компетенции, когда они будут способны к использованию иностранного языка в качестве орудия своей речемыслительной деятельности.

Abstract

The article is devoted to the importance of communicative-oriented approach in teaching foreign languages, particularly, in teaching English at the non-linguistic institution of higher education aimed at formation and developing students' communicative competence when they will be able to use a foreign language as an instrument of their speech-thinking activity.

Ключевые слова: коммуникативно-ориентированный подход, иностранный язык, нелингвистический вуз, коммуникативная компетенция, речевая деятельность.

Key words: communicative-oriented approach, foreign language, non-linguistic institution of higher education, communicative competence, speech activity.

Иностранный язык и, в частности, английский, являясь языком международной коммуникации, считается одним из востребованных предметов в нелингвистических вузах. Владение английским языком делает для студента возможным не только получение важной информации в профессиональной сфере деятельности, но и способствует его знакомству с культурой и традициями страны изучаемого языка, расширению его собственного кругозора, формированию способности к принятию самостоятельных и нетривиальных решений.

Можно сказать, что весь процесс обучения иностранному языку должен быть буквально пронизан коммуникативной ориентированностью, а то, что студенты благодаря этому способны будут к осознанию структуры языковых и речевых действий, целей, способов их достижения и результатов учебной деятельности, превращает их из объектов в субъекты учебного процесса, создает хорошие возможности для преподавателя грамотно и четко контролировать и регулировать учебный процесс, повышая мотивацию студентов к обучению и создавая предпосылки для их дальнейшего самообучения и творческого саморазвития. Поэтому важно не только знание языка, но и умение использовать его в реальном повседневном общении, т.е. практическое владение языком становится приоритетным и, следовательно, основной задачей при обучении иностранному языку является развитие коммуникативной компетенции у студентов.

Для того, чтобы вести полноценную коммуникацию на иностранном языке, необходимо правильное оформление речи с фонетической, грамматической и лексической сторон. При реализации коммуникативно-ориентированного подхода обучение этим навыкам осуществляется благодаря усвоению студентами лексических единиц и грамматических структур произвольно во время дискуссии, как с преподавателем, так и с другими студентами, при получении новой информации из текстов и т.д. Для этого требуется разработка средств обучения, позволяющих студентам употребление грамматического и

лексического материала для вербального выражения своих мыслей, избегая предварительного заучивания.

Функционально-смысловые таблицы, грамматические функциональные схемы, функциональные опоры для диалогической речи, которые широко используются в настоящее время в учебном процессе, многообразие условно-речевых упражнений для формирования грамматических умений и навыков - все это является определенной попыткой создания таких обучающих средств. Для того, чтобы исключить и предупредить появление ошибок у студентов во время общения на языке, им следует предоставлять материал дозированно, производя переход от простого к сложному, а также правила-инструкции, помогающие им вести общение на иностранном языке, не ощущая недостатка в знании грамматических структур и лексических единиц. Для того, чтобы организовать коммуникативно-ориентированное занятие по английскому языку, не следует придерживаться традиционного подхода в обучении, заключающегося в работе над грамматической стороной языка, но при этом занимаясь лишь заучиванием правил и их тренировкой в предложениях, поскольку отсутствие реальной коммуникации на занятиях приводит к пробелам в знаниях у студентов, а главное, у них возникают сложности в выражении своих мыслей.

В основе коммуникативной методики заложен другой подход в обучении иностранному языку, так как она нацелена на формирование и развитие коммуникативных навыков, способствуя тому, чтобы студенты выражали свои мысли и эмоции посредством использования лексико-грамматических структур. При этом организация учебного процесса предполагает как можно более точное воспроизведение условий реального общения на иностранном языке. При учете целей и условий обучения в лингвистическом вузе, характера знаний и умений студентов, не вполне верным является соблюдение общепринятой школьной последовательности в схеме структура-система-речь. Напротив, системный подход, основанный на рассмотрении объекта изучения в качестве системы взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, должен реализовываться в процессе обучения. При коммуникативно-ориентированном обучении иностранному языку важное место занимают игровые ситуации, парные формы работы, задания на поиск ошибок, которые позволяют не только увеличивать объем лексического запаса, но и учат аналитическому мышлению. На занятиях студентам нужно дать возможность применять свои языковые умения и навыки в реальных ситуациях повседневного общения, что позволит им научиться использовать лексико-грамматические формы для корректного вербального выражения собственных идей и мыслей.

Коммуникативно-ориентированный подход способствует тому, чтобы студенты как можно быстрее овладели навыками разговорной речи, что обеспечивается благодаря усвоению различных видов монологической речи, типовых диалогов и форм языкового моделирования. Здесь первоочередное внимание уделяется конкретной языковой модели, а акт говорения является основной единицей занятия по английскому языку и всей стратегии обучения.

При этом основное значение уделяется пониманию, передаче содержания и выражения смысла, а грамматика представляет собой лишь фундамент для реализации этой цели. Студентам необходимо осознать и понять, какие языковые средства можно использовать для выражения своих мыслей в непосредственной ситуации во время занятия, при обмене мнениями, опытом и знаниями, отдавать себе отчет в том, что грамматические структуры нужны для выполнения коммуникативной задачи и, разумеется, важно уяснить соотношение между этими структурами и их применением в речи.

Коммуникативно-ориентированный подход подразумевает введение грамматических форм в контексте работы над ними, чтобы для студентов было очевидно их реальное использование для передачи значения. Также при парно-групповой форме занятий студентам могут быть предложены темы или вопросы для дискуссии и они испытывают свои силы в общении, приближенном к реальным условиям. Студенты должны правильно реагировать на

речь собеседника, пытаться формулировать как можно более ясные для понимания и четкие фразы.

Эффективность коммуникативных заданий увеличивается при проведении традиционной работы над словарным запасом и грамматическими навыками, приобретенными студентами. А развитие коммуникативно-познавательных потребностей студентов может быть реализовано в учебном процессе, который должен быть построен с использованием приемов, благоприятствующих ситуации реального речевого общения (разыгрывание диалогов-образцов, деловые игры и т. д.). Ситуативное упражнение составляют три основных компонента: задание, описание ситуации и речевая реакция. В зависимости от постановки конкретной цели и вида упражнения, задание к нему может быть самым разнообразным. Допустим, смысл ее в том, чтобы выявить реакцию студентов на ситуацию. Например: Role play, Write a respond to a letter, Tell your groupmate about coming events, Work in pairs and try to fancy that... Ситуация содержит информацию о деталях обстановки, собеседниках, а также речевой стимул, который выражен вербально или вытекает из ситуативного контекста. К примеру: In pairs, imagine that one of you is a director of a big plant, who is looking for qualified workers and specialists, and you are going to interview a few people by phone, who call you and want to work at this plant. Try to ask different questions to find out if they are suitable for this work. Ситуация: директор крупного завода разговаривает по телефону. Беседу с ним ведут потенциальные работники. Участники разговора: директор предприятия и потенциальные работники. Речевой стимул: Желание найти подходящих работников/специалистов. Речевая реакция. Это речевой продукт, который нужно студентам оформить в языковом виде при реагировании на задание и описание ситуации. Обучение организовано на основе естественных речевых ситуаций и учебных речевых ситуаций.

Использование коммуникативно-ориентированных заданий способствует тому, что студенты на практике овладевают различными способами работы с грамматическим материалом и применяют его в речи в виде постановки вопросов, объяснения, выражения мыслей, высказывания идей, в рассказах. Обучение грамматике с применением коммуникативной технологии может использоваться с самого раннего этапа и проводиться на материале говорения, чтения, аудирования и письма. Традиционное обучение иностранному языку в лингвистическом вузе ориентировалось на чтение, понимание и перевод специальных текстов. В настоящее время следует акцентировать внимание в обучении на развитие навыков речевого общения с опорой на профессиональную тематику и ведение дискуссий, тем более, что работа над ними не мешает развитию навыков, умений и знаний, так как на них и базируется. Следует особо отметить, что важнейшим условием развития коммуникативных умений студентов является моделирование реальных ситуаций общения и педагогического взаимодействия, которые базируются на принципах диалога и сотрудничества.

Выражение коммуникативной функции (сообщения, передачи информации) на занятиях по английскому языку должно осуществляться в типичных жизненных повседневных ситуациях, с которыми встретятся студенты по завершении его изучения. Такие ситуации не должны быть ограниченными, сводясь к узкоспециальной задаче обучения (например, визит в одну из англоязычных стран или участие в научном симпозиуме по тематике специальности и т.д.) Напротив, они должны быть более объемными по характеру содержания и ориентированными на то, чтобы студенты были готовы к иноязычной коммуникации в профессиональной сфере.

Библиографический список

1. Дидиченко Р.Н. Специфика применения коммуникативно-ориентированного подхода в обучении английскому языку в неязыковом вузе// Актуальные проблемы развития вертикальной интеграции системы образования, науки и бизнеса: экономические, правовые и социальные аспекты: Сборник материалов международной научно-практической конференции 23-24 октября 2014 г. Воронеж: ВЭПИ, Т. 3, С. 175-180.

2. Обучение иностранным языкам в школе и ВУЗе/ под ред. Колковой М.К. - СПб.: КАРО, 2001. - 235 с.
3. Коростелёв В.С., Пассов Е.И., Кузовлев В.П. Принципы создания системы коммуникативного обучения иноязычной культуре// Иностранные языки в школе. - 1988. - №2, с.40-46.
4. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. 2-е изд. — М.: Просвещение, 1991. — 223 с.

Цветкова О.Г.

Хакасский государственный университет им.Н.Ф. Катанова

АРГУМЕНТ КАК СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ ИНТЕНЦИИ ГОВОРЯЩЕГО В СПОРЕ

Аннотация

В данной работе коммуникация характеризуется с точки зрения способа достижения интенции говорящего. Анализируется спор как один из видов коммуникативных процессов, а аргумент как инструмент достижения поставленной перед говорящим цели. Выделяются различные виды аргументов, приводятся примеры использования аргументов в споре, изложены выводы, доказывающие тот факт, что аргумент является основным способом достижения интенции говорящего.

Adstract

This paper characterizes the process of communication from the point of view of intension of the speaker. The argue is analyzed as one of the types of communication and the argument as the mean of attaining the aim of the speaker. Arguments are divided into some types, some examples of using arguments are described, the results of research show the fact that argument is the main mean of attaining the speaker's intension.

Ключевые слова: коммуникация, спор, аргумент, интенция говорящего

Key words: communication, argue, argument, speaker's intension.

Под коммуникацией понимаются процессы перекодировки вербальной в невербальную и невербальной в вербальную сферы. Исторически коммуникацией было именно это: принуждение другого к выполнению того или иного действия. То есть для коммуникации существенен переход от говорения Одного к действиям Другого. Именно ради этого реализуется передача значений между двумя разными автономными системами, которыми являются два человека [5, с.7]. Коммуникацию можно рассматривать как интенсификацию имеющихся коммуникативных интенций, перевод их в более технологическую форму, под которой мы понимаем достижение прогнозируемого результата в отличие от случайного процесса [5, с.13]. Другими словами, целью коммуникации является переход в дискурс согласования любого коммуникативного явления, даже если оно развивается по сценарию дискурса различий. Дискурс различий – это непонимание, несогласие, спор. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, многое из того, что мы совершаем в споре, частично структурируется понятием войны. Хотя физической битвы нет, происходит словесная битва, и структура спора – атака, оборона, контратака и т.д. – отражает это [3, с. 128]. Спор – это не плодотворное общение, к которому в большинстве случаев стремятся участники коммуникации, где основным является достижение интенции говорящего. Успешный коммуникатор ведет свою коммуникацию по заранее проверенному пути. Это вариант актера, который уже заранее знает, в каком месте его аудитория засмеется, а в каком заплачет, поскольку у него есть опыт множества проведенных спектаклей [5, с.35].

У П. Ершова встречается интересное разграничение коммуникативного поведения сильного и слабого участников коммуникации. Обмен информацией он трактует как сферу

борьбы. Например: «Сопротивляясь, партнер всегда дает информацию в возражениях, в бессловесной реакции или даже в отсутствии какой бы то ни было реакции. Всякое сопротивление партнера говорит о том, что полученная им информация оказалась недостаточно эффективна. Тогда, чтобы продолжать борьбу, нужно опять выдать информацию – более значительную, чем выданная ранее, чтобы добыть в обмен информацию о том, что выданная достигла цели. [2, с.174]. Таким образом, для достижения поставленной перед говорящим цели, необходимо владеть тем «оружием», которое окажет на адресата ожидаемый эффект. Таким «оружием» может выступить аргумент, при умелом использовании которого дискурс различий перейдет в дискурс согласования, конфликт будет исчерпан, спор окончен. Аргументы различаются по тем фактам, на которые они ссылаются. Выделяются, например, *argumentum ad rem*- аргумент к сущности вещей, *argumentum ad crumenam*-к ценности «финансовое приобретение», *argumentum ad baculum*-к силе, *argumentum ad ignorantium*-к незнанию, неведению, неопытности, *argumentum ad hominem*-к человечности, *argumentum ad misericordiam*-к жалости, состраданию, *argumentum ad populum*-к предубеждениям, *argumentum ad verecundiam*-к авторитетности, уважению, *argumentum ad antiquitatem*-к древности, *argumentum ad logicam*-к логике, и несколько других. Зачастую, использование одного-двух весомых аргументов является достаточным для того, чтобы интенция говорящего была достигнута.

Рассмотрим некоторые примеры использования аргументов в процессе коммуникации. Анализу подлежит довольно известный диалог из произведения А.Милнэ “Winnie-the-Pooh”, момент, когда покусанный пчелами медведь не желает более этого терпеть и хочет поскорее спуститься вниз. Это является его иллюкативной целью. Но для ее достижения необходимо убедить собеседника в своей правоте и заставить его выполнить требуемые действия. Говорящий (the Pooh) использует *argumentum ad ignorantium* (аргумент к незнанию): “these are the wrong sort of bees.” Адресант уверен, что адресат не владеет информацией об отсутствии дихотомии *right/wrong bees*. Данный факт подтверждается его ответами: “Are they?”, “I don’t know”. Использование адресантом данного аргумента повторно, “They make the wrong sort of honey”, позволяют ему достичь своей интенции: убедить адресата выполнить необходимые действия (прострелить воздушный шар) и спуститься вниз.

Другим примером использования аргументов является диалог между Miss Virginia и Mr. Ghost в произведении О. Wild “The Canterville Ghost”. В разговоре привидение в оправдание того, что оно по ночам шумит и пугает постояльцев, говорит, что это его единственная причина для существования. На что девочка реагирует: “It is no reason at all for existing. ...you had killed your wife.” Через эту реплику можно прочувствовать негативное отношение к собеседнику. Данный аргумент к сущности вещей (*argumentum ad rem*) является существенным, поскольку адресат это сразу признает: “Well, I admit it.” Однако далее ему удается расположить собеседника к себе, используя аргумент к состраданию (*argumentum ad misericordiam*): “I don’t think it was nice of her brothers to starve me to death.” Адресат (Miss Virginia) в силу своего возраста сразу предлагает собеседнику перекусить, изменив свою злость, негативное отношение на сострадание. Далее разговор опять перетекает из дискурса согласования в дискурс различий, когда Mr. Ghost упоминает семью Otis: “You are much nicer than the rest of your rude, dishonest family.” На что Miss Virginia реагирует негативно: “Stop!”, обвиняя собеседника в том, что именно он “rude and dishonest”, используя в речи контраргумент к сущности вещей (*argumentum ad rem*): “You stole the paints out of my paint-box”, с чем собеседник соглашается: “Well, really”. В проанализированном диалоге можно наблюдать ситуацию, когда при использовании правильных аргументов сильную сторону в споре по очереди занимают то адресант, то адресат, настроение беседы меняется с негативного на положительное и наоборот несколько раз, тем не менее, благодаря смене «главных» ролей в споре, интенции обоих участников коммуникации достигаются.

Таким образом, аргументация, правильное использование уместных и весомых аргументов в процессе коммуникации, является одним из важнейших условий достижения интенции говорящего. Даже при наличии у собеседника контраргумента разговор можно

повернуть в свою пользу, применив другой значимый аргумент. Следует отметить, что при использовании того или иного аргумента нужно быть уверенным в том, что адресат владеет информацией о том факте, на который вы ссылаетесь, иначе аргументация будет не эффективной. При правильном подходе к выбору аргументов можно быть уверенным в том, что поставленная перед говорящим цель будет достигнута, а дискурс различий перейдет в дискурс согласования.

Библиографический список

1. Грайс П. Логика и речевое общение / П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. - 1985. - Вып. 16. - С. 217-237.
2. Ершов П.М. Искусство толкования / П.М. Ершов // Часть первая. Режиссура как практическая психология. – М: Феникс, 1996.- С. 173-175.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. - М.:ЛКИ, 2008.- С.128.
4. Леонов, Н.И. Хрестоматия по конфликтологии / Н.И. Леонов.- Москва: МПСИ, 2002. - 384 с.
5. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. - М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер» , 2001. - 656 с.
6. Milne, A.A. Winnie-The-Pooh.- USA: Penguin, 2005.- p. 12
7. Wild, O. The Canterville Ghost // Speak out.- Вып.1(95) - Москва: Изд-во «Глосса-пресс», 2013.- С.11.

СЕКЦИЯ 13. Классическая филология, византийская и новогреческая филология

УДК 378.147:811.124

Брагова А.М.

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

ОБЗОР МЕТОДОВ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация

Доклад посвящен краткому обзору методов преподавания латинского языка в школах и вузах в России и за рубежом. Автором выделяется три базовых метода: грамматико-переводный, метод чтения и прямой метод. Автор отмечает наибольшую распространенность грамматико-переводного метода. Наряду с этим в докладе делается вывод о том, что необходимо комбинировать вышеуказанный метод с двумя другими методами для решения определенных задач обучения.

Annotation

The report is devoted to a brief review of methods of teaching Latin at schools and universities in Russia and abroad. The author analyses three basic methods of teaching Latin: grammar-translation, reading and direct. The author mentions the extent to which the grammar-translation method has spread. Alongside the author of the report concludes that it is necessary to combine the grammar-translation method with the other two for fulfilling certain teaching tasks.

Ключевые слова: латинский язык, преподавание, метод

Key words: Latin, teaching, method

Существует три широко распространенных метода, используемых в мировой практике преподавании латыни в школах и вузах: грамматико-переводный метод, метод чтения и прямой метод.

Грамматико-переводный метод – самый традиционный из упомянутых, поскольку практикуется в течение целого тысячелетия. Его центральным звеном является грамматика, а переводу отводится поддерживающая роль. Обучающиеся учат склонение и спряжение, парадигмы и синтаксис, а затем применяют эти знания при переводе латинских текстов на родной язык. Обучение направлено на аналитическое чтение, перевод и понимание латинских текстов. В качестве целей обучения при грамматико-переводном методе можно выделить языковую компетенцию (знание латинской грамматики и умение читать, анализировать и переводить латинские тексты), метаязыковую компетенцию (умение использовать знание латинского языка при изучении других иностранных языков), историко-культурную компетенцию (знание античной истории и культуры в рамках читаемых текстов) [1, с. 176—177].

Как отечественные, так и зарубежные преподаватели латинского языка отмечают несомненные плюсы данного метода. По замечанию Ф. Джоунса, рассмотрение грамматики как будто под микроскопом, заучивание языкового материала наизусть дают свои положительные результаты, заключающиеся в том, что учащийся будет что-то знать к концу обучения [2, р. 34]. Однако тот же автор указывает на то, что такой метод ассоциируется у большинства учеников с монотонной и безрадостной работой [там же]. В большинстве отечественных учебников латинского языка для школ и вузов основой обучения является грамматико-переводный метод. Однако в ряде учебников для языковых вузов (под ред. В.Н. Ярхо, Н.Л. Кацман; под ред. Н.Л. Кацман, З.А. Покровской) он модифицируется благодаря сравнению грамматики и лексики в латыни и новых западноевропейских языках. Н.Л. Кацман называет такой метод сравнительно-сопоставительным [3, с. 24], но по сути своей он

остаётся традиционным грамматико-переводным. Вместе с тем, надо отметить определенную новаторскую направленность предложенного Н.Л. Кацман метода: сравнение грамматических явлений латинского языка с аналогичными в родном и живых иностранных языках, нахождение латинских дериватов в новых языках способствуют лучшему пониманию латинской грамматики и лексики, упрочению межпредметных связей, что делает изучение латинского языка более осмысленным. Тот же автор предлагает основывать данный метод на принципе сознательности, который предполагает усвоение языковых явлений после того, как они поняты, а понимание достигается либо в результате объяснений преподавателя, либо в результате самостоятельного, но контролируемого преподавателем изучения материала по учебникам и пособиям. Согласно принципу сознательности грамматический материал вводится в тексты лишь после его изучения и анализа примеров [3, с. 25]. По нашему мнению, использование принципа сознательности наряду со сравнительно-сопоставительным методом является удачным дополнением к грамматико-переводному методу.

Следующий из рассматриваемых методов – метод чтения – предполагает изучение латинского языка с помощью чтения рассказов, историй, текстов, специально созданных для решения образовательных задач. Такие тексты представляют собой простые предложения-образцы на начальном этапе и сложные периоды на продвинутом этапе. Чтение занимает центральное место в таком обучении, важным является понимание текста, а грамматический материал изучается *ad hoc*, т. е. по ходу дела. Как пишет Е.И. Лучина, студенты должны сначала познакомиться с определенным грамматическим явлением в тексте, догадаться о его сути и значении, и лишь после этого преподаватель дает его точную формулировку и обоснование [4, с. 80]. Грамматика, несомненно, играет определенную роль, однако акцент делается на формировании умения читать и понимать тексты. Целью преподавания латыни на основе метода чтения является экстенсивное чтение различных текстов, от простых к трудным. Грамматика помогает процессу чтения, но не анализируется тщательно, не помещается «под микроскоп». Главной целью такого обучения латинскому языку является языковая компетенция, которая включает в себя технику чтения, понимание текста, но не обязательно перевод. При использовании метода чтения также формируется историко-культурная компетенция, поскольку содержание текстов, как правило, связано с историей и культурой Древней Греции и Рима.

Третий метод называется прямым / натуральным / устным. Он появился за рубежом около ста лет назад. Такой метод предполагает изучение латыни на латыни, т. е. без использования родного языка. Грамматика также изучается на латинском языке. Говорение, аудирование, письмо и чтение (не перевод) – вот основные компоненты прямого метода. К целям обучения при использовании данного метода относятся языковая компетенция (каждый вид речевой деятельности является частью такого обучения: говорение, аудирование, чтение и письмо) и социокультурная компетенция, т. е. такие же, как и при обучении живым языкам. При обучении латыни на основе прямого метода зачастую используется структурный подход [5; 6]. Такой подход предполагает тренировку базовых предложений с целью демонстрации определенной грамматической структуры. Каждое базовое предложение является образцом для многих моделей. Например, двухуровневый учебник-самоучитель для старшеклассников США *Artes Latinae* основан на таком методе. Изучение грамматики в учебнике происходит индуктивно, т.е. от частных примеров к общим выводам. Например, предлагается афоризм *Hilarem datorem diligit Deus* («Бог любит доброхотно дающего»), по аналогии с которым строятся другие фразы урока. Фраза-образец снабжена комплексом языковых и культурологических заданий [7; 8, с. 265—267].

Среди латинистов как в России, так и за рубежом, прямой метод получил неоднозначную оценку, в большинстве случаев отрицательную. Так, Литтелтон указывает на то, что устный метод не дает гимнастики для ума [9, p. 162]. Ф. Дейл использовал прямой метод в своей преподавательской деятельности, однако в своей статье он упоминает, что на практике прямой метод был отвергнут [10, p. 69]. Американский преподаватель Герберт

выделяет 5 сложных моментов, с которыми столкнется преподаватель, выбравший прямой метод обучения латыни: 1) трудность метода (объяснение грамматики либо на латинском языке, без использования родного языка, либо на языке жестов, либо с использованием картинок, что заставляет обучающихся лишь догадываться о значении новых слов при введении лексического материала и лингвистических терминов при объяснении грамматики); 2) специальная подготовка преподавателей (они должны уметь бегло и без ошибок говорить по-латыни); 3) опасность встретить ошибки как в учебниках, так в речи преподавателя (в учебнике *Puer Romanus*, рассматриваемом Гербертом, некоторые фразы строятся не по латинским, а по английским правилам, также имеются грамматические ошибки и культурологические неточности типа открытых окон в римских домах или голосования женщин); 4) проблема нехватки аудиторных часов (обучение латинскому языку на основе прямого метода требует больше аудиторных часов); 5) административная проблема (при переходе обучающихся из одного образовательного учреждения в другое могут возникнуть трудности, если используемые методы кардинально отличаются; Герберт приводит в пример случай, когда школьник, изучавший латынь на основе прямого метода, при смене школы оказался далеко позади сверстников, обучавшихся на основе грамматико-переводного метода) [11, р. 11—17]. Вместе с тем зарубежные исследователи и преподаватели латинского языка выделяют некоторые положительные моменты использования прямого метода. Ф. Дейл замечает, что прямой метод на ранних этапах изучения латинского языка хорош, особенно если он в надежных руках: учащиеся начинают думать и строить фразы на языке [10, р. 66—68]. Ф. Джоунс считает, что прямой метод незаменим на начальном этапе обучения латыни: он помогает научиться понимать и переводить простую латынь, выводить правило из латинского предложения, а не конструировать предложение на основе правил, помогает научиться говорить по-латыни (по принципу «вопрос-ответ»). Учащийся получает готовое рациональное рабочее знание языка, которое никакой другой метод не даст [2, р. 34]. Однако тот же автор упоминает недостатки прямого метода: его использование ведет к непониманию текста. В таком случае Ф. Джоунс предлагает прибегнуть к старомодному методу заучивания слов наизусть [2, р. 35]. Что касается отечественных латинистов, большинство из них не используют прямой метод. Главная аргументация отрицательного отношения к данному методу состоит в том, что бессмысленно изучать латынь для того, чтобы на ней говорить, поскольку говорить не с кем: носителей латинского языка не осталось.

Следующий вопрос связан со степенью распространенности данных методов. Как можно увидеть из многочисленных публикаций в России и за рубежом, самым распространенным является грамматико-переводный метод. Возможно, это произошло в силу его традиционности (он выдержал не одно столетие преподавания латыни) и разумности (он дает надежный результат, позволяя при достаточном количестве аудиторных часов читать древние тексты в адаптации на начальном этапе и тексты в оригинале – на продвинутом). Однако нужно отметить и его постепенное вытеснение другими методами. Это, видимо, связано с тем, что латынь все больше и больше воспринимается как иностранный язык, а, поскольку при изучении живых иностранных языков в настоящее время используется коммуникативный подход, т. е. изучение языка для общения, такой подход переносится и на изучение древних языков. В связи с этим появился прямой метод. Метод чтения также берет свое начало из методики работы с живыми иностранными языками, где имеет место не аналитическое, а синтетическое чтение, целью которого является извлечение информации, а не анализ словоформ.

При обучении латинскому языку мы предлагаем комбинировать три указанных метода, исходя из определенных образовательных задач. Так, в начале курса латинского языка можно ввести несколько фраз классного обихода (*Salve(te)*, *Vale(te)*, *quaeso*, *Veni ad tabulam*, *Asside* (*Assidite*), etc.), и в этом будет заключаться использование прямого метода. Грамматико-переводный метод пусть остается базовым. А метод чтения можно использовать тогда, когда многие языковые явления уже ясны обучающимся, и они могут наслаждаться

чтением несложных текстов латинских авторов в оригинале. В таком случае чтение текстов не будет сопровождаться беспрестанным и утомительным обращением к словарю.

Библиографический список

1. Брагова А.М. Возможности обновления целей и задач обучения латинскому языку студентов языкового вуза // Актуальные проблемы филологии: материалы V международной (заочной) научно-практической конференции. – Вып. 5. – Барнаул; Рубцовск, 2011. – С. 176—177.
2. Jones F. The Teaching of Latin in Grammar Schools // The Classical Review. – Vol. 22, No. 2 (Mar., 1908). – P. 33—36. URL: <http://www.jstor.org/stable/694506> (дата обращения 10.05.2015).
3. Кацман Н.Л. Методика преподавания латинского языка в институтах и на факультетах иностранных языков. Москва, 1979. – 142 с.
4. Лучина Е.И. Классическая филология в США // Известия Саратовского университета. – 2009. – Т. 9. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 3. – С. 78—81. URL: <http://elibrary.ru/download/40096719.pdf> (дата обращения 10.05.2015).
5. Sweet W. Latin: a structural approach. – Ann Arbor, USA, 1957. – 520 p.
6. Morris S. Viae novae: new techniques in Latin teaching. – London, 1966. – 93 p.
7. Artes Latinae. – Bolchazy-Carducci Publishers, USA, 2007. – 307 p.
8. Брагова А.М. Анализ концепций построения зарубежных учебников по латинскому языку // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – № 4. Часть 2. – Н.Новгород: ННГУ. 2013. – С. 265—267.
9. Lyttelton E. Latin composition // The Classical Review. – Vol. 21, No. 6 (Sep., 1907. – P. 161—163. URL: <http://www.jstor.org/stable/696850> (дата обращения 10.05.2015).
10. Dale F.R. Latin by the direct method // Greece and Rome. – Vol. 2, No. 6 (Feb., <http://www.jstor.org/stable/641588> (дата обращения 10.05.2015).
11. Herbert C. Methods of teaching Latin // The Classical Journal. – Vol. 11, No. 1 (Oct., 1915). – P. 7—24. URL: <http://www.jstor.org/stable/3287804> (дата обращения 08.05.2015).

УДК 80

Шматко Ю.Н.

Белгородский государственный университет

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОМЕДИЙ МЕНАНДРА

Аннотация

Аннотация

В статье анализируются комедии Менандра. Менандр создал уникальный образ гетеры, влюбленного воина и идеальной жены. В статье также рассматривается отношение отца к детям в Древней Греции на основе комедий Менандра.

Abstract

The article analyzes the comedy of Menander. Menander created a unique image of the hetaera, of the soldier in love and of the ideal wife. The article deals with the relation of father to children in Ancient Greece on the basis of the comedies of Menander.

Ключевые слова: Менандр, комедия, семья, отец, гетера.

Key words: Menander, comedy, family, father, hetaera.

Древнегреческий комедиограф Менандр внёс значительный вклад в развитие мировой литературы. Он стал самым выдающимся представителем новоаттической комедии. В соответствии с типичным для эллинистического общества интересом к частному быту Менандр в своих произведениях делает акцент на темах любви и семейных отношений [4, с. 201]. Комедиограф впервые выводит на сцену образ «благородной» гетеры, влюбленного воина, создаёт образ идеальной жены в представлении греков, а также рассматривает

взаимоотношения отцов и детей. Именно выявление данных образов в комедиях Менандра и является проблемой данного исследования.

В исследовании применяются методы историко-филологического анализа (лексико-терминологического, герменевтического), нацеленные на адекватное понимание и истолкование текста. Также применим собственно исторический метод комплексного анализа источников, системный подход, необходимые для систематизации работы с имеющимися материалами.

Нас интересуют работы Г.Ф. Церетели и В.Н. Ярхо, которые непосредственно занимались переводом и анализом текстов Менандра. Особо привлекают внимание работы В.Н. Ярхо «У истоков европейской комедии» (1979) и «Менандр – поэт, рожденный заново» (1982).

Произведения Менандра на протяжении многих веков были забыты. В средние века были известны лишь цитаты и афоризмы комедиографа, которые использовали в своих произведениях другие авторы. Только благодаря найденным в XX веке папирусным кодексам появилась возможность познакомиться с содержанием комедий Менандра. Поиски документов продолжаются до сих пор. Последнее открытие новых строк произведений Менандра относится к 2003 году. По мнению В.Н. Ярхо, «стереотипность сюжетных ходов и традиционность действующих лиц в новой комедии оказались, вероятно, причиной того, что творения ее авторов не пережили конца древнего мира и до прошлого столетия были известны лишь в виде отрывков, сохранных в разного рода компиляциях и антологиях позднеантичных авторов» [3].

Особенностью творчества Менандра является то, что он раскрыл положительные качества у таких персонажей, которые раньше аккумулировали в себе только пороки общества. Так, гетеры впервые изображены благородными и порядочными женщинами. Наиболее ярким образом такой гетеры является героиня комедии «Третейский суд» Габротонон. Подобного персонажа нет ни в средней, ни в новой комедии.

Не прибегая к устоявшимся сюжетам и стереотипам, Менандр сумел наделить своих персонажей чертами, характеризующими благородный характер и глубокое личностное содержание. В сцену впервые вводится образ свободной девушки. В античное время гетеры были единственными образованными женщинами и имели уникальные способности. Как правило, гетера находилась на содержании у богатого покровителя, который за её благосклонность платил деньги, но при этом девушка не обязана была продавать своё тело. Она вступали в связь с мужчиной только в том случае, если это соответствовало ее собственным желаниям. Древнегреческий оратор и политический деятель Демосфен говорил, что «уважающий себя грек имеет трёх женщин: жену - для продолжения рода, рабыню - для чувственных утех, и гетеру - для душевного комфорта» [1, с. 231]. Так, в комедиях Менандра гетеры имеют наилучшие человеческие качества: доброта, искренность, мудрость, благородство. Благодаря произведениям Менандра в античной литературе появился уникальный образ гетеры, который, видимо, в гораздо большей степени соответствовал реальным гетерам, чем существовавшие до того стереотипные, однобокие трактовки.

На протяжении VIII-V вв. до н.э в греческой комедии сложился стереотипный образ воина – хвастун, гуляка и женолюб. Впервые Менандр в своих произведениях ломает старые представления о воинах и показывает публике их высокие, благородные качества. Зачастую эти качества раскрываются через образ влюбленного юноши.

Необычным является характер и чувства воинов, представленные Менандром. Воины эмоциональные, благородные, трепетные к возлюбленным рабыням. Отношения с женщинами строятся главным образом на основе этики, а потом уже упоминают о физическом влечении. Отсюда вытекает новое обстоятельство, которое отчетливо отображено в комедиях – влюбленный воин интересуется мнением девушки насчёт брака и ждёт её согласия. По мнению В.Н. Ярхо: «для комедии внимание, уделяемое чувству женщины, - такая же новость, как и воин, проявляющий уважение к этому чувству» [5, с. 104].

Следовательно, личные качества и переживания влюбленного воина являются характерными чертами комедий Менандра. Данная трансформация в образе воина указывает на реальные изменения отношения к личности обычного человека, царившие в греческом обществе IV-III вв. до н.э.

Уже со времен античности многие авторы в своих произведениях пытались раскрыть образ идеальной спутницы жизни. Этот вопрос и сейчас является актуальным. Так в трагедиях Еврипида, Эсхила, Софокла можно найти яркие женские образы. Не являются исключением и комедии Менандра, где на фоне частной жизни греков вырисовываются представления того времени, какими чертами должна обладать хорошая жена.

Именно Менандр впервые вводит в комедиях сцены обряда женитьбы. Также новшеством для новоаттической комедии является выведение на комическую сцену непосредственно образа свободной девушки.

Женщины в древнегреческом мире играли особая роль, несвязанную вовсе с государственными делами – и это, естественно, хранение домашнего очага. Обобщенный образ идеальной спутницы жизни можно проследить в комедиях Менандра, в которых женщинам зачастую отводилась главная роль. Женщины имеют такие личностные достоинства, как молодость и красота, находчивость и трудолюбие, благовоспитанность и доброта.

Из анализа комедий можно сделать вывод, что автор, во-первых, является сторонником крепкой семьи, в которой должны царить взаимопонимание и доверие. Во-вторых, женщина у Менандра представлена вполне равноправным членом общества, хотя и не имеющим отношения к общественным делам, но в основном потому, что у женщины другое и, гораздо более важное, предназначение. По своим душевным качествам женщины, представленные в произведениях Менандра, порой даже превосходят мужчину.

Семейное воспитание во все времена играло важную роль в формировании будущего поколения. Наибольшая нагрузка в воспитании детей ложилась на женские плечи, но в Древней Греции семейное воспитание имело свои особенности, в отличие от современного. Во-первых, это строгое разделение на отцовское и материнское. Во-вторых, разделение по типам гражданского воспитания: спартанское, афинское. На основе афоризмов новоаттического комедиографа Менандра рассмотрим отношение отца к детям, о критериях семейного воспитания в Афинах в IV-III вв. до н.э.

Долг греческого гражданина – обзавестись семьей и детьми. Менандр об отцовстве пишет так:

*Пока ты одинок - живи, а сделался
Отцом детей - умри! Вся жизнь отравлена
А вот что значит стать детей родителем:
Забота, горе, страх - до бесконечности. [2]*

Предпочтение отцов отдавалось сыновьям, так как им предстояло стать полноправными гражданами полиса, которые отвечали за его будущее. Они также могли позаботиться о своих родителях в старости.

Иметь много детей в семье в IV веке до н. э. было не принято. С увеличением количества детей приходится дробить собственность, при этом граждане разорялись, а с ними вместе и государство. Поэтому девочек считали убытком для семьи, так как они несли за собой только растраты. Об этом упоминает и Менандр:

*Толковый сын - блаженство для родителя,
Но дочка - незавидное имущество! [2]*

Воспитанием девочек занимались в основном женщины. В девочках мать и отец развивали чувство порядка, ведь после замужества жена занималась преимущественно ведением хозяйства в доме.

Отец обладал полной властью над судьбой своей дочери, однако, старался прислушаться к своим детям в выборе супруга. Он отходит подальше от корыстных, меркантильных взглядов, пытается обращать внимание в женихах на их положительные

качества. Сыновья женятся в большинстве случаев по любви и не смотрят на приданое невесты.

Из анализа комедий можно сделать вывод, отец гордится сыном, если тот стал достойным гражданином своего государства, а дочерью гордится в том случае, когда видит, что она стала достойной супругой.

Таким образом, комедиограф Менандр впервые выводит на сцену новые уникальные образы. «Благородные» гетеры имеют наилучшие человеческие качества. Их представление сильно отличается от стереотипного. Подобный образ свободных девушек сохранился и в комедиях Теренция. Воины в комедиях эмоциональные, благородные, трепетные к своим возлюбленным. Молодые жёны имеют такие личностные достоинства, как молодость и красота, находчивость и трудолюбие, благовоспитанность и доброта. Отцы активно участвуют в воспитании детей. Все данные образы, созданные Менандром, впоследствии станут главными отличительными особенностями новоаттической комедии.

Библиографический список

1. Демосфен. Речи // Ораторы Греции: Пер. с древнегреч. / Сост. и науч. подгот. текстов М. Гаспарова. - М., 1985. – 495 с.
2. Менандр. Комедии. Фрагменты. М., 1982 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://lib.ru/POEEAST/MENANDR/menandr1_3.txt (02.10.2014)
3. Теренций. Комедии. – М., 1985 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://lib.ru/POEEAST/TERENCIJ/teren1_5.txt (02.10.2014)
4. Тронский И.М. История античной литературы. – М.: Высшая школа., 1988. – 464 с.
5. Ярхо В.Н. Греческая и греко-римская комедия / Древнегреческая литература: Собрание трудов. – М.: Лабиринт, 2002. – 256 с.

СЕКЦИЯ 14.

Теория языка

УДК 81.1

Гончарова А.А.

Сергиево-Посадский гуманитарный институт

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА АНТУАНА АРНО

Аннотация

В данной статье анализируются лингвофилософские воззрения Антуана Арно. Автор исследует концепцию взаимосвязи языка и мышления в трудах данного мыслителя, оценивает его вклад в лингвопроектирование, отмечает влияние Рене Декарта на его воззрения (в частности на построение «Грамматики Пор-Рояля»), а также определяет место доктрины А. Арно в истории философии языка раннего Нового времени.

Abstract

The analysis of Antoine Arnauld's linguistic philosophic ideas is carried out in this article. The author investigates concept, which implies the interrelation between language and thinking, taking place in this thinker's works. Also Arnauld's contribution to the linguistics projection is estimated, as well as his doctrine's place in the linguistic philosophy's history during Modern era is determined. The author notes the Rene Descartes' influence on Arnauld's attitude (in particular on "Port-Royal Grammar" formation).

Ключевые слова: Антуан Арно, лингвистическая философия, язык, мышление

Key words: Antoine Arnauld, linguistic philosophy, language, thinking

Несмотря на то, что философия языка была выделена в отдельное направление гносеологии в XX веке (это явление носило название «лингвистический поворот философии»), ее формирование началось задолго до этого. Правомерно утверждать, что на раннее Новое время приходится первый истинный расцвет лингвистической философии: в это время на фоне смещения интересов мыслителей к проблемам познания возникла потребность в общем для представителей всех наций языке, очищенном от помех, которые препятствуют полноценному постижению мира. Одним из немногих мыслителей, который и представил проект универсального языка, и дал философское обоснование данной грамматике, была Антуан Арно (1612 – 1694). Целью данной статьи является выявление основных идей философии языка А. Арно через характеристику концепции взаимосвязи языка и мышления и определение ее места в лингвофилософии раннего Нового времени. Для этого мы проведем анализ наиболее значимого произведения данного автора – «Логика, или Искусство мыслить», а также современных зарубежных исследований на эту тему, поскольку в российской научной литературе А. Арно чаще представляется как логик, чем как философ.

В соответствии с расставленными временем акцентами, «Грамматика Пор-Рояля» и последовавшее за ней философское произведение Антуана Арно и Пьера Николя «Логика, или Искусство мыслить», которое подкрепляло аргументацию неразрывной связью языка и мышления, интеллектуализировали парадигму, дававшую привилегию когнитивному процессу над первопричинами. Арно считал, что лишь первоначала можно познать благодаря очевидности той или иной максимы. Однако если сама по себе максима не может убедить человека в своей истинности, тогда требуется разумный довод. Более того, этот довод должен быть истинным и веским, убедительным, распознаваемым при пристальном изучении. Тогда довод порождает убеждение, именуемое знанием. В иных случаях он может являть собой поспешное суждение, мнение или веру [1, с. 297-298].

Стоит отметить, что на А. Арно оказала серьезное влияние полемика с Декартом: именно через нее он подошел к созерцанию природы аргументации как таковой, что легло в основу произведения «Логика, или Искусство мыслить». Оно базируется на идее того, что большинство споров между людьми предполагает разногласия в области языка, такие как дефиниция терминов или ассоциативные связи между объектами. Арно рассматривал язык как олицетворение мыслей человека, поэтому ясность языка для него была отражением ясности разума. И чтобы добиться этой ясности, нужно было заставить человека мыслить логически, чтобы приводить аргументы, способные урегулировать конфликты. Арно предполагал, что многие мыслители более ранних эпох не имели достаточного опыта в логике, поэтому они особенно выделяли верования в богословские убеждения и недостаточно внимания уделяли основанному на фактах реализму.

Проявляя картезианский подход к аргументации и логике, фокусируясь на языке как на средстве выражения, Арно организовал свою доктрину в соответствии с четырьмя элементами знания: идея, вывод, доказательство и систематизация. Эти элементы, каждый из которых зависит от предшествующего, идут в последовательности, соответствующей научным требованиям, когда идея предшествует звуку. Это значит, что идея зарождается первой в своей простейшей форме и потом комбинируется с другими идеями в выводе. Доказательство затрагивает множество выводов, а систематизация имеет место быть, когда выводы выражены в наилучшем порядке в форме обоснованного аргумента.

Таким образом, главный компонент любого аргумента – это идея. Здесь Арно проводит разграничение между апперцепцией идеи (ее репрезентацией с помощью разума) и ее распространением (существованием идеи за пределами разума). По мнению Арно, все неопределенности, касающиеся непосредственно идей, являются результатом неизбежных двусмысленностей в языке. Для предотвращения появления «дефектных идей» Арно рекомендовал заранее определять область двусмысленных слов, которые используются для выражения идей, и таким способом рассеивать возможные недопонимания. Также его беспокоило, что некоторые люди настолько сильно зависят от слов, что теряют связь с их смыслами. Предложенная им методика дефиниции идей заложила основы современной семантики [2].

А. Арно отмечает, что во всех языках можно обнаружить много слов, которые звучат одинаково, но означают разные объекты. Однако есть случаи, когда эти объекты никоим образом не связаны между собой, и тогда человека трудно ввести в заблуждение (например, животное овен и одноименный знак Зодиака). Но есть и такие слова, в которых люди по небрежности своей могут смешать несколько смыслов (например, под определение «душа» можно отнести живое начало и мыслящее начало). Произносящий может не задумываться о ясности и отчетливости выражаемой им идеи и тем самым смешать разные смыслы. Лучшим способом преодоления подобных неопределенностей Арно называет создание нового языка, каждое слово которого будет четко соотнесено с определенной идеей, при этом философ не видит необходимости во вводе новых звуков [1, с. 79-82].

Здесь мы видим имплицирование необходимости создания универсального языка, который послужит средством глобальной коммуникации (в первую очередь, научной). Проблема универсального языка, который будет очищен от выявленных Ф. Бэконом «идолов площади», актуализировалась именно в XVII веке, когда ключевой концепцией философии стало познавательное отношение индивида к бытию. А. Арно, как мы уже отмечали, находился под влиянием Р. Декарта, поэтому правомерно предположить, что и в области лингвопроектирования он выбрал заданное им направление – создание универсального языка, основанного на одном из естественных языков.

Более того, «Грамматика Пор-Рояля» является одним из наиболее известных проектов в области лингвоконструирования, созданных под влиянием картезианского метода. Она основана на допущении того, что грамматическая теория должна строиться в соответствии с логикой, потому что элементы языка рациональны по своей сути. Антуан Арно и его соавтор

Клод Лансло решили отыскать принципы, общие для всех языков. Иными словами, создать универсальную грамматику, базирующуюся на концептуальной структуре разума.

«Грамматика Пор-Рояля» не была ограничена латынью или каким-либо другим языком, ее авторов больше интересовало объяснение скрытых смыслов, общих для всех языков. Но хотя они использовали примеры из множества языков, их книга была написана на французском, что в то время стало общепринятым [5]. Исследователь французской филологии Ролан Донзэ (1921 – 2011) выяснил, почему у французского языка был в данном случае приоритет. А. Арно и К. Лансло ставили перед собой практическую цель – ясно и естественным образом объяснить принципы правильного использования грамматики, заложенные К.Ф. де Важла (законодателем классицизма в области литературного французского языка), вместо того, чтобы анализировать ее использование. Такой подход, по мнению Донзэ, связывает слово или знак с его смыслом [3]. Вследствие этого «Грамматика Пор-Рояля» сочетала основные философские и лингвистические традиции той эпохи, не только используя преимущество национальной идиомы, но также нанося ущерб конкурирующим языкам и парадигмам, как древним, так и современным. Это понятие превосходства идеологически относилось к древним архетипам: мифическому установлению имен в «Кратиле» Платона или божественно санкционированному словотворчеству Адама в «Книге Бытия» [4].

Авторы «Грамматики Пор-Рояля» не настаивали на обязательном использовании французского языка в качестве универсального, однако, разыскивая общие для всех языков скрытые смыслы, они также делали акцент на естественном лингвистическом разнообразии и не обозначали требования создания принципиально нового инструмента коммуникации. Этим мы доказываем, что А. Арно следовал рационалистическому вектору, заложенному в философии языка Р. Декартом.

Сам А. Арно напрямую связывал ясность языка с чистотой мышления, а это, в свою очередь, по его мнению, обуславливало необходимость рационального упорядочения структуры языка в соответствии с представленной программой. Только в таком виде язык мог соответствовать научному мышлению, которое актуализировалось в Новое время. Предложенная Арно система, применимая к любому естественному языку, способна устранить недопонимания и двусмысленности, которые препятствуют полноценному познанию.

Библиографический список

1. Арно А., Николь П. Логика, или искусство мыслить. Пер. с франц. В.П. Гайдамака. М.: Наука, 1997
2. Chapman S., Routledge C. Key Thinkers in Linguistics and the Philosophy of Language. Oxford: Oxford University Press, 2005, 133 p.
3. Donzé R. La Grammaire générale et raisonnée De Port-Royal. Editions Francke Berne, 1967, 264 p.
4. Henry F.G. Language, Culture, and Hegemony in Modern France: 1539 to the Millennium. Birmingham, Ala: Summa Publications Inc., 2008, 287 p.
5. Subbiondo J.L. Universal Language Schemes and Seventeenth-Century Britain. Concise History of the Language Sciences: From the Sumerians to the Cognitivists, in E.F.K. Koerner and R.E. Asher (ed.), Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 497 p.

Кругляк Е.Е.

*Национальный исследовательский государственный
Саратовский университет им. Н.Г. Чернышевского*

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА КАНАДЫ

Аннотация

Статья посвящена анализу семантических особенностей канадского варианта французского языка. Развиваясь обособленно от французского языка Франции, канадский вариант французского языка приобрёл свои отличительные черты. Одной из таких черт является наличие лексических единиц с изменённой семантикой, семантических англицизмов.

Abstract

The article covers the analysis of Canadian French semantic peculiarities. The Canadian option of French, developing independently from French of France, acquired its own distinguishing features. One of these features is existence of lexical items with transformed semantics and semantic anglicisms.

Ключевые слова: языковой контакт, взаимовлияние языков, канадский вариант французского языка, семантическая структура слова, изменения семантики слова.

Keywords: language contact, reciprocal influence of languages, Canadian French, semantic structure of the word, semantic transformations of the word.

Французский язык в мире широко представлен в виде своих территориальных вариантов, каждый из которых имеет свою специфику, обусловленную историей языковых контактов с другими языками. Наиболее значительным является контакт французского языка с английским. Начался он ещё в X веке и продолжается до настоящего времени. Роль языка приоритетной культуры менялась в разные исторические эпохи (в X – XVI вв. языком приоритетной культуры являлся французский язык, а в XVII – XX вв. – английский язык).

На территории Канады два языка стали активно взаимодействовать лишь во второй половине XVIII века, после того как Канада официально стала английским владением (1791 г.). И если английский язык заимствовал из французского языка, в основном, географические названия, названия флоры и фауны и т.д. (заимствование данных тематических групп объясняется, прежде всего, тем, что французы раньше англичан оказались на территории Канады и освоение этой страны велось первоначально французами), то французский язык заимствует из английского языка политическую и юридическую терминологию.

Наиболее заметное влияние английского языка на французский язык на территории Канады наблюдается со второй половины XVIII века. Однако постепенно франкоязычные канадцы начинают воспринимать английские заимствования как угрозу не только их языку, но и культуре в целом. Со второй половины XX века в Канаде начинается «эпоха языковых законов» (были приняты законы о содействии французскому языку Канады, об официальном языке Канады, Хартия французского языка Канады и др.). Во франкоязычных провинциях Канады ведётся активная борьба с англицизмами. И если в начале языковая политика была ориентирована только на общефранцузский стандарт, то сегодня она направлена также и на сохранение специфики канадского варианта французского языка.

Канадский вариант французского языка имеет свои особенности. Изменения, произошедшие в результате контакта французского языка с английским на территории Канады, затрагивают все уровни языка, но более всего лексический и семантический. Политическая и языковая ситуации в Канаде привели к тому, что прямое лексическое заимствование из английского языка стало затруднительным на территории франкоязычных провинций Канады. Однако процесс заимствования не прекратился. Находясь на протяжении нескольких веков в тесном контакте с английским, испытывая сильное влияние последнего в условиях политической, экономической и культурной зависимости франкоканадцев от англоязычного населения этой страны, французский язык Канады стал заимствовать не лексические единицы, а значения близких по семантике английских слов, что привело к появлению многочисленных семантических заимствований [1]. Традиционно считается, что число семантических заимствований значительно меньше, чем лексических. Более того, семантические заимствования трудно выявить, как трудно выявить и слово-прототип, служащий источником заимствования. Собственно этим фактом и объясняется малое

количество исследований по семантическим заимствованиям, а следовательно и актуальность данного исследования.

Выбрав объектом исследования семантические заимствования в общественно-политической лексике канадского варианта французского языка, мы попытались определить механизм семантических изменений и степень влияния английского языка на семантику общественно-политической лексики. Для этого были поставлены следующие задачи:

- 1) выявление семантических изменений (трансформаций) в общественно-политической лексике канадского варианта французского языка;
- 2) определение причин, приведших к появлению семантических изменений;
- 3) анализ процессов семантического заимствования и калькирования;
- 4) выведение продуктивных типов семантических трансформаций.

Административно-государственное управление, судопроизводство, юриспруденция, законодательная и дипломатическая деятельность в Канаде осуществляются на двух языках. В общественно-политической лексике английского и французского языков встречается довольно много слов с одинаковой орфографией; это объясняется тем, что оба языка обладают общим фондом, сформированным из слов латинского происхождения. Однако, имея общее происхождение и одинаковое написание, эти слова прошли различные пути семантического развития и их значения стали иными [2]. Как показало исследование, общественно-политическая лексика французского языка Канады характеризуется наличием в её составе большого количества семантических англицизмов. Под семантическими англицизмами мы понимаем слова французского происхождения, которые заимствовали одно или несколько значений у аналогичного английского слова, например: *application* (общешанс. «применение, использование; осуществление, претворение, проведение (в жизнь), исполнение, выполнение, реализация») в значении «кандидатура», *argument* (общешанс. «аргумент, довод») в значении «обсуждение, дискуссия, *questionner* (общешанс. «задавать вопросы; опрашивать; спрашивать о чем-либо; расспрашивать») в значении «подвергать сомнению».

Следствием семантического заимствования является изменение семантической структуры слова или его лексического значения.

В рамках нашей работы были отобраны 3250 лексических единиц общественно-политической лексики из франкоканадских газетных и журнальных статей, помещенных в Интернете (*Journal des débats de l'Assemblée nationale*, *Journal des débats de Commission permanente des finances publiques*, *Communiqué*, *Liberté*, *Presse franco-canadienne*, *Presse Canadienne Halifax*, *Service de nouvelles de l'APF*, *Le Carillon*, *Le Moniteur acadien*, *Le Nord*, *Le Voyageur*, *Le Reflet de Prescott-Russell*, *Le Devoir Éditorial*, *Nouvelles générales* и др.). В результате их сопоставления с аналогичными лексическими единицами французского языка Франции оказалось, что 886 из них имеют те или иные семантические изменения.

Как показал проведенный анализ, по типу семантических изменений общественно-политическую лексику французского языка Канады можно разделить на три группы:

I) лексические единицы, семантическая структура которых изменена в результате включения дополнительного значения (например, глагол *rencontrer* заимствовал из английского языка следующие значения: 1) выполнять обязательства 2) отвечать на аргументы, на обвинение 3) получать поддержку, апробацию 4) отвечать на пожелания, на требования 5) оправдывать прогнозы 6) знакомиться 7) разъезжаться);

II) лексические единицы, семантическая структура которых не изменена, но имеет место изменение (расширение, сужение, метонимический перенос и т.д.) одного или нескольких лексических значений слова (например, у глагола *abolir* «общешанс. отменять, упразднять, уничтожать» во французском языке Канады появилось более широкое значение «ликвидировать» (от англ. *to abolish*);

III) комбинированный тип семантического изменения (имеются изменения на уровне как лексических значений слова, так и самой семантической структуры лексической

единицы за счёт включения в неё дополнительного значения) (например существительное *administration*, имеющее во французском языке Франции значения «1) управление, заведование, администрирование; исполнение обязанностей 2) администрация; управление, административное учреждение; административно-хозяйственная часть 3) государственное ведомство, правительственное учреждение 4) назначение лекарства», заимствовало у аналогичного английского существительного дополнительное значение «правительство (федеральная или провинциальная администрация)» и дифференциальную сему «муниципалитет; мэрия»).

Согласно результатам исследования наиболее многочисленной является первая группа, представляющая изменения в семантической структуре лексических единиц. В данной группе семантических изменений нами были выделены четыре подгруппы: сохранение канадским вариантом французского языка значения, исчезнувшего во французском языке Франции; заимствование отдельного значения из английского языка; одновременное заимствование отдельного значения и сохранение значения, исчезнувшего из французского языка Франции; переструктуризация значений в семантической структуре слова. Как показал анализ, заимствование отдельного значения из английского языка в данном типе семантических трансформаций является самым продуктивным.

Во второй группе семантических трансформаций наиболее часто встречаемым является смещение значения, затем идёт сужение значения и расширение значения слова, и наконец, смена частоты употребления. Также в результате проведенного анализа было обнаружено появление конкретного или абстрактного значения, одновременное сужение и расширение значения, смена пейоративной коннотации на мельоративную, прямого значения на косвенное и наоборот. Смещение и сужение значения встречаются довольно часто и таким образом представляют собой наиболее продуктивные модели семантических трансформаций.

Относительно третьей группы, или комбинированного типа семантических трансформаций, следует отметить, что она является самой малочисленной. В рамках этой группы наиболее частыми наряду с заимствованием нового значения являются сужение и смещение значений, имеющихся у лексической единицы.

Таким образом, канадский вариант французского языка является ярким примером влияния процесса глобализации английского языка в мире. Изменения семантического уровня происходят, как правило, на поздних стадиях языкового контакта. Вместе с тем именно они представляют большой интерес, являясь результатом межкультурной и межъязыковой коммуникации двух языковых сообществ.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в курсах лексикологии, истории французского языка, общего языкознания, в этом состоит практическая значимость работы.

Библиографический список

1. Кругляк Е.Е. Семантические англицизмы во французской общественно-политической лексике Канады // *Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых учёных.* – Саратов, 2005. – Вып. 8 – Ч.3. С. 26-28.
2. Кругляк Е.Е. К проблеме семантических изменений в лексике французского языка // *Научные чтения, посвящённые памяти профессора В.Г. Гака, г. Волгоград. 27 января 2005 г.: Сборник статей.* – Волгоград, 2005. - С. 100-103.

Аннотация

В статье рассмотрены понятие и составляющие коммуникативной компетентности младших школьников. Автор приводит подробные результаты эмпирического исследования метода артсинтезтерапии в процессе формирования коммуникативной компетентности младших школьников.

Adstract

The article describes the concept and components of the communicative competence of Junior schoolchildren. The author gives detailed results of the empirical research method of artsynthesis therapy in the process of formation of communicative competence of Junior schoolchildren.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность младших школьников, артсинтезтерапия.

Key words: communicative competence of Junior schoolchildren, artsynthesis therapy.

В конце XX столетия бурное развитие науки, социума, средств массовой коммуникации активизировало процесс обмена информацией разного рода и содержания, что привело к значительной интенсификации отношений в сфере общения, коммуникативному «всплеску» в языковой культуре, языковом и лингвистическом образовании. Возникновение поликультурного сообщества, стирание рамок, перемешивание различных этнонациональных и социальных групп, возрастание требований к коммуникативному взаимодействию и толерантности членов общества определяют острую необходимость формирования у подрастающего поколения коммуникативных умений, слушать и слышать партнера, свободно, навыков сотрудничества, четко и понятно излагать свою позицию, быть терпимым к разнообразным мнениям. Перечисленные тенденции определили формирование коммуникативной компетентности школьников как приоритетную задачу уже на первых ступенях его обучения. Эту проблему подробно освещалась в трудах таких ученых, как М.И.Лисиной, В.А.Кан-Калика Н.Д.Никандрова, А.Б.Добрович, Т.А.Репиной, Е.О.Смирновой, Д.Уилкинза, Ф.Хопкинса и др.

Личность обладающая высоким уровнем сформированности коммуникативной компетенцией обладает всеми видами речевой деятельности, культурой речевого поведения. Коммуникативная или речевая компетентность включает знание основных речеведческих понятий, систему коммуникативных навыков, среди которых главными являются умения и навыки речевого общения применительно к различным сферам, ситуациям взаимодействия, с учётом адресата, стиля [1, с. 103].

Младший школьный возраст – это оптимальный период развития коммуникативной компетентности, а именно активного обучения социальному поведению, искусству общения между детьми разного пола, усвоения коммуникативных и речевых умений [4, с. 94]. Коммуникативные компетенции младших школьников подразделяются на: умение представить себя устно и письменно, написать анкету, заявление, резюме, письмо, поздравление; умение представлять свой класс, школу, страну в ситуациях межкультурного общения; владение способами взаимодействия с окружающими и удаленными людьми и событиями; выступать с устным сообщением, уметь задать вопрос, корректно вести учебный диалог; владение разными видами речевой деятельности (монолог, диалог, чтение, письмо), лингвистической и языковой компетенциями; владение способами совместной деятельности в группе, приемами действий в ситуациях общения; умениями искать и находить компромиссы; наличие позитивных навыков общения в поликультурном, полиэтничном и многоконфессиональном обществе, основанные на знании традиций различных общностей и социальных групп [5, с. 20].

Выделяют следующие критерии развития коммуникативной компетентности младших школьников:

- 1). объем словаря (активного или пассивного) и осознанное его употребление в речи;

- 2). речевая память, возможность быстро запомнить слова и выражения и длительно сохранять их в речевом общении; динамика обогащения словаря;
- 3). слуховая и смысловая ассоциативность при восприятии и творении речи; понимание многозначности слова;
- 4). творение речи в соответствии с его содержанием и с ориентацией на слушателя, к которому она обращена [2, с. 198].

Таким образом, коммуникативная компетентности младших школьников — это совокупность индивидуально-психологических качеств личности, уровня знаний, умений и навыков социально-коммуникативной деятельности, навыков культуры поведения, желания и потребности вступать в социально-коммуникативную деятельность, умение анализировать и адекватно оценивать социально-коммуникативные ситуации. Развитие коммуникативной компетентности младших школьников определяется задачей создания условий для активного обучения социальному поведению, искусству общения между детьми разного пола, усвоение коммуникативных и речевых умений, способов различия социальных ситуаций. Данные задачи решаются с помощью метода артсинтезтерапии.

Артсинтезтерапия — методика обучения специальным приёмам и навыкам различных видов искусств, с помощью которых дети могут выразить свои эмоции и переживания (расширить диапазон эмоционально-образного восприятия и отреагирования различных конфликтных переживаний). К особенностям методики относится использование семи техник: изотерапия, драматургия, риторика, сценическая пластика, библиотерапия, сказкотерапия, арттерапия. Артсинтезтерапия это методика, возникшая в 2001 году, автором которой является врач, психотерапевт, клинический психолог Е.П.Белякова.

Артсинтезтерапия способствует развитию индивидуально-психологических качеств личности младшего школьника — контактности, эмпатии, доброжелательности, повышает уровень знаний. Этот метод формирует умения и навыки социально-коммуникативной деятельности — знание законов бесконфликтного общения с окружающими, развивает навыки культуры поведения, и умение анализировать и адекватно оценивать социально-коммуникативные ситуации, повышает объем словаря, развивает навыки речевой деятельности (монолог, диалог, чтение, письмо), речевую память, способность творения речи [3, с.107].

Экспериментальная деятельность по развитию коммуникативной компетентности младших школьников средствами артсинтезтерапии проводилась в МБОУ СОШ № 132 городского округа Самары в рамках педагогической практики студентов, обучающихся по профилю «Начальное образование» в 2014-2015 учебном году. Исследование проводилось студентами 2 курса под руководством коллектива педагогов МБОУ СОШ № 132 городского округа Самары, а также коллектива ученых кафедры психологии и социальной педагогики ФГБОУ ВПО «Поволжской государственной социально-гуманитарной академии». В исследовании принимали участие 52 учащихся в возрасте от 7 до 8 лет.

Экспериментальная деятельность проводилась в три этапа. Первый этап — констатирующий, был посвящен диагностике коммуникативной компетентности младших школьников. В классах была проведена диагностика коммуникативной компетентности с помощью психодиагностической методики определения уровня развития коммуникативных способностей Н.Е. Вераксы, методики экспертных оценок коммуникативных качеств младших школьников Л.М. Фридман. На втором, собственно формирующем, этапе по результатам исследования был составлен комплекс развивающих занятий с использованием метода артсинтезтерапии для развития коммуникативной компетентности младших школьников. На третьем, контрольном, этапе была проведена повторная диагностика с помощью психодиагностической методики определения уровня развития коммуникативных способностей Н.Е. Вераксы, методики экспертных оценок коммуникативных качеств младших школьников Л.М.Фридман.

По результатам констатирующего эксперимента исследования в контрольной группе с помощью методики определения уровня развития коммуникативных способностей

Н.Е.Вераксы был выявлен высокий уровень развития коммуникативных способностей у 18% испытуемых, средний уровень — у 29% испытуемых, низкий уровень — у 53% испытуемых. В экспериментальной группе были получены следующие результаты уровня развития коммуникативных способностей: у 15% испытуемых выявлен высокий уровень, у 28% испытуемых был выявлен средний уровень развития коммуникативных способностей, у 42% испытуемых был выявлен низкий уровень. В контрольной группе с помощью методики экспертных оценок коммуникативных качеств младших школьников Л.М.Фридман были выявлены следующие показатели: высокая степень развития коммуникативных качеств выявлена у 17% испытуемых, средняя степерь — у 23% испытуемых, низкая степень развития коммуникативных качеств выявлена у 60% испытуемых. В экспериментальной группе было выявлено, что у у 15% испытуемых наблюдается высокая степень развития коммуникативных качеств, у 26% испытуемых выявлена средняя степень развития коммуникативных качеств, у 59% - низкая степень.

По окончании формирующего этапа экспериментальной деятельности для определения уровня развития коммуникативных способностей младших школьников нами вновь были применены психодиагностические методики. Полученные данные свидетельствуют, что в контрольной группе по-прежнему у 53% испытуемых сохраняется низкий уровень развития коммуникативных способностей, у 60% испытуемых по-прежнему выявлена низкая степень развития коммуникативных качеств. В экспериментальной группе проводился составленный нами комплекс развивающих занятий с использованием метода артсинтезтерапии, поэтому у 72% испытуемых выявлен высокий уровень развития коммуникативных способностей, у 15% испытуемых — средний уровень, 13% испытуемых — низкий уровень, у 68% испытуемых была выявлена высокая степень развития коммуникативных качеств, у 24% - средняя степень, у 8% испытуемых — низкая степень развития коммуникативных качеств.

Для доказательств значимости изменений уровня коммуникативных способностей и степени коммуникативных качеств младших школьников использовался непараметрический критерий Q-критерий Розенбаума.

Таблица 1. Значение Q-критерия Розенбаума по результатам исследования коммуникативной компетентности младших школьников

Название методики	Показатель Q-критерия Розенбаума
Психодиагностическая методика определения уровня развития коммуникативных способностей Н.Е.Вераксы	Qэксп = 1,938; достоверно при $p = 0,05$
Методика экспертных оценок коммуникативных качеств младших школьников Л.М.Фридман	Qэксп = 1,938; достоверно при $p = 0,05$

Выявленные значения находятся в зоне неопределенности, что свидетельствует о наметившейся положительной динамике в повышении уровня развития коммуникативных способностей и повышении степени коммуникативных качеств младших школьников. Составленный и апробированный комплекс развивающих занятий с использованием метода артсинтезтерапии способствует развитию коммуникативной компетентности младших школьников. Учитывая, что в настоящее время развитие коммуникативной компетентности младших школьников средствами артсинтезтерапии остается актуальной, работу над совершенствованием средств и методов артсинтезтерапии в психолого-педагогической деятельности с младшими школьниками необходимо продолжать.

Библиографический список

1. Гамзатова Д.Ф. Совершенствование речевой культуры младших школьников как средство формирования коммуникативной компетентности // European social science journal. М., 2012. № 10-2 (26). С. 102-107.
2. Мишина И.Н., Коростелева Е.Ю. Дидактические средства формирования умений и навыков по развитию речи младших школьников // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2012. № 4 (11). С. 196-198.
3. Московкина А.Г., Вальдес-Одриосола О.М.С. Роль арттерапии в преодолении коммуникативных проблем у детей // Теория и практика общественного развития. 2015. № 1. С. 106-107.
4. Пальцева Л.И. Развитие речи и формирование речевых умений и навыков в начальной школе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2014. № 4. С. 92-94.
5. Петренко Е.Г. Внутришкольное управление процессом развития коммуникативной компетентности младших школьников // автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Белгородский государственный университет. Белгород, 2010

СЕКЦИЯ 15. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

УДК 81

Гейко Н.Р.

Костанайский филиал Челябинского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Аннотация

Статья посвящена лексическим проблемам перевода, возникающим при передаче англоязычной общественно-политической лексики на русский язык. На материале современных электронных СМИ показаны основные трудности перевода общественно-политической лексики. Среди основных проблем перевода с английского языка на русский теоретики и практики перевода выделяют передачу многозначных слов, ложных друзей переводчика, неологизмов и безэквивалентных лексических единиц.

Abstract

The article is devoted to the lexical problems of translation of socio-political vocabulary from English into Russian. The main problems of the translation of socio-political vocabulary are presented by the way of example of the current English mass media. Theorists and practitioners of translation point to the polysemantic words, translator's false friends, neologisms and culture-specific vocabulary among the lexis which provoke problems of translation.

Ключевые слова: общественно-политическая лексика, проблемы перевода, многозначные слова, безэквивалентная лексика, ложные друзья переводчика

Keywords: socio-political vocabulary, problems of translation, translator's false friends, polysemantic words, culture-specific vocabulary

Переводчик, начинающий или имеющий огромный стаж работы, в своей практической деятельности сталкивается с рядом проблем, разрешение, которых может занять довольно длительное время, а одним из требований, предъявляемых к переводческим агентствам и бюро в XXI веке, является оперативность. Поэтому знание языков и умелое применение всех средств, доступных для переводчика, является залогом успеха на современном рынке труда.

Проблемы перевода могут возникнуть из-за различий в языках на лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях.

Данная статья посвящена лексическим проблемам перевода, так как различия между языками, обусловленные различием культур, заметнее всего в лексике, поскольку номинативные средства языка наиболее прямо связаны с внеязыковой действительностью.

Одной из основных лексических проблем перевода является выбор слова. Задача переводчика состоит в том, чтобы найти нужное слово, которое было бы адекватно английскому (русскому) слову, т. е. имело бы то же значение, ту же стилистическую окраску и вызывало бы у читателя те же ассоциации.

Таким образом, переводчик всегда должен обращаться к контексту для раскрытия значения слова и адекватной его передачи в переводе.

Изучение статей, практических руководств, учебных пособий, учебников для лингвистов и переводчиков показало, что основное внимание при переводе общественно-политических текстов в них уделяется таким проблемным вопросам как трудности перевода многозначных слов, неологизмов, ложных друзей переводчика, безэквивалентной лексики, иноязычных вкраплений [1, 2, 6, 7]. Необходимо отметить, что эта лексика провоцирует многочисленные переводческие ошибки, о чем свидетельствуют учебные переводы

студентов языковых специальностей как на начальном этапе, так и на последнем курсе обучения [4].

При переводе многозначных слов, предложение выступает узким контекстом, который и помогает выбрать нужный переводческий эквивалент.

Например: слово *nation* имеет следующие значения – государство; страна; нация, народ, народность; федерация (т.е. США в отличие от отдельных составляющих их штатов); все жители страны; язычники, народы, населяющие землю, народы мира; племя; объединение племён; землячество (в средневековом университете) и др. [9].

1) "Unfortunately in recent years the face of Iran, a great and civilized nation, has been presented in another way," he said in comments on his official Web site.

«К сожалению, в последние годы облик Ирана, великой и цивилизованной нации, представлялся в ином свете, — написал он на своем официальном сайте [8].

2) What would be truly historic is having the nations' two presidents come together – which would be a first in the Islamic Republic's 34-year history.

Поистине историческим моментом стала бы встреча президентов двух стран — первая в 34-летней истории Исламской Республики Иран [8].

Для перевода многозначного слова переводчик сначала отыскивает нужное значение, а затем уже в пределах данного значения находит наиболее соответствующее, для данного контекста вариантное соответствие.

Практика показывает, что определенные трудности при переводе общественно-политической лексики вызывают лексические единицы, значения которых не всегда ясны получателям информации, либо эквиваленты вообще отсутствуют в языке перевода. Такие лексические единицы чаще всего переводятся описательно, либо с применением переводческих комментариев.

Проиллюстрируем вышесказанное примерами из современных электронных СМИ:

1) *My parents, for example, were married in Fife on Christmas Day.*

Например, мои родители поженились в Файфе (Fife — графство в Шотландии, — прим. перев.) в день Рождества [5].

2) *redistricting process* – процесс пересмотра границ избирательных округов [10],

3) *anti-sexism group* – сторонники движения за равные права женщин,

libertarian – сторонник свободы мысли и деятельности; борец за свободу [11],

4) *Backlash* – мощная обратная реакция группы людей (обычно негативная; на событие, закон, тенденцию развития, которые устанавливают преимущества для других групп людей, "бумеранг", ответная реакция на какое-то политическое решение, действие; ответные меры [14],

5) *maverick* – политик, не принадлежащий ни к одной из действующих партий [12].

При переводе слов, которые в двуязычных словарях даны описательно, не обязательно пользоваться словарным толкованием. Почти всегда есть возможность варьировать перевод, подбирать наиболее удачные слова с учетом контекста.

Особого внимания при переводе заслуживают лексические единицы, заимствованные из третьих языков. Примером служит следующее предложение:

According to Mr. Putin, Washington has created chaos across the world by conspiring to foment revolutions, including what he views as an armed "coup d'état" in Ukraine.

Г-н Путин утверждает, что Вашингтон сеет хаос, строя заговоры и провоцируя революции — такие, как события на Украине, которые российский лидер считает вооруженным переворотом [3].

Словосочетание *coup d'état* – государственный переворот [9].

А также лексические единицы *du jour* – очень модный и популярный, *bête noire* – предмет особой ненависти или отвращения; жупел в предложениях:

One administration official, who dealt with Kumar during the fiscal-cliff talks, called him an "evil genius" whom the White House never trusted totally but viewed as a principled opponent who

knew the policy, had “a nose for the deal” and was always genuinely trying to defuse the bomb du jour [13].

Many hope that Laws will return to the Cabinet in the not too distant future. However, he remains a bête noir of the Lib Dem left [12].

В ходе проведенного исследования мы пришли к следующим выводам, что в своей практической работе переводчик общественно-политических текстов для решения проблем перевода:

- опирается на теорию перевода, в которой разработаны принципы перевода и установлены наиболее важные закономерные соответствия для достижения адекватного и эквивалентного перевода,

- использует переводческий инструментарий (словари, дополнительные источники информации, интернет и т.д.) для нахождения необходимого эквивалента и верного перевода общественно-политической лексики,

- применяет лексические трансформации для достижения прагматики и стилистики перевода, адекватного перевода,

- опирается на фоновую информацию с целью верного истолкования безэквивалентных лексических единиц, одновременно расширяя свои фоновые знания.

Библиографический список

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. фи-лол. и лингв., фак. высш. учеб. заведений. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 352 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. Изд. 4-е. - М.: Издательство ЛКИ, 2013. – 240 с.
3. Владимир Путин ставит Запад перед пугающим выбором ("The Washington Post", США). Режим доступа: <http://inosmi.ru/russia/20141029/223979974.html#ixzz3HtvNX8zE>
4. Гейко Н. Р. Перевод газетных текстов: особенности, проблемы, ошибки (на материале электронных СМИ). Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21100314>
5. Джек И. Отмена рождественских поездов испортила британцев ("The Guardian", Великобритания). Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20141228/225222201.html>
6. Мисуню Е. А. Перевод с английского языка на русский язык: практикум: учеб. пособие. Минск: Аверсэв, 2009. 255 с.
7. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. Дополнения и комментарии Д.И. Ермоловича. – 4-е изд. стереотип. – М.: Р.Валент, 2010. – 244с.
8. Фишер М. На сей раз Генассамблея ООН действительно важна. Вот восемь причин, почему это так ("The Washington Post", США). Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20130924/213265185.html>
9. АBBY Lingvo 12 [Электронный ресурс]: словарь. 2006. CD-Rom.
10. Cillizza С. Rodney Alexander retired from Congress yesterday. Here’s why you should care. Режим доступа: <http://www.washingtonpost.com/blogs/the-fix/wp/2013/08/07/rodney-alexander-retired-from-congress-yesterday-heres-why-you-should-care/>,
11. Cillizza С. What to watch for at President Obama’s press conference. Режим доступа: <http://www.washingtonpost.com/blogs/the-fix/wp/2013/08/09/what-to-watch-for-at-president-obamas-press-conference/?hpid=z1>,
12. Dale I. Top 50 most influential Liberal Democrats: 1-25. Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/news/politics/liberaldemocrats/10315040/Top-50-most-influential-Liberal-Democrats-1-25.html>
<http://inosmi.ru/world/20130924/213265185.html>
13. Montgomery L. Departure of GOP operatives could imperil debt-limit talks. Режим доступа: http://www.washingtonpost.com/business/economy/departure-of-gop-operatives-could-imperil-debt-limit-talks/2013/08/08/9f595306-0037-11e3-9711-3708310f6f4d_story.html

14. Wilson S. Obama wrestles with pragmatism and idealism as Egypt's crisis rages. Режим доступа: http://www.washingtonpost.com/politics/obama-cancels-egypt-joint-military-exercise-over-crackdown-but-leaves-aid-in-place/2013/08/15/4001e208-05b2-11e3-88d6-d5795fab4637_story.html?hpid=z1

ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ АНГЛО-АМЕРИКАНИЗМОВ В СЛОВАРЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Аннотация

В статье анализируются основные причины заимствования англо-американизмов в литературе по организационной психологии. Организационная психология как самостоятельная отрасль науки зародилась в начале XX века в США. Вместе с новыми реалиями в русскую языковую среду стали активно проникать ранее не употреблявшиеся или ограниченно употреблявшиеся иноязычные термины.

Absrtact

The article analyzes the main reasons of borrowing of Anglo-Americanisms in the literature on organizational psychology. Organizational Psychology as an independent branch of science began in the early XX century in the United States. Previously unused or partially used foreign-language terms with the new realities have been actively penetrate into the Russian language environment.

Ключевые слова: англицизмы, англо-американизмы, лексическое заимствование, организационная психология.

Key words: Anglicisms, Anglo-Americanisms, loanwords, organizational psychology.

Английский язык сегодня признан языком международной коммуникации, обеспечивающим информационный обмен в различных областях науки, экономики, культуры, туризма, образования. Этим объясняется непрекращающийся рост заимствований в языки мира слов английского происхождения, особенно американского варианта английского языка. Как подчеркивают исследователи, заимствования появляются, прежде всего, в слабо разработанных семантических зонах, отдельные объекты и характеристики которых еще не вербализованы в том или ином языке, и могут служить своего рода маркерами лакун [2, с. 11].

Одной из таких зон в русском языке является область организационной психологии, изучающей вопросы набора, отбора и распределения сотрудников в организациях, обучения, социализации и мотивации персонала, удовлетворенности работой и производительности труда, преданности компании и текучести кадров, а также условия труда, лидерство, стили управления, профессиональное выгорание и т.д.

Научный подход к изучению организаций стал формироваться в США в начале XX века. Зарождение организационной (индустриальной) психологии как особой практико-ориентированной научной дисциплины обычно связывают с публикацией в 1913 году книги американского психолога Г.Мюнстерберга «Психология и эффективность производства» («Psychology and Industrial Efficiency»). Книга пользовалась такой популярностью, что вошла в список бестселлеров. Последователи Г.Мюнстерберга, среди которых Ф. Тейлор, У. Скотт, Ф. Гилберт и др., занимались вопросами отбора работников, организации производственного процесса, структурирования рабочего времени, проводя разного рода исследования на заводах и фабриках. За прошедшее столетие профессиональный мир очень изменился: он стал более сложным и менее предсказуемым, чем прежде. Опубликовано множество работ, касающихся психологических аспектов жизни организаций. Окончательное становление

организационной психологии как самостоятельной дисциплины исследователи относят ко второй половине 60-х годов, а ее формальное признание произошло лишь в 1973 году, когда Американская психологическая ассоциация (АРА) признала самостоятельность нового научного направления, переименовав одну из своих секций в секцию индустриальной и организационной психологии. А уже к началу 80-х годов это направление психологической науки стало не только признанным во всем мире, но и превратилось в одну из наиболее популярных университетских специализаций. Вместе со специализированной литературой в лексикон отечественной науки пришли англо-американские заимствования, ранее не употреблявшиеся или ограниченно употреблявшиеся в русском языке.

М.А. Брейтер выделяет следующие причины заимствований [3, с.132-135]:

- отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора;
- отсутствие соответствующего, более точного наименования в языке-рецепторе, либо его «проигрыш» в конкуренции с заимствованием. Так, некоторые заимствования в силу, например, более легкого произношения или более конкретной семантики вытесняют частично или полностью ранее освоенные или исконно русские языковые единицы. В организационной психологии привычнее звучит «имидж руководителя» нежели «образ», «дизайн организации» вместо «конструирование структуры организации и связей между элементами структуры»;

- обеспечение стилистического эффекта;
- выражение позитивных и / или негативных коннотаций, которыми не обладает эквивалентная единица в языке-рецепторе. Например, среди носителей русского языка распространено представление о том, что иностранные технологии являются более прогрессивными по сравнению с российскими, иностранные исследования более надежны и т.п.

Л.П.Крысин называет преимущественно интралингвистические причины заимствований:

- потребность в наименовании новой вещи, нового явления;
- необходимость разграничить содержательно близкие, но все же различающиеся понятия;
- необходимость специализации понятий в той или иной сфере, для тех или иных целей;
- предпочтение обозначать цельный, не расчлененный на отдельные составляющие объект «цельно», нерасчлененно, а не сочетанием слов;
- восприятие иноязычного слова как более престижного, «ученого», «красиво звучащего»;
- коммуникативная актуальность обозначаемого понятия [8, с. 58].

С.В. Гринёв, обобщая выводы исследователей по вопросам иноязычных заимствований, выделяет следующие экстралингвистические причины: 1) культурное влияние одного народа на другой; 2) наличие устных или письменных контактов стран с разными языками; 3) повышение интереса к изучению того или иного языка; 4) авторитетность языка-источника (что иногда приводит к заимствованию многими языками из одного и появлению интернационализмов); 4) исторически обусловленное увлечение определенных социальных слоев культурой чужой страны; 5) условия языковой культуры социальных слоев, принимающих новое слово [5, с. 112].

Дьяков А.И. упоминает также активизацию связей с Западом, изменения в менталитете русскоговорящих людей [6, с. 152]. В.М. Аристова в качестве одной из причин называет «новаторство нации в определенной сфере деятельности» [1, с. 11].

Практически все вышеперечисленные причины, за исключением тенденции к экспрессивности, актуальны для заимствований в научной терминологии организационной психологии. Действительно, круг новых понятий и явлений, имеющих русское происхождение, в данной научной области ограничен. Поэтому более простым и эффективным считается заимствование уже существующей номинации.

Так как «территорией» зарождения организационной психологии явились США, а английский язык считается международным, то и русский вокабуляр терминов организационно-индустриальной психологии пополняется в основном за счет англо-американизмов. Благодаря переводной литературе и СМИ названия новых терминов организационной психологии начинают самостоятельную жизнь в русском языке. Часть заимствований из сугубо профессиональной сферы переходит в узуз многих русскоговорящих людей. Например, в вышеупомянутом исследовании Г.Мюнстеберга «Psychology and Industrial Efficiency» мы встречаем такие слова и словосочетания как case, consulting psychologist, display, fitness, grading, leader, management, self-analysis, self-observation, self-knowledge, test, training, вошедшие не только в лексикон научной литературы, но и в повседневные язык и речь: кейс, консалтинг, дисплей, фитнес, грейдинг, лидер, менеджмент, самоанализ, самонаблюдение, самопознание, тест, тренинг и т.д.

Кроме того, англо-американизмы не только номинируют новое понятие, но и одновременно заменяют собой громоздкие описательные русские обороты.

Например, говоря о выполнении компанией определенных задач, бизнес-функций или бизнес-процессов, обычно не являющихся частью ее основной деятельности, но все же необходимых для полноценного функционирования бизнеса, индустриальные психологи, скорее всего, используют слово аутсорсинг (outsourcing). А радикальную перестройку бизнес-процессов организации, цель которой состоит в повышении качества товаров и услуг и в снижении издержек, обозначат реинжиниринг (reengineering).

По мнению А. И. Дьякова, англицизмы имеют перед русскими синонимами то преимущество, что аттестуют говорящего в социальном плане в определенных сферах более высоко, подчеркивают уровень информированности и претендуют на превосходство определенной группы, использующей эту лексику [6, с. 156]. Так, в литературе для специалистов по организационной психологии появляются новые речевые обороты: вместо индивидуальное консультирование – лайф-коучинг («life coaching – персональный коучинг жизненных решений» [7, с. 7]), вместо национально-культурные особенности – «индигенные (от англ. «indigenous» – местный, то есть специфичный для конкретной местности / культуры) концепции неформальных отношений в организациях» [4, с. 31].

Полагаем, что основными причинами англо-американских заимствований в организационной психологии являются следующие:

- потребность в наименовании новых явлений, пополнение или даже создание некоей лексико-семантической группы, отсутствующей или недостаточной в определенный исторический момент в русском языке, например: супервизия (форма обучения психологов, тренеров, имеющих опыт практической деятельности) – англ. supervised practicum (стажировка по вопросам организационной психологии);

- необходимость в специализации понятий: маркетинг (рынок) – англ. marketing (market = рынок), менеджер (руководитель, управленец) – англ. manager (manage = руководить, управлять), менеджмент (управление) – англ. management, аудит (ревизия) – англ. audit;

- компактность, однозначность, нейтральность заимствованного термина: тренинг (проведение групповых развивающих занятий) – англ. training, от train – тренироваться; ассессмент-центр (комплексная психодиагностика с использованием различных методов) – англ. assessment center (центр оценки); рекрутинг (поиск и подбор персонала) – англ. recruiting (найм), скрининг (отсевание поступающих на работу) – англ. screening (отбор, селекция), фронт-лайн персонал (персонал первой линии взаимодействия с клиентами, первой зоны контакта) – англ. front line (передняя линия, линия фронта, передовая);

- наличие в международном употреблении сложившихся систем терминов на базе английского языка. К примеру, SWOT-анализ, постановка цели по SMART, диагностическое интервью с кандидатом на вакансию по технологии STAR (situation – task – actions – result; ситуация – задача – действия – результат).

Анализ литературы по организационной психологии показал, что заимствования придают текстам престижность, красивое, «приподнятое» звучание. Но иногда мера и

избирательность в применении иноязычной лексики начинает утрачиваться. Можно сказать, что побеждает общий настрой на западную моду, либо переводчик не утруждает себя подбором русскоязычных эквивалентов. В качестве подтверждающего примера приведем цитату из публикации в российском журнале «Организационная психология»:

«В настоящее время существуют две базовые парадигмы тайм-менеджмента, различаемые по объекту управления: управление делами во времени; управление субъективным восприятием времени, отношением ко времени и с временем, восприятием себя во времени <...>. Эту сферу можно очень точно и коротко обозначить на английском – time mentality. Русский аналог – «психология времени» – нам нравится меньше. Прямой перевод – «временной менталитет» – ещё хуже. Поэтому, да простит нас читатель, будем пользоваться английским вариантом. Отсюда рождается название общего подхода: time mentality management» [9, с.31].

Таким образом, русский язык заимствует англо-американские термины в сфере организационной психологии для заполнения лакун, образовавшихся в исконной терминологии, что, на наш взгляд, является одной из основных интралингвистических предпосылок заимствования. Не менее важной причиной является возможность экономии языковых средств. Однако порой заимствованные слова употребляются лишь потому, что это модно.

Заметим, что процесс заимствования – это не только расширение лексики языка, но и освоение чужого опыта через язык. В целом, иноязычные слова обогащают русский язык, служат для обозначения новых реалий, разграничения понятий и начинают занимать в нем прочную позицию.

Полагаем, что заимствование в русский язык англо-американских терминов организационной психологии будет продолжаться в связи с общей тенденцией к глобализации, экономической и политической интеграции, а развитие организационной психологии и смежных наук будет стимулировать появление новых лексико-семантических групп.

Библиографический список

1. Аристова В.М. Англо-русские языковые контакты. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 151 с.
2. Богданова Л. И. Иноязычное слово в контексте русской культуры: когнитивный аспект / Л. И. Богданова // Вестник Московского университета. – Серия 19. – Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. № 4. – С. 11-17.
3. Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: Пособие для иностранных студентов-русистов. – Владивосток: Диалог-МГУ, 1997. – 155 с.
4. Григорян Л.К., Лебедева Н.М. Неформальные связи в организации: культурно-специфичный или универсальный феномен? // Организационная психология. – 2013. Т.3.№ 1. – С. 30-45.
5. Гринёв С.В. Терминологические заимствования (Краткий обзор современного состояния вопроса) // Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. – М.: Наука, 1989. – С. 108-124.
6. Дьяков А. И. Деривационная интеграция англицизмов в русском языке конца XX века в функциональном аспекте: диссер. ... канд. филологических наук: 10.02.01. – Новосибирск, 2001. – 295 с.
7. Кларин М.В. Профессиональный стандарт «Коуч»: развитие коучинга как профессии // Организационная психология. – 2014. Т.4. № 1. – С. 6-12.
8. Крысин Л. П. Иноязычные слова в контексте современной общественной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. – М.: Языки русской культуры, 1996. С. 142-161.
9. Мастеров Б.М., Некроенко Л.М. Чем мы управляем, «управляя временем»: парадигмы и технологии тайм-менеджмента // Организационная психология. – 2014. Т.4. № 2. – С. 29-45.

СЕКЦИЯ 16. Прикладная и математическая лингвистика

УДК 81

Долгова А.А., Киселева Н.А.

филиал Омского государственного педагогического университета в г. Таре

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕТОДОВ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация

Статья посвящена проблеме внедрения информационных технологий в образовательный процесс. Автор изучает возможности использования корпусной лингвистики в обучении, разрабатывает методические рекомендации для использования Национального корпуса русского языка в преподавании, описывает апробацию разработанных методов на уроке немецкого языка в 10 классе. Статья рассчитана на лингвистов, учителей иностранного языка.

Abstract

The article is devoted to the problem of introduction of the informational technologies in the educational process. The author studies the possibility of using of the corpus linguistics in teaching, devises methodical recommendations for the use of the National corpus of the Russian language in teaching, describes the approbation of the worked out methods at the German lessons in the 10th class. This article is destined for linguists, teachers of foreign languages.

Ключевые слова: Лингвистика, информационные технологии, Национальный корпус русского языка, немецкий язык.

Key words: Linguistic, IT, National corpus of the Russian language, German language.

В настоящее время в современном обществе роль информационных технологий чрезвычайно важна, они занимают центральное место в процессе развития общества, его системы образования и культуры. Широкое использование информационных технологий в самых различных сферах деятельности человека диктует целесообразность скорейшего ознакомления с ними, начиная с ранних этапов обучения и познания. Информатизация образования требует теоретического обоснования и выбора используемых информационных технологий. Естественно, что стремление активно применять современные информационные технологии в сфере образования должно быть направлено и на повышение качества проведения урока иностранного языка.

Недостаточная разработанность проблемы внедрения информационных технологий в образовательный процесс (в том числе и по немецкому языку) послужила поводом для нашего исследования. Мы проанализировали возможности использования Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [8] при обучении немецкому языку в школе. В результате проделанной работы достигли основной цели, а именно, изучили возможности использования методов корпусной лингвистики в обучении немецкому языку, апробировали возможности использования НКРЯ на уроках и пришли к выводу, что Национальный корпус русского языка целесообразно использовать в преподавании языков.

Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанные нами методические рекомендации по использованию корпуса в обучении немецкому языку могут успешно использоваться учителями, что доказывает проведенный нами опыт.

Обратимся к теоретическим вопросам нашего исследования.

В настоящее время все чаще и активнее используются методы компьютерной лингвистики при организации учебной и научной работы лингвистов.

Компьютерная лингвистика – это область знаний, связанная с решением задач автоматической обработки информации, представленной на естественном языке. Центральными научными проблемами компьютерной лингвистики являются проблема моделирования процесса понимания смысла текстов (перехода от текста к формализованному представлению его смысла) и проблема синтеза речи (перехода от формализованного представления смысла к текстам на естественном языке) [3, с. 111].

Важной методологической проблемой прикладной компьютерной лингвистики является правильная оценка необходимого соотношения между декларативным и процедурным компонентами систем автоматической обработки текстовой информации.

Перед компьютерной лингвистикой стоят, прежде всего, задачи лингвистического обеспечения процессов сбора, накопления, обработки и поиска информации.

Осуществление многих лексикографических проектов стало возможным только с использованием электронных баз данных и компьютерных программ. Так, современная лексикография все шире пользуется машинными базами данных, в частности, большими корпусами текстов, в которых компьютер по запросу находит нужные слова. На этой основе сформировалось целое направление – корпусная лингвистика [7, с. 123].

Корпусная лингвистика – это один из разделов лингвистики (компьютерной), который занимается разработкой общих норм построения и использования лингвистических корпусов с применением компьютерных технологий. Лингвистический корпус текстов – это большой объем языковых данных, который представлен в электронном виде, он унифицирован, размечен, структурирован, филологически компетентен, предназначен для выполнения различных лингвистических задач. В понятие «корпус текстов» включена и система управления данными (текстовыми и лингвистическими), которую все чаще в последнее время называют корпусным менеджером. Это такая специализированная поисковая система, которая включает в себя программные средства для поиска данных в корпусе, получения статистической информации и предоставления полученных результатов пользователю в удобной форме [6].

Целесообразность создания корпусов и смысл их использования, по мнению В. П. Захарова, определяется следующими аспектами:

- 1) репрезентативный объем корпуса обеспечивает типичность данных и гарантирует полноту представления всего спектра языковых явлений;
- 2) данные разного типа находятся в корпусе в своей естественной контекстной форме, что дает возможность их всестороннего и объективного изучения;
- 3) созданный однажды, подготовленный массив данных может быть использован многократно исследователями и в различных целях [2, с.64].

Можно отметить, что современные лингвистические работы и исследования по составлению словарей и грамматик в какой-то степени направлены на использование авторитетных корпусов текстов. Эволюция современных интеллектуальных программных систем, которые предназначены для обработки текстов, также требует экспериментальной лингвистической базы. Именно с появлением соответствующих технических возможностей совпал спрос на корпусные данные. Корпусная лингвистика окончательно сформировалась как самостоятельный раздел науки о языке в первой половине 90-х гг. Она тесно взаимодействует с компьютерной лингвистикой, использует ее достижения и, в свою очередь, обогащает ее.

Поиск данных в корпусе позволяет на всякое слово построить конкорданс (список всех возможных употреблений данного слова в контексте со ссылками на источник). Корпусы могут быть использованы для получения различных справок, а также статистических данных о речевых и языковых единицах. К примеру, на основе данных корпусов можно получить справку о частоте словоформ, грамматических категорий, лексем, пронаблюдать изменение частот и контекстов в разные временные периоды, получить данные о совместимости лексических единиц и т.д. Внушительный объем языковых данных за конкретный период дает возможность изучать динамику процессов изменения лексического состава языка,

осуществлять анализ лексико-грамматических характеристик в разных жанрах и у разных авторов и т.д. Корпусы также предназначены быть источником и инструментом многоаспектных лексикографических работ по подготовке разнообразных современных и исторических словарей. Данные корпусов могут использоваться для создания и уточнения грамматик и при обучении языку. Можно отметить, что корпусная лингвистика имеет своим предметом теоретические основы и практические механизмы создания и использования представительных массивов языковых данных, предназначенных для лингвистических исследований в интересах широкого круга пользователей [1, с.475-477].

В начале этого столетия в России начата работа по созданию представительных корпусов для русского языка. Была создана Ассоциация «Национальный корпус русского языка». Национальный корпус русского языка размещен в сети Интернет с 2004 года. Любой желающий может им воспользоваться, однако в первую очередь он рассчитан на лингвистов.

Особым типом корпуса является так называемый параллельный корпус, в котором тексту на русском языке сопоставлен перевод этого текста на другой язык или, наоборот, тексту на иностранном языке сопоставлен его перевод на русский язык. Между единицами оригинального и переводного текста (обычно — между предложениями) с помощью специальной процедуры устанавливается соответствие; эта процедура называется выравниванием, а тексты, соответственно, выровненными. Выровненный параллельный корпус представляет собой важный инструмент для научных исследований (в том числе и для исследований по теории и практике перевода); он может также использоваться при обучении русскому и иностранным языкам.

На наш взгляд, для обеспечения положительных результатов внедрения методов корпусной лингвистики в учебно-воспитательный процесс необходимо придерживаться следующих этапов в работе.

1. Изучение учителем сайта НКРЯ и инструкции по работе с корпусом.
2. Использование корпуса как инструмента для разработки дидактических материалов к уроку.
3. Использование корпуса на отдельном этапе урока в рамках проблемного обучения.
4. Проведения урока – лабораторной работы на сайте НКРЯ.
5. Организация самостоятельной работы учащихся с корпусом в рамках домашнего задания.
6. Использование методов корпусной лингвистики в научно-исследовательской работе школьников [4].

Разработанные нами методические рекомендации по использованию Национального корпуса русского языка в обучении немецкому языку включают следующие методы корпусной лингвистики: автоматизированное извлечение информации, обучение на основе данных корпуса, методы обработки естественного языка и анализ параллельных текстов.

В 10 классе в курсе немецкого языка изучается тема «Средства массовой информации. Действительно ли это четвертая власть?», внутри этой темы изучается такая проблема «Компьютер и его место в жизни молодежи». Мы провели урок по этой теме в виде лабораторной работы с использованием корпуса. Проведенная диагностика результатов обучения показала, что данный урок способствовал развитию учебно-познавательных умений, развитию лексической стороны речи, умению получать сведения из разных источников информации (в том числе через Интернет), необходимых в образовательных и самообразовательных целях.

Для проведения такого занятия была составлена инструкция для учащихся, в которой пошагово, с иллюстрациями, описан принцип работы в НКРЯ с параллельным немецким подкорпусом. Следуя этой инструкции, ученикам было предложено выполнить 3 задания: выявить примеры, в которых семантической единице немецкого языка нет однозначного соответствия в русском; определить семантическую совместимость слов; определить значения омонимов. После того как учащиеся научились работать в корпусе самостоятельно,

мы предложили им домашнее задание, выполнение которого предполагает работу с корпусом. Задание подобрали менее сложное, чем те, которые ученики выполняли на уроках под руководством учителя. Это задание на использование корпуса для выявления полисемии слова.

Проведение данного эксперимента показало, что очевидные преимущества работы в корпусе нельзя не использовать при организации учебной и научно-исследовательской работы учащихся. Благодаря пошаговой инструкции, разработанной нами, знакомство и работа с корпусом не вызвали затруднений у учащихся. Более того, ученики и в дальнейшем стали использовать НКРЯ для обработки информации.

Таким образом, для преподавателей лингвистический корпус – это средство в решении учебных, методических и научных задач, это новые возможности в методике обучения иностранным языкам. Анализ методической литературы [5] показал, что современные преподаватели стремятся овладеть корпусом, понимая его научно-исследовательский и методический потенциал.

Библиографический список

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: учеб. пособие. – М.: Флинта, 2007. – 592 с.
2. Захаров В.П. Корпусная лингвистика: учебно-метод. пособие. – СПб., 2005. – 48 с.
3. Зубов А.В., Зубова И.И. Информационные технологии в лингвистике: учеб. пособие. – М.: Академия, 2004. – 208 с.
4. Киселева Н.А., Долгова А.А. Информационные технологии в обучении иностранным языкам: Национальный корпус русского языка// Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сборник статей международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков» (28 марта 2014 года, г. Омск). – 2014. – С.20-24.
5. Киселева Н.А., Долгова А.А. Методы корпусной лингвистики в работе учителя иностранного языка // Славянские чтения – 9: сборник статей международной научно-практической конференции «Славянские чтения – 9» (24 мая 2014 года, г. Тара). – Омск: Полиграфический центр КАН, 2014. – С. 54-59.
6. Леонтьева Н.Н. Автоматическое понимание текстов: системы, модели, ресурсы: учеб. пособие. – М.: Академия, 2006. – 304 с.
7. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике: учеб. пособие. – М.: Академия, 2008. – 272 с.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]: – Режим доступа: WWW. URL <http://www.ruscorpora.ru>

УДК 81

Киселева Н.А.

филиал Омского государственного педагогического университета в г. Таре

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ РЕШЕНИЮ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДА ИНФОРМАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Аннотация

В статье описывается педагогический эксперимент обучения решению лингвистических задач студентов-филологов с помощью метода информационного моделирования. Определена актуальность исследования, задачи и методы. Представлены констатирующий, обучающий и контрольный этапы эксперимента. Результаты исследования позволили автору сделать вывод об эффективности предложенной методики.

Abstract

Pedagogical experiment of learning linguistic problems' solution for students-philologists by the method of information modeling is described in this article. The relevance of the research, the objectives and the methods were defined. The ascertaining, the learning and the controlling stages of the experiment were given in this article. The results of the research allowed the author make a conclusion about the effectiveness of the proposed method.

Ключевые слова: Лингвистическая задача, информационное моделирование, эксперимент.

Key words: Linguistic problems, information modeling, experiment.

Задача с точки зрения педагогики и психологии является одним из важнейших факторов повышения познавательной и практической активности субъекта обучения. Вместе с тем в традиционной системе обучения русскому языку решение задач не является ведущим методом преподавания. Причиной этому является дискуссионность ряда вопросов в области теории лингвистических задач. До сих пор у ученых нет единого мнения относительно понятия лингвистической задачи, существующие классификации лингвистических задач построены по разным основаниям и имеют разное количество типов задач. Все это объясняет отсутствие устоявшихся, однозначно принятых методик обучения решению лингвистических задач.

Одним из перспективных направлений совершенствования организации и содержания образования является педагогическая интеграция, обусловленная развитием науки и научного знания. Учитывая то, что в свете модернизации и информатизации образования любая методика должна ориентироваться на использование информационных методов и средств, а также недостаточную разработанность методики решения лингвистических задач, представляется актуальной разработка методики обучения решению лингвистических задач на основе интеграции информационного моделирования в образовательный процесс студентов филологического факультета.

Информационное моделирование – это процесс создания информационных моделей и оперирование ими. Общие методологические принципы построения информационных моделей являются предметом информатики, а построение и обоснование информационной модели – задача частных наук. Так, предметную деятельность будущего учителя русского языка и литературы наиболее адекватно отражают вербальные и табличные информационные модели, кроме этого, нередко используются информационные модели, представленные в виде алгоритмов, графов, формул.

Задачами настоящего исследования являлись следующие:

1) выполнить анализ и обобщить результаты научных исследований по вопросам использования задач в процессе обучения, определения понятия «лингвистическая задача», уточнения признаков лингвистических задач и классификации лингвистических задач;

2) проанализировать систему обучения решению лингвистических задач студентов и выявить уровень их компетенции посредством проведения констатирующего эксперимента и анализа его данных;

3) разработать методическую систему обучения студентов филологического факультета решению лингвистических задач на основе метода информационного моделирования и экспериментально проверить и оценить эффективность предложенной методики.

Основные методы исследования: изучение, анализ и систематизация научной литературы; анализ процесса обучения решению лингвистических задач в вузе; педагогическое наблюдение, анкетирование, моделирование; педагогический эксперимент.

На первом этапе исследования была выявлена возможность и условия использования информационного моделирования в ходе решения лингвистических задач студентами-филологами; определены цели использования информационного моделирования в обучении решению лингвистических задач; рассмотрены лингвистические задачи как особый вид познавательных задач, выявлены признаки и определены классификации лингвистических

задач [1]; определены методы и приёмы обучения студентов решению лингвистических задач на основе информационного моделирования.

Первый этап изучения информационного моделирования в экспериментальных и контрольных группах проходил вне данного эксперимента в рамках освоения курса «Математика и информатика», где студенты получили базовые знания об информационном моделировании как методе информатики, способном к интеграции в любую предметную деятельность. Затем студенты экспериментальных групп имели возможность под руководством преподавателя применить эти знания в курсе «Структурная лингвистика». Это второй этап обучения информационному моделированию, который представлял собой непосредственную интеграцию данного метода в предметную лингвистическую деятельность студентов филологического факультета. На данном этапе нас интересовал, прежде всего, процесс решения лингвистических задач с использованием знаний, умений информационного моделирования как способа действия (деятельности), приобретенного для решения предметных задач. Первый и второй этапы обучения студентов решению лингвистических задач на основе информационного моделирования мы соотносим с формированием учебной компетентности, так как на этих этапах студенты получают знания, умения, навыки и способы деятельности, которые формируются в процессе обучения информационному моделированию и обеспечивают владение им. Отработанные умения и навыки информационного моделирования лингвистических объектов позволяют студентам уже самостоятельно применять данный метод при изучении дисциплин предметной подготовки – курса «Современный русский литературный язык (Морфология)». На этом этапе преподаватель выступает в роли консультанта, наблюдает за процессом решения лингвистических задач с применением информационного моделирования. Способность студентов к самостоятельной деятельности – информационному моделированию, сформированная на основе полученных знаний, умений, навыков и способов деятельности в процессе изучения курса «Структурная лингвистика», для решения лингвистических задач понимается нами как результат обучения на данном этапе – профессиональная компетентность.

После завершения экспериментального обучения были вновь проведены диагностические методики. Как и на констатирующем этапе эксперимента, студентам были предложены специально разработанные контрольные материалы по современному русскому литературному языку для определения уровня компетентности. Контрольные материалы включали лингвистические задачи трех типов по проблемно-содержательному принципу: 1) на определение грамматического значения; 2) на определение значения слов и выражений (грамматических понятий и терминов); на правописание, так как именно эти задачи студенты решали на занятиях по морфологии [2].

Диагностика учебной компетентности проводилась по критериям оценки, разработанным В.П. Симоновым [3]. При этом уровень обученности выявляет уровень овладения компетентностью.

Результаты показали, что большая часть студентов контрольных групп получила второй, третий и четвертый уровни обученности, в то время как студенты экспериментальных групп значительно улучшили свои учебные достижения и получили третий, четвертый и пятый уровни обученности по критериям оценки, разработанным В.П. Симоновым. Анализ работ студентов контрольных групп показал, что 32% студентов демонстрируют неосознанное воспроизведение изученных правил, определений, но затрудняются дать им объяснения, ответить на вопросы, требующие размышлений и выводов. Данная группа студентов лучше всего справилась с задачей на определение значения морфологических терминов. 30% студентов показывают осознанное воспроизведение, то есть, отвечая на большинство теоретических вопросов, проявляют способность к анализу, самостоятельным выводам. Так, для того чтобы ответить на второй и третий вопросы, необходимо не только знать теоретические положения, но и уметь их анализировать, применять в новой ситуации. Но при этом и первая, и вторая группы

студентов допускают много ошибок в задачах на определение грамматических значений, поскольку не могут применить полученные знания на практике. 25% студентов обнаруживают элементарные умения и навыки: чётко и логично излагают теоретический материал, свободно дают определения понятиям и терминам и, допуская незначительные ошибки, решают задачи. 8% студентов демонстрируют творческий уровень обученности, свободно и без ошибок решая все предложенные задачи. 5% студентов показали очень слабый уровень обученности.

Анализ работ студентов экспериментальных групп показал, что лишь 11% студентов, зная правило, не умеют его применить, допускают много ошибок в решении грамматических задач, тем самым показывают уровень неосознанного воспроизведения. Уровень понимания (осознанного воспроизведения) демонстрируют 33% студентов, столько же студентов получили четвёртый уровень обученности – элементарные умения и навыки, допустив несколько негрубых ошибок в работе. Значительная динамика наблюдается по отношению к творческому уровню – 20% студентов экспериментальных групп показали свободное оперирование усвоенной теорией в практической деятельности. Рост уровня обученности у студентов экспериментальных групп обеспечивается систематическим использованием информационного моделирования в решении лингвистических задач. Отработка приёмов системно-структурного анализа лингвистических объектов, выделения главного и второстепенного, группировки (классификации) языковых явлений и фактов, алгоритмизации грамматических правил, а также актуализация внимания студентов на действиях, составляющих решение задач, способствовали достижению не только репродуктивного уровня обученности, но и творческого уровня. Кроме того, студенты экспериментальных групп во время контрольного среза чувствовали себя более уверенно и выполнили работу быстрее.

Диагностику профессиональной компетентности мы проводили на основе критериев оценки уровней обучаемости, разработанных П.И. Третьяковым [4]. Для проведения диагностики обучаемости студентам, как и на констатирующем этапе, была предложена работа по новой теме современного русского литературного языка: «Категория состояния как часть речи». После объяснения материала студентам была предложена самостоятельная работа.

Обработав материалы среза, мы выяснили, что половина студентов экспериментальных и контрольных групп имеют второй – прикладной уровень обучаемости, что соответствует знанию теоретического материала, умению применить грамматическое правило как по образцу, так и в изменённой ситуации. 36% студентов экспериментальных групп смогли достичь третьего – творческого уровня, то есть способны самостоятельно решать задачи, выходящие за пределы изучаемой темы, применять знания на практике, самостоятельно выбирать цели и программу действий.

Полученные данные показывают, что студенты экспериментальных групп демонстрируют рост уровня обучаемости, что определяет результативность учебного процесса в данных группах, повышение уровня компетентности.

Для оценки достигнутого уровня готовности студентов использовать метод информационного моделирования в решении лингвистических задач на заключительном этапе эксперимента был проведен контрольный срез, использованный на констатирующем этапе эксперимента. Контрольные материалы также включали научный текст по современному русскому языку «Служебные части речи» и задачи к нему.

Проверив работы студентов и обработав данные, мы выяснили, что студенты экспериментальных групп получили 1 и 2 балла за решённые задачи, 0 не получил никто. Лучше всего студенты справились с четвёртой задачей, представив системно-структурный анализ категории залога в виде схемы, на которой отразили все необходимые компоненты и определили порядок связи между ними. 66% студентов представили вербальную модель категории залога, указав все родовые и видовые признаки, 34% студентов не смогли увидеть все главные признаки. Более половины студентов успешно справились с решением второй

задачи, 43% студентов имели недочёты в определении оснований классификации. Самой сложной оказалась задача на построение алгоритма определения залога глагола, безошибочно построили алгоритм и верно определили по нему значение залога 25% студентов, остальные 75% имели недочёты в построении алгоритма и ошибку в определении значения залога.

Сопоставительный анализ полученных данных на завершающем этапе исследования в экспериментальной и контрольной группах показал, что за период экспериментального обучения все параметры значительно улучшились в экспериментальных группах, в то время как результаты контрольных групп демонстрируют лишь небольшую динамику роста.

Таким образом, можно сделать вывод, что информационное моделирование как учебная деятельность служит средством психологического развития (процессов восприятия, внимания, воображения, памяти), формирует у студентов научно-теоретический стиль мышления, выступает в роли учебного средства, с помощью которого достигаются цели обучения – формируются информационно-коммуникационная и лингвистическая компетентности. При этом следует отметить, что эксперимент доказал необходимость поэтапной интеграции метода информационного моделирования в предметную деятельность студентов филологического факультета, так как только у студентов экспериментальных групп результатом обучения стала сформированная способность к самостоятельному моделированию в процессе решения лингвистических задач.

Полученные в ходе опытно-экспериментальной работы результаты исследования позволяют считать его задачи решенными, а гипотезу подтвержденной.

Библиографический список

1. Киселева Н.А. Лингвистические задачи и их классификация // Известия Российского педагогического университета им. А.И. Герцена. № 37 (80): Аспирантские тетради: Научный журнал. – СПб., 2008. – С. 159-162.
2. Киселева Н.А. Методика обучения решению лингвистических задач студентов филологического факультета на основе информационного моделирования [Текст]: дис. ... канд. пед. наук. - Орёл: Изд.-во ОГУ, 2009. - 277 с.
3. Симонов В. П. Диагностика личности и профессионального мастерства преподавателя: учебное пособие для студентов педвузов, учителей и слушателей ФПК. – М.: МПА, 1995. – 192 с.
4. Третьяков П. И. Управление школой по результатам: практика педагогического менеджмента. – М.: Новая школа, 1997. – 288 с.

УДК 811.161.1

Федосова Е.А.

Волгодонский институт (филиал) «Южный федеральный университет

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АКЦИЯ «ТОТАЛЬНЫЙ ДИКТАНТ» КАК ШАГ В ФОРМИРОВАНИИ ПОТРЕБНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ГРАМОТНОЙ РЕЧИ

Аннотация

В данной статье раскрывается необходимость совершенствования коммуникативной потребности человека в современных социокультурных условиях посредством реализации языкового потенциала населения в рамках ежегодной образовательной акции «Тотальный диктант».

Аннотация

The article deals with the necessity of a man communicative need improvement in modern sociocultural conditions through the realization of population linguistic potential during the annual educational action "Total dictation".

Ключевые слова: тотальный диктант, мышление, ассоциативные связи, языковая личность; коммуникативные потенции, коммуникативная компетенция.

Key words: total dictation mentality, associative contacts, language personality; communicative potency; communicative competence.

В настоящее время в связи с трансформацией социально-политической ситуации в мире наметились значительные перемены во взглядах на сущность и содержание речевой культуры. Владение родным языком, имеющим статус государственного, позволяет гибко реагировать на изменения речевой ситуации. Высокий уровень языковой подготовки является средством развития гуманистической сущности человека.

Современное образовательное пространство разных ступеней выявило ряд проблем, связанных с общим языковым уровнем и коммуникативными навыками человека. Ослабление цензуры, жестких рамок публичного общения, снижение общего уровня культуры, многообразие жанров общения наряду с полуобразованным владением языком привели к речевой неполноценности носителей языка. В связи с этим возникает необходимость формирования коммуникативных приоритетов в рамках самореализации личности.

Ориентация на интеллигентное владение языком предполагает жесткие рамки самоцензуры, устраняющей речевую неряшливость, а порой и полную раскрепощенность, и формирующей чувство языковой ответственности. Овладение умением грамотно выразить свои мысли требует постоянного стремления к совершенствованию собственной речи, как письменной, так и устной, и системности в работе над ней.

В связи с этим международная акция по проверке грамотности населения «Тотальный диктант» является позитивным началом в повышении языкового уровня русскоговорящих граждан Российской Федерации и других городов мира.

Языковая грамотность человека не всегда в полной мере раскрывается в среднем звене образования. Ориентация на репродукцию знаний зачастую приводит к немотивированному использованию языковых единиц. Грамотность является инструментом в формировании мобильной языковой личности.

Первоначальное значение грамоты – «умение читать и писать» [2]. Современные требования значительно расширили свои границы, включив в понятие грамотности не только навыки, полученные на первой ступени образования, но и информационную составляющую языковой культуры как интегрирующее начало общей культуры.

Взросшие требования к гуманитарному образованию в современных социокультурных условиях выявили необходимость модернизации содержания дисциплины «русский язык и культура речи», а также обусловили поиск новых педагогических технологий преподавания данной дисциплины. Курс русского языка и культуры речи тесно связан с риторикой, историей языка, физиологией, этикой, психологией. Способность отбирать речевые средства с учетом ситуации и обстановки речи, умение избегать двусмысленности, тавтологии, тяжеловесных, с трудом воспринимаемых конструкций, умение правильно писать и говорить, умение работать с текстами разных функциональных стилей и говорит о высоком уровне языковой подготовки.

Государственный стандарт второго и третьего поколений относит дисциплину «Русский язык и культура речи» к гуманитарному циклу и рекомендует ее изучение на первом курсе. В рамках освоения предмета предполагается рассмотрение языковой нормы, ее роли в становлении и функционировании литературного языка, особенностей функциональных стилей русского языка и формирование основ публичного выступления.

На современном этапе развития высшего образования возникают проблемы несоответствия временных затрат и требований, предъявляемых к коммуникативным компетенциям студента. Ориентация отдельных направлений (030900 Юриспруденция, 050400 «Психолого-педагогическое образование», 040100 «Социология») на устное речевое общение предполагает раскрытие психолингвистических особенностей общения. Но вместе с тем все студенты представленных направлений должны научиться составлять и

редактировать документы, что в свою очередь говорит о необходимости оттачивания письменной речи.

Формирование гибкости мышления, глубины ума невозможно без мотивированного использования языкового материала. Осознание пластичности данного материала приводит к осознанию его многофункционального использования. Раскрытие своих языковых потенциалов позволяет обогатить собственную жизнь. Говоря словами Т.Брауна, «жизнь – чистое пламя; мы живём с невидимым солнцем внутри нас» [1].

Тотальный диктант в г. Волгодонске проходит уже четвертый год. В 2012 году это была пробная акция, задействовавшая всего 51 человек. Результаты не были внесены в общий регистр, но участники были ознакомлены с ними. Проверяющими выявлено парадоксальное явление: участники старше 50 лет показали очень высокий уровень орфографической грамотности при оценке «2». Поскольку текст Захара Прилепина построен синтаксически сложно, то трудности были связаны с пунктуационным оформлением диктанта. К сожалению, авторская концепция не дала возможности проверить грамотность населения: нарочитая усложненность текста не способствовала проверке уровня грамотности, а явилась препятствием.

Текст 2013 года, взятый из произведения писательницы Дины Рубиной, был более простым. Следует также отметить высокий уровень авторского прочтения текста, что позитивно сказалось на результатах написания диктанта. Но из 118 человек только одна работа оказалась написанной на «5».

12 апреля 2014 года данная акция вновь была проведена во многих городах России, в том числе и в Волгодонске. Участие принимало почти в два раза больше человек. Следует отметить высокий процент участия молодежи. Более половины участников – молодые люди 17-25 лет. Как научно-педагогический сотрудник вуза хочу отметить пропедевтическую работу филиалов в нашем городе. Интерес к акции со стороны администрации города, СМИ, общественных организаций и образовательных учреждений значительно усиливает мотивацию участников.

Увеличилось количество школьников, желающих принять участие в проекте. Негативным моментом по отношению к данной целевой аудитории стала выдача сертификатов, в которых, помимо информации об участии в образовательной акции «Тотальный диктант», содержались сведения об оценке. Дети среднего школьного возраста в силу имеющихся у них знаний не могли написать диктант на высокую оценку. Показать такой сертификат или добавить его в собственное портфолио ребенок не может. Без учета возрастных психологических особенностей данной возрастной категории мы не сможем мотивировать учащихся средних образовательных учреждений.

Данный негативный факт отразился на участии школьников в акции 2015 года. Их пришло в три раза меньше. Это свидетельствует о необходимости должным образом продумывать все нюансы образовательной акции, учитывая мотивы и возможности дальнейшего укрепления интереса к данному мероприятию.

Присутствие человеческого фактора, а именно организация волонтерами подготовительного и последующих этапов, играет важную роль в формировании позитивного настроения аудитории по отношению к таким акциям. Большинство волонтеров не разбирается в нюансах, что свидетельствует о необходимости детальной проработки каждого этапа акции.

Анализ проверенных работ выявил средний уровень грамотности населения города. При 60 % «двоек» следует отметить большой процент работ, близких к удовлетворительным. В нашем городе была получена всего одна отличная оценка. Диктант на «отлично» написал молодой человек (25-30 лет), пришедший на площадку по просьбе своей девушки.

Среди наиболее часто встречающихся ошибок правописание одной и двух букв –н– в причастиях, правописание производных предлогов, обособление определений, вводных конструкций. Смешными были ошибки, связанные с непониманием значения слова (вместо «брезентовыми» 2 человека написали «презентовыми»).

Практически 90 % участников в последнем предложении ««Чусовская – Тагил», солнечный поезд моего детства» вместо запятой поставили тире. Это обусловлено, на наш взгляд, возможностями прочтения текста. В этом году к диктовке были привлечены учителя-словесники и преподаватели филологических дисциплин. Прочтение же текста автором было неэмоциональным, без учета специфики языковых нюансов. Разница между приложением, когда ставится запятая, и тире между подлежащим и сказуемым, значительна. И кроется она не только в разных знаках препинания, но и в смысловой нагрузке. Учитывая, что большая часть пишущих диктант перепроверяла себя после написания текста, следует отметить перевес смысловой нагрузки. Показать разницу интонационно возможно при правильной установке аудитории, письменно невозможно. Желательно, чтобы в последующие годы таких «подводных камней» было меньше, поскольку, завышая планку, мы не всегда сможем добиться желаемого.

Текст диктанта 2015 года (Часть 3. Волшебный фонарь) оказался проще в орфографическом плане. 17 человек из 161 участника (10,6 %) написали диктант без единой орфографической ошибки. При этом 89 человек допустили ошибку в написании проверяемой безударной гласной в корне слова (развевается). Удивительно, но даже достаточно грамотные (судя по работам) люди допустили эту ошибку.

104 человека сделали ошибку в наречии «вполоборота», 30 человек – в наречии «враспынную», 14 – в наречии «набок». Как видим, наиболее трудным для написания оказалось наречие «вполоборота». Встретилось 5 видов неправильного написания: вполоборота, в пол оборота, впол-оборота, в пол-оборота, в поборота. Действительно, данная тема является одной из самых сложным в школьном курсе освоения русского языка, тем более что в тексте встретились три наречия.

Большинство коллег назвали данный текст более сложным, чем в прошлом году, но результаты говорят о противоположном: в течение трех лет всего лишь один участник получал «отлично», в то время как в этом году 5 человек (3 %) показали отличные результаты.

20 человек сделали ошибку в слове «апокалипсис», 36 – в слове «обожженных». Словарные слова, достаточно часто встречающиеся в текстах современных СМИ, вызвали трудности при написании. 39 человек, четвертая часть всех написавших диктант, написали слово «кованый» с двумя –н-. 28 человек ошиблись в написании сложного прилагательного «огненно-жёлтый», причем 9 человек допустили в этом слове по две ошибки.

Не обошлось и без казусов. Варианты написания слов таковы: «торжеественно», «обрасчал (обращал)», «колесница», «прозба», «проежжая», «на бороном коне», «обозженных», «едующих», «избыдка», «праезжая», «колестница», «носос», «нефский». Позитивным в данном случае является тот момент, что повысить свою грамотность пришли люди и с низким уровнем знаний. Значит, актуальным в настоящее время является повышение языкового уровня населения.

Пунктуация же, напротив, стала краеугольным камнем для участников образовательной акции. Вводные конструкции, в изобилии встречающиеся в предложенном тексте, оказались достаточно тяжелым испытанием для аудитории. Многие, кроме того, оказались в «ловушке» авторского чтения: поставили запятую после слова «вот» (авторское чтение в этом году, действительно, было выразительным, что очень порадовало филологов, добровольно участвующих в акции).

Хотелось бы, чтобы тематика диктантов была тесно связана с проблемами, обозначенными государством, например, с темой литературы в 2015 году. Воспитание гражданственности также возможно посредством решения второстепенных задач. Текст должен решать нравственные, интеллектуальные задачи. Участник образовательной акции должен не только написать текст, но и, выйдя из аудитории, размышлять о тематике, заданной диктантом.

Возможности современного научно-технического развития открывают большое количество перспектив для реализации собственного потенциала. Это касается как

профессиональной сферы, так и личностной. Интеллектуальная мобильность предоставляет человеку возможность найти себя, расширить пространство своей нужности.

Важным начинанием стало проведение подготовительных курсов «Русский язык по пятницам». Но предложить потенциальным участникам освоить огромный материал за короткое время нереально. В рамках малого города это должно быть тщательно продуманным шагом.

Реализация в рамках подготовительных курсов языковых потенциалов происходит посредством технологий развивающего образования. При изучении орфоэпических, орфографических и грамматических норм мы в большей степени акцентируем внимание на алгоритмических приемах овладения ими. Но для освоения лексических норм необходимы эвристические приемы. Такой подход не случаен: он позволяет развивать как репродуктивное мышление, так и творческое. Различные комбинации образовательных приемов помогают слушателям курсов не только ретранслировать полученную информацию, но и творчески ее переосмысливать.

Качественное повышение уровня речевой культуры невозможно без осмысленного употребления слов и выражений в конкретной речевой ситуации. Овладение умением образно выразить свои мысли требует постоянного стремления к совершенствованию собственной речи, как письменной, так и устной, и системности в работе над ней.

По прошествии определенного количества лет после школы или вуза человек несколько иначе смотрит на свои языковые возможности и иногда совершенно иначе оценивает себя. Будучи отличниками и хорошистами в образовательных учреждениях, участники акции, сами о том не задумываясь, подтверждают эти статусы или опровергают их. Так спустя много лет образовательная система «получает привет» от своих питомцев.

Сами же участники, благожелательно настроенные на идею, объединяющую разных людей, являются неизмеримой ценностью, поскольку желание проверить свой языковой уровень, обозначить для себя круг ошибок – объективное свидетельство гибкости мышления. Социальная активность с ориентацией на позитивные изменения позволит человеку добиваться успеха в области коммуникаций.

Библиографический список

1. Давтян А.О. Книга мудрости. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. 304 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. 944 с.

СЕКЦИЯ 17. Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки

УДК 81.574

Лапина И.В., Жилкибаева А.

Karaganda Economic University of Kazpotrebsoyuz

РОЛЬ ПОЛИЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН THE ROLE OF MULTILINGUAL EDUCATION IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме полиязычного образования в Республике Казахстан. Рассматривается роль языков в современном мире. Полиязычие является ключевым фактором в подготовке квалифицированного специалиста. В эпоху глобализации, мобильности и миграции, многоязычие предлагает новые решения для нашего общества.

Abstract

The article is devoted to the actual problem of multilingual education in the Republic of Kazakhstan. This article observes the role of languages in the modern world. Multilingualism is essential in building qualified specialist. In the age of globalization, mobility and migration, multilingualism can provide new solutions for individuals and for our society.

Ключевые слова: полиязычие, поликультурное образование, квалифицированный специалист, конкурентоспособный выпускник

Key words: multilingualism, multilingual education, qualified specialist, competitive specialist

Nowadays, in the era of technologization and globalization we can observe the enhancement of the search process of effective conditions and mechanisms that will educate the youth so that it is capable of a dialogue with other cultures. The social history shows that its prosperity depends not only on the economy, technology and common culture, but first and foremost on the word culture. The training of a qualified professional with a high level of culture (including the word culture) is indeed the main problem of education today. The realities of the modern situation of social development and the language situation in Kazakhstan – a multinational country with a long history where peoples, nations, and cultures are intertwined - now dictates the necessity to develop basic principles and methodological approaches to the formation of communicative linguistic personality.

According to the President N. A. Nazarbayev: "Kazakhstan is unique and powerful country due to its multinationality. A unique multicultural space is formed on its territory... Multiculturalism in Kazakhstan is a progressive factor of the social development. Eurasian roots of the peoples of Kazakhstan allow to connect the Eastern, Asian, Western, European flows and create a unique Kazakh version of multiculturalism"[1].

Nowadays multicultural education in the Republic of Kazakhstan is one of the main objectives of the specialized secondary and higher education. Education is an important stage in the process of formation and development of a multicultural identity; it is a conscious formation stage of the key elements and principles of life. Namely, multilingualism is able to provide a student with a favorable environment that ensures a harmonious combination of the development of universal humanist qualities in the individual and the ability to implement their national, cultural, and ethnic needs. It should be noted that under present conditions people's life style is unified in a certain way, many national differences are getting erased, people lose the connection with their roots, and moral experience of previous generations is being devalued.

Therefore, the most important educators' task is to use all their unique experience and knowledge of the cultural traditions of peoples and ethnic groups, human values and world culture in the creation of favorable educational and educative environment that contributes to the formation of community-minded person.

Undoubtedly, the basis for the formation of a multicultural personality is multilingualism. Multilingualism is regarded as an effective tool of training of the young generation in an interconnected and interdependent world. In this context, understanding of the role of languages in the world today confronts us with the issue of language training and its improvement [2]. The following system of educational principles applies in multilingualism: Kazakh - Russian– English.

The President of the Republic of Kazakhstan Nazarbayev N. A. has set a high standard for the domestic education. It has to become competitive and high-qualified, so that graduates of Kazakh schools could easily continue their education in foreign universities.

Kazakhstan remains a multi-ethnic and multi-confessional state and at the same time experiences a complex and controversial period of its cultural and language development, as demonstrated by the linguistic situation, characteristic of which is given in the Concept of the language policy of the Republic of Kazakhstan. It should be noted that the key idea is that all documents according to the language policy should be used in several languages [3].

The abstract from the Development Concept of the education system of Kazakhstan 2015: "Knowledge of the native, state, Russian and foreign languages broadens people's minds, promotes their all-round development and the formation of tolerance and three-dimensional world view."

The usage of any language should be accompanied with the study of native speakers' culture. Moreover, this process should be synchronized. The multilingualism should be composed of the native language which fixes the awareness of belonging to a specific ethnic group, Kazakh language as a state language, its knowledge contributes to the successful civic integration, Russian language as a source of scientific and technical information, and foreign languages that develop the human capacity for self-identity in the world community. Therefore, the usage of a foreign language as one of the main indicators of human adaptation to the new social, political and cultural realities is now the main task of scientific research and implementation. In addition, there is a real necessity of a new interpretation of the established traditional concept of language policy and language situation in the period of independence.

English is the native language of more than 400 million people who live in 12 countries, including the US, Canada, England, Australia, New Zealand and others.

In more than 30 countries, such as India, Singapore, Philippines, Malaysia, Burma, and many others, it is as widely used as the national language [4]. English takes the first place in the world among foreign languages taught in secondary and high schools, as well as various courses of adult education system. In Kazakhstan, for example, about 70% of pupils and students learn English [5]. Fluency in English is becoming the standard for scientific and technical specialists in most developed countries. It is the primary means of communication between foreign tourists and service personnel on all continents. It is believed that currently about 1 billion people, i.e. one fifth of the global population, speak English.

English has become the international language of aviation and shipping. English is used in the majority of the international scientific, technical, political and professional conferences, symposia and workshops. Summarizing everything mentioned above, we can say that English in the modern world plays an important role.

Foreign language teaching is one of the key elements of the system of professional training at all levels in the Republic of Kazakhstan, including educational institutions of secondary and higher professional education. Nobody can manage without the knowledge of a foreign language in the world today. Knowledge of foreign language is necessary in order to be competitive on the labor market.

The content of multicultural education is multidimensional and has a high degree of interdisciplinary, which allows us to consider the problem of multicultural education as part of

humanitarian, scientific, artistic and aesthetic disciplines and special courses on history and culture of separate peoples.

Thus, multicultural and multilingual education is the most important thing in the formation of the competitive specialist, outgoing positive personality.

Reference

1. Полиязычное образование: теория и методология. — Алматы: Наука, 2008.
2. Казахстан: образование в условиях полиязычия // Педагогика. — М. — 2008. — № 6.
3. Современная языковая ситуация как фактор полиязычного образования // Актуальные проблемы современности: международный научный журнал. Сер. «Педагогика». — 2008. — № 11 (28).
4. www.gse.nu.edu.kz
5. www.inform.kz